

Научная серия
«Современная русистика: направления и идеи»
Редакторы:
Александр Киклевич и Алла Камалова

Том II:
Концепты культуры в языке и тексте:
теория и анализ

Publikacje Centrum Badań Europy Wschodniej
Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie

Научная серия
«Современная русистика: направления и идеи»
Том II

Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ

Научная редакция
Александра Киклевича и Аллы Камаловой

Olsztyn 2010

W tomie z udziałem polskich i rosyjskich językoznawców są rozważane problemy współczesnej lingwistyki kulturowej. W centrum uwagi autorów tomu znajdują się teoretyczne aspekty conceptologii lingwistycznej, jak również szczególne zagadnienia semantycznej analizy języka i tekstu. Za obiekt badawczy służą jednostki leksykalne oraz teksty w językach europejskich, głównie rosyjskim, polskim, niemieckim i angielskim. Obok apologii współczesnej etnolingwistyki oraz lingwistyki kognitywnej dużo miejsca zajmuje krytyczne ujęcie tych kierunków współczesnego językoznawstwa, zwłaszcza w wersji rosyjskich badaczy.

Recenzent: JELIZAVETA KOTOROVA (Uniwersytet Zielonogórski)

ISBN 978-83-61605-20-1

© Copyright by ALEKSANDER KIKLEWICZ, AŁŁA KAMAŁOWA

Projekt i opracowanie graficzne okładki:

ŁUKASZ FAFIŃSKI

Skład i łamanie:

HELENA POCIECHINA

Wydawca:

CENTRUM BADAŃ EUROPY WSCHODNIEJ
UNIwersYTETU WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO W OLSZTYNIE
10-725 Olsztyn, ul. K. Obitza 1

Druk i oprawa:

ZAKŁAD POLIGRAFICZNY
UNIwersYTETU WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO W OLSZTYNIE
10-724 Olsztyn, ul. Jana Heweliusza 3

Dystrybucja:

CENTRUM BADAŃ EUROPY WSCHODNIEJ
INSTYTUT DZIENNIKARSTWA I KOMUNIKACJI SPOŁECZNEJ
ul. K. Obitza 1, 10-725 Olsztyn
tel. +48 89 524 63 47

Internet: <http://uwm.edu.pl/cbew>
e-mail: komunikacjam@uwm.edu.pl

Содержание

От редакторов	9
ПОСТУЛАТЫ И МЕТОДЫ	
Л. М. ВАСИЛЬЕВ (Уфа), О понятиях и терминах когнитивной лингвистики	11
А. А. КАМАЛОВА (Ольштын), Когнитивная лингвистика в России (краткий обзор)	23
О. Н. КОНДРАТЬЕВА (Кемерово), Особенности реконструкции концептов в древних текстах	43
Е. А. ПОТЕХИНА (Ольштын), Концепт «грех» в православном дискурсе исповеди	63
Е. А. ПИМЕНОВ (Кемерово), Метафизические составляющие человека (<i>Geist</i> и <i>дух</i> в немецкой и русской картинах мира) ...	91
М. В. ПИМЕНОВА (Кемерово), О культурных стереотипах (представления о мудреце в русской и английской лингвокультурах)	101
Е. Е. ПИМЕНОВА (Кемерово), Образы неба в произведениях А. С. Пушкина	115
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	
А. Т. КРИВОНОСОВ (Нью-Йорк), Спорное в когнитивной лингвистике	131
И. К. АРХИПОВ (Санкт-Петербург), Природа концепта и методы его изучения	163
А. К. КИКЛЕВИЧ (Ольштын — Седльце), Концепт! Концепт... Концепт? К критике современной лингвистической концептологии	175

К читателю

Предлагаемый читателю сборник является результатом сотрудничества польских и русских языковедов, а прежде всего инициативы проф. Аллы Камаловой, которая нашла отклик у исследовательской группы из Кемеровского государственного университета под руководством проф. Марины Пименовой. Темой сборника были выбраны концепты, «константы культуры» — по определению Ю. С. Степанова, а именно — их лингвистическое изучение. В своей книге 2007 года упомянутый здесь Степанов пишет (приводя цитату из Марины Цветаевой: «Не презирайте внешнего, цвет ваших глаз так же важен, как и их выражение»), что культурологи в последнее время все чаще обращаются к «внешнему», в частности, к формам манифестации культуры в языке. Лингвисты же, уделом которых в течение столетий было изучение языковых форм, напротив, стали обращаться к «внутреннему», т.е. к психической, когнитивной, духовной мотивации языковых единиц.

В польском языкознании изучение так называемой языковой картины мира (представляющей собой — по моему мнению — скорее спекулятивный исследовательский продукт, чем реально существующий объект) связано, главным образом, с категорией стереотипа. В русской же «лингвокультурологии» такой единицей является концепт. Независимо от того, разделяем ли мы научные взгляды представителей «открытого» языкознания, признаем ли исследовательские результаты культурной лингвистики, очевидным является факт, что данное направление стало едва ли не доминирующим в современном русском языкознании. С этим и связана целесообразность издания специального научного тома, целиком посвященного проблематике лингвистического изучения концептов.

По отношению к данному направлению в лингвистической науке нет единого мнения: есть его апологеты, но также и его убежденные противники (любопытно, что среди апологетов преобладают женщины, а среди критиков — одни мужчины). Поэтому данный сборник разделен на две части. В первой представлены постулаты культурной лингвистики (в статьях Л. М. Васильева и А. А. Камаловой), а также опыты исследования — в культурно-семантическом аспекте — конкретного языкового и текстового материала. Здесь особенно следует выделить статьи Е. А. Потехиной и О. Н. Кондратьевой, написанные на материале архаических текстов, т.е. представляющие собой — в определенной степени — реконструкцию фрагментов общественного сознания отдаленных от нас эпох.

Вторая часть книги имеет аналитический и в значительной степени критический характер. В статьях А. Т. Кривоносова, И. К. Архипова и А. К. Киклевича рассматриваются спорные вопросы этнолингвистики и когнитивной лингвистики, указываются методологические просчеты и противоречия, а также предлагаются новые решения проблем описания языковой семантики — с учетом общей теории систем, функциональной лингвистики, принципов инвариантности и интегративности языковой системы. Здесь подчеркивается необходимость связи семантических исследований с лингвистической традицией, в частности, выработанной в русском языкознании в течение двух прошедших столетий.

Выпуская в свет эту книгу, редакторы надеются, что она вызовет интерес не только у русистов, потому что отношение между «внутренней» и «внешней» лингвистикой, а также теоретические проблемы описания содержательного плана языковых знаков актуальны для современного польского, да и вообще — для европейского и мирового языкознания. Будем благодарны читателям за отзывы на книгу.

Александр Киклевич
Olsztyn, январь 2010
aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

*П*остулаты и методы

Л. М. ВАСИЛЬЕВ
Башкирский государственный университет
Уфа

О понятиях и терминах КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика, концепты, семантические категории, категоризация и концептуализация, теория примитивов, теория прототипов

Новое направление в современном языкознании, получившее название когнитивной лингвистики и ставшее весьма популярным среди лингвистов, не имеет пока единой и прочной теоретической базы. И тем не менее некоторые достижения когнитивной лингвистики и многие ее научные цели заслуживают серьезного внимания. Перспективными, в частности, представляются теория концептуализации, т.е. учение о концептах и когниции как способе освоения (отражения) реальной действительности; идеи прототипической категоризации; мысли о параллелизме семантических (языковых, семиотических) и когнитивных сфер (ментальных пространств), активно взаимодействующих в актах познания и мышления, но нетождественных друг другу; теория базового (среднего) уровня как наиболее важного для обыденного общения, так как именно на этом уровне осуществляется цельнообразное (гештальтное) мышление; новая теория метафоризации, считающая метафору не просто средством словообразования и образительности, а одной из основных когнитивных моделей, важнейшим способом образ-

* Статья известного русского языковеда повторно публикуется с позволения автора на основе издания: Васильев Л. М. (2006), Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Сборник избранных статей. Уфа, 46-53.

ного мышления и познания; мысли об опорных языковых значениях («ключевых словах») и об их внеязыковых ментальных коррелятах (концептах) (подробнее см.: Васильев 2006). Большой заслугой когнитивной лингвистики является и то, что она утвердила семантику в качестве главного уровня языка, а учение о значениях в качестве главного раздела языкознания (Ченки 2002, 344).

В данной статье мы остановимся на двух кардинальных понятиях когнитивной лингвистики — на понятиях концепта и прототипа.

Главная цель когнитивной лингвистики — выявление принципов взаимодействия языковых и неязыковых знаний, языкового и неязыкового мышления. Это, бесспорно, весьма важная цель, как и задачи, из нее вытекающие. Впервые такая цель в явной и ясной форме была поставлена в трудах А. А. Потебни (в его учении о «ближайших» и «дальнейших» значениях), И. А. Бодуэна де Куртенэ (в его учении о языковом, интуитивном и научном знании) и Ф. де Соссюра (в его учении о внутренней и внешней лингвистике). Необходимость разграничения языковых значений и иных ментальных сущностей (например, понятий, представлений, смыслов и т.п.) осознавалась в традиционной лингвистике и другими учеными (вспомним хотя бы споры о том, равно или не равно значение понятию), но все же чаще всего языковые значения отождествлялись с понятиями (логическое направление) или представлениями (психологическое направление). Совсем иначе обстоит дело в современной лингвистике, и не только в когнитивной: сейчас единодушно признается, во-первых, языковое (вербальное) и неязыковое (невербальное) мышление и, во-вторых, языковое и неязыковое знание как база того и другого типов мышления. В качестве родового понятия для всех образований, структурирующих ментальное содержание (концептосферы, ментальные пространства, когнитивные поля) утвердился термин «концепт», хотя больше на эту роль подо-

шел бы термин «представление» (или «фрейм»), ибо термин «концепт» употребляется еще и как синоним термина «понятие» (в соответствии с его этимологией). Однако общепринятого определения этого понятия нет. Концепт понимается и как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова и др. 1996, 90), и как семантический признак (или маркер) (там же, 90), и как значение языкового выражения (там же, 92) или смысл (Кубрякова 2002, 8), и как «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов 1997, 40). Разработана типология концептов. Выделяют следующие их типы: конкретно-чувственные образы, представления, гештальты, сценарии (скрипты), фреймы, инсайты, схемы, понятия, пропозиции, прототипы, оценки и др. (см. о них, напр., в след. работах: Бабушкин 1998; 12ссл.; Попова, Стернин 2001, 72сл.; Болдырев, 2001; 3бссл.; Кубрякова, 2002; 7ссл.).

Что же можно принять и что не следует принимать из суждений ученых о концептах и прототипах?

1. Концепты — это, конечно, ментальные сущности, ментальные репрезентации объектов (Кубрякова 2002, 10), образы реального мира, закодированные нашим сознанием. Как правило, они представлены значениями языковых единиц (лексических, фразеологических, синтаксических). Не следует, думается, называть концептами наши знания о формальных системных связях единиц языка, т.е. «классификационные фреймы» (Болдырев 2002, 64сл.), или формальные значимости: парадигматические, синтагматические, деривационные, частеречные, стилевые, жанровые и под. (Васильев 1990а, 73ссл.), а также наши знания об их формальных функциях: репрезентативной, конструктивной, синтаксической и др. (там же, 78ссл.). Но это ограничение не должно касаться когнитивных и семантических значимостей, т.е. знаний о сис-

темных связях, в том числе ассоциативных, самих концептов и представляющих их значений, ибо концепт – это не только ментальная, но и ассоциативная сущность, это, говоря образно, сплетение ассоциаций, образующих его внутреннюю структуру (Степанов 1997, 41). Именно этими связями концептов мотивируется и обуславливается сочетаемость языковых единиц (Чернейко 1997, 288). Можно согласиться с Ю. С. Степановым также в том, что в концепты входят и этимологические значимости слов (их «внутренняя форма»).

2. Концепты нельзя отождествлять с языковыми значениями (ни с лексическими, ни со словообразовательными, ни с грамматическими). Языковые значения представляют лишь часть концепта, ту его часть или сторону, которая находится в фокусе внимания (ср. *продавать* – в фокусе внимания *продавец* и *покупать* — в фокусе внимания *покупатель*, *сойтись* — в фокусе внимания *движение* и *встретиться* — в фокусе внимания *контакт*, и т. п.). По отношению к концепту значение выполняет семиотическую функцию, является иконическим его знаком (Васильев 1990б, 13; 2006, 165ссл.). Сферой взаимодействия языкового и неязыкового концептуального содержания являются речевые смыслы высказываний и текстов (Васильев 2006, 485ссл.). Наиболее естественным, типичным средством выражения (репрезентации) концептов являются лексические и фразеологические значения.

Грамматические же значения (значения грамматических категорий) связаны с ними очень слабо, ибо они обычно не соотносятся с конкретными образами нашего сознания; более того, они в значительной степени подсознательны. В связи с этим едва ли есть смысл говорить о грамматических концептах, как в последнее время нередко делается. Концепты могут быть выражены описательно, представлены художественными образами, в частности паремиями. Они могут быть общенародными, групповыми и индивидуальными (Гольдберг 2003, 47-48),

иметь национальную специфику (см. об этом в работах: Вежбицкая 1997; 2001a; 2001b; Попова/Стернин 2001; 2002).

3. Нельзя отождествлять концепты и с семантическими категориями (resp. с категориальными семантическими признаками, маркерами). Семантические категории и субкатегории — это наиболее абстрактные семиотические категории, образующие, так сказать, «семантическую грамматику» языка. Они могут быть простыми (категории времени, бытия и под.) и сложными (категории пространства, количества и под.), более абстрактными и менее абстрактными, свободными (быть представленными отдельными лексемами) и связанными, фиксированными (входить в состав различных значений) и т. д. (Васильев 1990a, 136ссл.). В ментальных (когнитивных) структурах семантические категории нередко, по существу, совпадают с когнитивными категориями, являющимися формальной базой (схемой) абстрактных концептов. Не случайно во многих научных исследованиях они не различаются. Состояние, например, — это и семантическая категория, и когнитивная: она включает набор семантических признаков (когнитивных классификаторов), определяющих границы соответствующих полей (главное различие между этими полями в их конкретно-образном наполнении). Следовательно, если рассматривать структуру таких категорий в функциональном плане, их можно считать также семантическими (resp. когнитивными) моделями. Есть, однако, немало и таких когнитивных категорий (resp. моделей), которые отличаются по своей структуре от семантических (ср., напр., когнитивные модели «фазовость», «вместилище», «центр — периферия», «часть — целое», «причина — следствие», метафорические модели и под.).

Семантические категории и субкатегории в своем чистом виде, т. е. если они не осложнены конкретными компонентами (дескриптивными или коннотативными),

выполняют дейктическую функцию – представляют когнитивные категории. Конкретные же языковые значения, в которые входят, как правило, и семантические категории, выполняют двоякую функцию: и функцию знаков-индексов, и функцию иконических знаков (Васильев 2006, 161ссл.).

4. Концептуализация и категоризация — это единый процесс: не может быть концептуализации без категоризации, поскольку «концепты складываются в процессе категоризации» (Кубрякова 2002, 11), и наоборот — категоризация опирается на уже сложившиеся концепты. Тем не менее эти явления не следует смешивать. Результатом постоянного взаимодействия концептуализации и категоризации является то, что все концепты имеют две стороны (части): образную (эмпирическую) и логическую (рациональную), однако в конкретных концептах (гесп. в представляющих их языковых значениях) преобладает образная часть, а в абстрактных – логическая (категориально-схематическая). Существует, по всей видимости, такая закономерность: чем абстрактнее концепт, тем сложнее и, значит, неопределеннее, расплывчатее его образная составляющая, представляющая собой, скорее, не оперативную единицу мышления, а его фон (когнитивный контекст). Действие, например, можно представить в виде бесконечного ряда конкретных образов (в частности, в виде универсального предметного кода Н. И. Жинкина). И в этом смысле абстрактные концепты, действительно, по сути своей неисчерпаемы и до конца непознаваемы (Болдырев 2001, 35-36). Вряд ли, впрочем, можно найти образную составляющую в языковых значениях слов (не в их речевых смыслах!) *кто, что, некто, который, сколько, столько, нисколько, тут, там, везде, всегда, условие, причина, следствие* и под. Поэтому нет смысла искать и стоящие за такими словами концепты, ибо концепты могут быть представлены только иконическими знаками (в понимании их Ч. Пирсом). Что же касается дейктиче-

ских знаков (знаков-индексов, по Пирсу), а именно такими являются значения приведенных выше слов, то им свойственны прежде всего ориентирующая (в пространстве, времени, количестве, качестве, в категориальных классах) и системообразующая функции (ср. мнение Н. Ю. Шведовой по этому поводу: 1999, 8ссл.).

Трудно не согласиться с Е. С. Кубряковой, что категоризация – это выделение какого-то класса реалий, явлений, единиц с определенной точки зрения, с какой-то заданной целью (Кубрякова 1998, 12; ср. также: Болдырев 2001, 95ссл.). Именно поэтому одни и те же реалии действительности категоризируются по-разному, в разных ракурсах. Движение, например, может мыслиться и как действие (перемещение), и как процесс, и как состояние, и как свойство.

5. Концепты, как и языковые значения, являются более или менее сложными, внутренне организованными структурами (структурированными квантами знания), состоящими или только из абстрактных компонентов (это категориальные концепты: понятия, оценки, модальности, пропозиции, схемы и под.), или из абстрактных и идеосинкретических компонентов (это собственно концепты: представления, фреймы, гештальты, сценарии и под. образы сознания). Концепты, состоящие только из категориальных компонентов, являются, по существу, как и представляющие их значения, категориями (когнитивными и семантическими). Концептуальный статус они получают только тогда, когда наполняются эмпирическим (конкретно-образным) содержанием.

6. Прямое отношение к концептам имеет теория «примитивов» А. Вежбицкой. Вслед за Декартом, Лейбницем, Арно и др. она считает, что в основе всех естественных языков лежат элементарные слова, выражающие врожденные понятия языка мысли: *видеть*, *слышать*, *делать*, *я*, *ты* и под. Эти слова должны быть интуитивно понятными, не определяемыми через другие понятия и

представленными отдельными лексемами во всех языках. Состав примитивов в работах Вежбицкой постоянно расширяется. Один из последних их списков включает свыше 60 единиц (Вежбицкая 1999, 140сл.).

Как примитивы связаны с концептами? Дейктические примитивы: *я, ты, этот, тот, чей* и др. (они доминируют в списке Вежбицкой), подобно другим знакам-индексам, не могут представлять концепты: слишком широка и неопределенна у них как единиц языка (не речи!) эмпирическая база, но с семантическими и когнитивными категориями они соотносятся. Другое дело примитивы *видеть, слышать* и под.: в них иконическое (образное, перцептивное) содержание явно превалирует над абстрактным (категориальным). В целом же примитивы, как и семантические категории, являются в отличие от концептов семиотическими единицами языка (естественного метаязыка, по Вежбицкой), иконическими и дейктическими знаками.

7. Концепты «устроены прототипически, т. е. неравномерно, по принципу центр-периферия» (Рахилина 2000, 354). Это связано с тем, что «когнитивная деятельность требует сочетания двух принципов: структурной стабильности (*structural stability*) и гибкой приспособляемости (*flexible adaptability*). Иными словами, для ее эффективности, с одной стороны, требуется по крайней мере на какое-то время – сохранять постоянный способ организации системы категорий, а с другой стороны, система должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь возможность приспособляться к изменениям» (там же). По принципу центр-периферия строятся и когнитивные поля, при этом в отличие от семантических полей для них не обязателен семантический инвариант. Например, эмотивные когнитивные поля включают и метонимически связанные с эмотивами экспликативы, обозначающие экстерииоризацию (внешнее проявление) эмоций: *плакать, смеяться, просить* (от радости), *хмуриться, бледнеть* (от гнева),

краснеть (от стыда), *дрожать* (от страха) и под. По этой и ряду других причин многие когнитивные поля (напр., ментальные поля, поле фазовости и под.) представлены несколькими семантическими полями (см. об этом: Васильев 2006, 54ссл.). Таким образом, прототипическую организацию имеют не только отдельные концепты, но и концептуальные (когнитивные) поля.

Автором теории прототипов считают обычно американского психолога Э. Рош, а она, в свою очередь, опирается на идеи Л. Витгенштейна о семейном сходстве. По мнению Витгенштейна, в обычной жизни мы часто сталкиваемся с ситуациями, когда не все единицы класса обладают, как этого требует классическая теория категоризации (в отношении к языку — это теория вариантности/инвариантности), одними и теми же (инвариантными) свойствами (страус и пингвин, например, обладают не всеми свойствами образцовых, прототипических птиц). Однако новая (теория прототипов) и традиционная (классическая) теория категоризации, как показал А. В. Бондарко, не противоречат друг другу, они вполне совместимы, но сферы их применения различны (Бондарко 2000, 16бссл.). В свете теории прототипов можно, например, по-иному осмыслить и интерпретировать систему фонем, классы слов и морфем, типы значений и семантических полей, структуру многозначных слов, систему частей речи и грамматических категорий, члены и типы предложений, а также многое другое. Причастия, например, — это нетипичные (необразцовые) формы глагола, примыкающие к нему по значениям времени и залога, но в формальном отношении являющиеся типичными прилагательными: они склоняются, как прилагательные; деепричастия — это нетипичные формы глагола, примыкающие к нему по значениям времени и вида, но выполняющие синтаксические функции наречий; предлоги это необразцовые слова, аналогичные по своей функции морфемам, и т.д. Вообще говоря, все так называемые переходные

случаи хорошо объясняются теорией прототипов. Однако возможности ее ограничены. Об этом, оценивая работы Рош, пишет Вежбицкая:

Эти работы содержат много интересного, однако трудно признать, что они оказались очень полезными для семантических исследований, поскольку в слишком многих случаях идеи Рош используются для оправдания интеллектуальной лености и небрежности (в том числе для отказа от трудоемкой и кропотливой работы над дефинициями). [...] Полезность понятия прототипа должна быть подтверждена семантическими описаниями, а не семантическим теоретизированием. Если же это понятие рассматривать в качестве магического ключа, без труда открывающего все двери, то может оказаться, что оно принесет больше вреда, чем пользы (см.: Залевская 1999, 114; ср. также: Вежбицкая 1997, 224).

То же самое, наверное, можно сказать и о понятии концепта.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабушкин, А. П. (1998), Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Воронеж. [на правах рукописи]
- Болдырев, Н. Н. (2001), Когнитивная семантика. Курс лекций. Тамбов.
- Бондарко, А. В. (2000), Понятия «инвариант» и «прототип» в системе анализа грамматической семантики, [в:] Когнитивная семантика. Ч. 2. Тамбов, 166-168.
- Васильев, Л. М. (2006), Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа.
- Васильев, Л. М. (1990а), Современная лингвистическая семантика. Москва.
- Васильев, Л. М. (1990б), Теория и методология современного языкознания. Принципы знаковости и формальности языка. Уфа.
- Вежбицкая, А. (1997), Язык. Культура. Познание. Москва.
- Вежбицкая, А. (1999), Семантические универсалии и описание языков. Москва.
- Вежбицкая, А. (2001а), Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва.
- Вежбицкая, А. (2001б), Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. Москва.

- Гольдберг, В. Б. (2003), Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: методы исследования. Тамбов.
- Залевская, А. А. (1999), Введение в психолингвистику. Москва.
- Кубрякова, Е. С. (1998), О двойкой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении, [в:] Общие проблемы строения и организации языковых категорий. Москва [без номеров страниц].
- Кубрякова, Е. С. (2002), О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии, [в:] Реальность, язык и сознание. Международный межвузовский сборник научных трудов Вып. 2. Тамбов [без номеров страниц].
- Кубрякова, Е. С./Демьянков, В. З./Панкрац, Ю. Г. и др. (1996), Краткий словарь когнитивных терминов. Москва.
- Попова, З. Д./Стернин, И. А. (2001), Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж.
- Попова, З. Д./ Стернин, И. А.(2002), Язык и национальная картина мира. Воронеж.
- Рахилина, Е. В. (1988), Основные идеи когнитивной семантики, [в:] Богданов, В. В. (ред.), Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. Ленинград [без номеров страниц].
- Рахилина, Е. В. (2000), Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва.
- Степанов, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Москва.
- Ченки, А. (2002), Семантика в когнитивной лингвистике, [в:] Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. Москва, 340-369.
- Шведова, Н. Ю. (1999), Теоретические результаты, полученные в работе над Русским семантическим словарем, [в:] Вопросы языкознания. 1, 3-16.

SUMMARY

The concepts and terms of the cognitive linguistics

KEYWORDS: cognitive linguistics, concepts, semantic categories, categorization and conceptualization, theory of primitives, theory of prototypes

The article highlights the critical theoretical problems of the cognitive linguistics. The issues reviewed with proper reference to the renowned contemporary studies are: concepts vs. semantic categories, concepts vs. primitives, concepts vs. prototypes, categorization and conceptualization as linguist

Когнитивная лингвистика в России (краткий обзор)

[...] Когнитивная лингвистика не только реально СУЩЕСТВУЕТ, но и характеризуется исключительно широким кругом изучаемых проблем, притом — при всем их разнообразии — рассматриваемых в рамках единого подхода и единых теоретических установок.

Кубрякова Е. С, «О когнитивной лингвистике и семантике термина *когнитивный*»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика, антропоцентричность языка, язык как код культуры, концептуализация, категоризация, концепт, когнитивное и культурологическое описание концептов

Одна из спорных областей современного языкознания — когнитивная лингвистика — продолжает будоражить умы ученых, разделив их на критиков и почитателей. Говорить о продуктивности когнитивных лингвистических исследований, оценивать их сложно по разным причинам. Во-первых, затруднительно характеризовать когнитивизм в целом, потому что под этим именем называются и (1) программа исследований человеческого «мыслительного механизма», и (2) стиль наблюдений над явлениями ментальной природы человека, и (3) исходная гипотеза о том, что субъект — инициатор своих действий, и то, что (4) когниции — восприятие, языковая деятельность, память, представления, — которые противопоставляются аффектам, не входящим в число первичных объектов исследования (Демьянков 1994, 17).

Во-вторых, неоднородна и собственно когнитивная лингвистика, в ее западном варианте она представлена несколькими направлениями.

1. Исследование процессов порождения и понимания естественного языка. Эта область развивается с участием специалистов по компьютерному моделированию порождения и понимания текстов (У. Чейф).

2. Исследование принципов языковой категоризации. Работы этого направления продолжают исследования, восходящие еще к Аристотелю, но на иной методологической и методической базе, что меняет представления о границах категорий; учеными разработана теория прототипов, концептов различного уровня и под. (Э. Рош, Дж. Лакофф).

3. Исследование типов понятийных структур и их языковых соответствий. В рамках этого решаются вопросы создания искусственного интеллекта, разрабатываются оригинальные методы; введены понятия о фрейме и сценарии (Р. Абельсон, Р. Шенк, М. Минский, Ч. Филлмор).

4. Исследование когнитивно-семантических суперкатегорий. Изучается иерархия упорядочивания «образоформирующих систем», с помощью которых язык структурирует представления о действительности (Л. Талми, ср.: Лакофф и Р. Лэнекер).

5. Исследование пространственных отношений и типов концептуализации движения в языке. В рамках этой теории, пересекающейся со многими другими, разрабатывается понятие «образная схема», описываются важнейшие схемы и их языковые соответствия, изучается грамматизация понятийных категорий, пространственное сознание (Талми, Лакофф).

6. Исследование телесного базиса человеческого сознания и языка. Работы этого направления опираются на предположение о том, что многие из понятийных и языковых категорий возводятся к особенностям устрой-

ства и функционирования человеческого тела и обусловлены социальными ритуалами (Лакофф, Джонсон, Рош).

7. Исследование метафорических и метонимических отношений в языке. Одна из популярнейших проблем, трактующих метафору как инструмент осмысления понятийных сфер в терминах, имеющих непосредственное отношение к непосредственному опыту человека (Лакофф, Джонсон).

Названные здесь направления и их задачи не являются исчерпывающими, отметим, однако, что все они так или иначе связаны общей идеей — идеей обработки языком информации о мире.

Приведенные сведения необходимы нам для научного фона, на котором освещаются проблемы, характерные, по нашему мнению, для формирования и сущности российских когнитивных исследований.

Считается, что развитие когнитивистики в России относится ко второй половине 80-х годов XX века, когда появились первые переводы работ Ван Дейка, Вежбицкой, Джекендоффа, Лэнкера, Лакоффа, Минского, Рош, Филлмора, Фодора и др. «До сих пор эти работы составляют основу цитируемой литературы» (Пименова 2009, 3).

Необходимо отметить, что многие аспекты и частные методики когнитивного подхода, часто без обращения к соответствующей терминологии, успешно разрабатывались в российской науке о языке ранее означенного периода. Так, например, в теории синтаксической проекции основным приемом является постановка вопроса от глагола к тому или иному члену предложения (как в теории фреймов) (Распопов 1973), понятие ситуации активно используется при изучении высказывания (Гак 1973) и описании семантического поля (Гайсина 1980), теория прототипа соотносится с реалемой, понимаемой в российской лингвистике как некоторый инвариант референтов, реалий, отражающий их общие, наиболее существенные свойства (Новиков 1982). Длительную историю имеет

теория концепта, восходящая к работе С. А. Аскольдова первой половины XX века (1997); в конце 80-х годов обсуждается вопрос о создании концептуальных глоссариев (Концептуальный глоссарий 1988).

В русле когнитивной лингвистики можно рассмотреть теорию «смысл \Leftrightarrow текст» (Мельчук 1974). Объектом моделирования в этой теории является “владение языком”, что предполагает единое формальное описание грамматики и словаря естественного языка, реализованное в виде системы правил, которые функционально подобны носителям этого языка (Апресян 1995, 8-10).

В российской лингвистике когнитивный принцип изучения языка получает разработку в различных научных школах и направлениях. Вопросы, связанные с пониманием терминов *ситуация*, *цена*, *сценарий* рассматриваются в (Шабес 1989), теория фрейма описывается в (Касевич 1988). Когнитивный подход разрабатывается Школой логического анализа языка (Арутюнова 1976; 1988; 1992 и др.). Когнитивный принцип заложен в теории грамматики активного типа (Караулов 1997) и интегрального описания языка (Апресян 1995а). Огромное количество исследований посвящено концептуальному анализу (Концептуализация и смысл 1990; Арутюнова 1991 и др.); многочисленны исследования концептов (Демьянков 2001; Воркачев 2004; Пименова 2003 и многие другие).

Актуальность и теоретическая значимость когнитивных исследований стали поводом для создания словаря когнитивных терминов (Кубрякова 1996) и основания научного журнала «Вопросы когнитивной лингвистики», который издаётся совместно Институтом языкознания Российской академии наук и Тамбовским государственным университетом имени Г. Р. Державина (основатель и главный редактор Н. Н. Болдырев).

Когнитивная лингвистика в России, с одной стороны, развивает идеи ее основоположников (см. выше), а с другой,

— получает оригинальное развитие, что детерминировано, как представляется, следующими обстоятельствами.

1. Формирование когнитивной лингвистики в России не было «революционным», так как для российских исследований языка был не характерен крайний структурализм, традиции психологического и социального направления в языкознании не прерывались; изучение языка как функционирующей системы, обращение к речи индивидуума происходит задолго до формирования когнитивной лингвистики и восходит к идеям И. А. Бодуэна де Куртене, представителей Казанской и Петербургской лингвистических школ.

Так, в сферу внимания когнитологов входит изучение процессов понимания и продуцирования речи как способа языкового представления разного рода знакового взаимодействия. Однако эти процессы и раньше занимали внимание лингвистов, психологов и психолингвистов; многие аспекты когнитивистики нашли поддержку у лингвистов постольку, поскольку в российской науке неизменно уделялось внимание вопросам связи языка и мышления, языка и сознания (А. Н. Леонтьев, Л. С. Выгодский, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, И. И. Мещанинов и др.), вопросам знакового представления текста (П. А. Флоренский, Б. А. Успенский, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман).

2. Для российского языкознания, как и для науки в целом, методологические проблемы носят отпечаток философской постановки вопроса, что отразилось на понимании общих задач и направлений когнитивной лингвистики. Формирование когнитивной лингвистики многие российские лингвисты соотносят со сменой научной парадигмы — антропоцентрической. Антропоцентрическая парадигма представлена работами не только лингвистов, но и (может быть, прежде всего) философов, психологов, программистов, культурологов, этнографов. Показательно то, что когнитивная лингвистика так или

иначе соотносима с названными научными дисциплинами, является наукой междисциплинарной.

Антропоцентрический подход к изучению языка, исторически более ранний и более традиционный, вновь становится актуальным (Алпатов 1993). Такой поворот в лингвистических исследованиях назревал давно; одна из причин крылась в необходимости пересмотра формальных методик описания языка (отметим, что их придерживались далеко не все исследователи), вторая — в общей тенденции развития интеллектуальных систем и оценке их возможностей. Еще в 20-30 годы опальный богослов, философ и историк о. Георгий Флоровский писал:

Мертвяще-холодная «безжизненность» науки, знания, — эта тема трагедии Фауста, — давно уже стала избитым местом. И кто всех больше знает, тем горше должен плакать, убедившись, что древо знания — не древо жизни, — так еще устами Манфреда было произнесено смертное осуждение «европейской» цивилизации, всецело опирающейся на культ «разума», на культ «отвлеченных начал». [...] Всюду явные обнаружения глубокого неверия в рассудочное знание, в «мудрость систем». «Интуиция» победоносно вытесняет логику (1998, 57).

Антропоцентризм как принцип исследования заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» (Кубрякова 1995, 212). Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, определяя его перспективы и цели.

Антропоцентрический принцип изучения языковых единиц выражается, прежде всего, в пересмотре границ «языкового» и «неязыкового» и роли исследователя:

[...] В своей исследовательской деятельности лингвисты очевидно должны, опираясь на имеющиеся у них знания системы языка, в большей степени и смелее применять свои сведения о человеке вообще, настойчивее искать в языке и способах его использования проявления здравого смысла народа, больше

доверять интуиции носителей языка и своей собственной как исследователей. Лингвистам, очевидно, нужно смелее искать в своих исследованиях подходы, которые уже многие годы пропагандирует Ю.Д. Апресян, а именно, описание языка на основе «наивного» восприятия мира носителями языка. Этот автор неоднократно справедливо показывал, что язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен, в значительно большей степени, чем это представлялось традиционно (Архипов 1990, 9).

Сегодня изучение языка вне человека, его мыслей, чувств, оценок, возможностей, интуиции практически немислимо. Пути, которыми идут лингвисты к осознанию этого, к изучению «языка в человеке» и «человека в языке», различны. Однако многих исследователей объединяет мысль о том, что

изучая глубинные механизмы устройства и функционирования языка, мы изучаем в определенном аспекте закономерности функционирования нашего интеллекта. [...] Глубинные, фундаментальные проблемы отражения мира в языке являются поэтому не только лингвистическими, но и философскими, гносеологическими проблемами, связанными с соотношением субъективного и объективного в наших знаниях и представлениях о мире (Шатуновский 1996, 21).

Подобное воззрение вдохновляет исследователей на изучение проблем языковой концептуализации мира (Ружин 1996, Булыгина/Шмелев 1997), на описание образа человека в языке (Апресян 1995, Камалова 1998, Убийко 1998 и др.), выявление культурных доминант в языке (Карасик 1996) и под.

3. Гуманитарные науки пытаются создать модель языка при помощи находящихся в их распоряжении методических возможностей. Данная проблема опосредована соотношением языковых и когнитивных структур. На соотношение языковых и когнитивных структур существуют различные точки зрения.

Согласно одной из них, языковые структуры носят формальный характер и потенциально допускают семантизацию (не единственную); семантизация есть установ-

ление корреляций с когнитивными структурами, последние так же самостоятельны, как и языковые (Касевич 1989, 8). В результате данная точка зрения сводится к тому, что язык понимается всего лишь как внешняя оболочка мысли, а отношения языковых и когнитивных структур квалифицируются как паритетные.

В. З. Демьянков в числе наиболее «броских» идей XX века называет «Язык — только одна из когнитивных способностей» (Демьянков 1995, 245).

Для сравнения вспомним, что Гумбольдт отводил языку роль «органа, создающего мысль» (Гумбольдт 1984 75), отсюда следует отрицание самостоятельности когнитивных структур вне языка.

Задолго до появления когнитивной лингвистики концепцию языка как одного из типов знаний развивал И. А. Бодуэн де Куртенэ (1963, 79). Это воззрение поддерживается и развивается многими отечественными исследователями. Например:

Содержательный план языковых структур едва ли следует трактовать как некий высший тип по сравнению с когнитивными неязыковой природы. Это, скорее, другой тип — количественно и качественно. Количественно в том смысле, что отнюдь не всякий опыт вербализуем: в языковом выражении человек передает лишь некую часть своего когнитивного опыта. Качественно — в том отношении, что использование языка есть переход на общезначимый для данного коллектива код, перевод с «собственного» языка на язык «общепринятой» семантики (Касевич 1989, 11).

Подобное понимание языка детерминировало, на наш взгляд, и специфические задачи когнитивной лингвистики, одна из которых — исследование «языковой когниции» (Демьянков 1994, 28).

4. Демьянков пишет, что когнитивная наука как проект исследования связана с неизбежными огрублениями. В связи с этим подвергается критике

уход от проблем «значения» к «информации», от «создания» значения — к обработке информации — дань моде, технократизму, т.е. огрубление, жертва человеческим для облегчения технической реализации модели. На деле же значение и информация — совершенно разные вещи (1994, 20).

Для российской научной мысли интерес к значению не терял своей актуальности. В поисках компонентов значения слова исследователи обращаются к тексту, к анализу фоновых знаний и ассоциаций. «Человек говорящий» рассматривается не только в традиционном аспекте — коммуникативно-речевом, но и в когнитивно-семиотическом контексте, что расширяет представление о языковом пространстве и его функциях (Самигуллина 2006; Майоров 2007). Разноплановость когнитивных трактовок языка не противоречит концептуальному объединению когнитивного и семиотического моделирования в рамках онтологии.

Существенный вклад в разработку проблемы значения вносят философы. Так, например, представляет интерес разграничение «различающего» и «рамочного» значений, что важно для понимания и размежевания понятия и концепта (Никитаев 1998, 71); значимыми являются теория «социальных эстафет» (Розов 1998), идея виртуальности (Супруненко 2002), онтологическая трактовка духовного мира человека и языка (Кемеров 1996). Обзор данных теорий см. в (Майоров 2007).

5. Классификация и хранение знаний осуществляется на основе различных моделей: категоризации, схематизации, метафоризации, метонимизации. Заслуживает внимания также криптоклассная модель хранения знания. При описании языковой категоризации мира используется метод реконструкции криптоклассной системы языка, что предполагает изучение и сопоставление форм языковой культуры как выражения народного сознания и самосознания, национальных оценок, «духа» народа. Языковая категоризация обусловлена характеристиками архаического мышления — синкретизмом, антикаузальностью,

конкретностью, антропоцентризмом, протеизмом, неразличением субъекта и объекта действия и под. (Борискина/Кретов 2009, 102-103).

Классификационная деятельность как когнитивный процесс разрабатывается в теории концепта, концептуального анализа, связывается с идеями прототипической категоризации, ментального конструирования.

Обращение к концептуализации и категоризации стало поводом для рассмотрения семантических и когнитивных категорий на основе новых методологических принципов. См., например: Васильев 1997; Болдырев 2000; Шарфиков 2007; Камалова 2008.

В современной лингвистике центральное положение занимает вопрос о семантических, грамматических и когнитивных категориях, об их сущности, взаимоотношении и взаимодействии. От его решения зависит рассмотрение многих кардинальных проблем: содержание и форма в языке, системность и знаковость языка, мотивированность языковых единиц и т. п. Значимость этого вопроса обусловлена также тем, что понимание сущности названных категорий далеко неоднозначно.

Когнитивные категории (концепты, фреймы, гештальты и т. п.) — это, по существу, традиционные логические, психологические, социологические и биологические категории в современном их истолковании, а когнитивная наука о языке, с которой связывается сейчас новая научная парадигма, — это учение о различных типах человеческого знания и способах его репрезентации. Предметом когнитивной теории является речевая деятельность людей — реальные процессы порождения и понимания текстов. Механизмы тех и других процессов весьма сложны, для их осуществления необходима солидная база языковых и неязыковых знаний. Языковые знания наиболее концентрированы, емко представлены в семантических и грамматических категориях, а неязыковые — в когнитивных категориях. Таким образом, когнитивные категории —

это категории мыслительного содержания, конструкты нашего сознания, моделирующие наши знания о мире и соотносящие их с моделями знаний, зафиксированных в структуре языка.

Взаимодействие семантических, грамматических и когнитивных (в том числе понятийных) категорий, языковых и неязыковых знаний происходит в процессе речевой деятельности. В конкретных речевых актах неязыковые знания тоже выражаются главным образом с помощью механизмов языка: всевозможными комбинациями языковых значений, их метафорическим (образным) употреблением, варьированием контекста и т. д. Значит, языковые значения можно рассматривать как способ и форму представления неязыковых знаний (неязыкового содержания) (Васильев 1997, 3-4).

6. Со времени первого употреблений термина «концепт» в отечественной науке (Аскольдов 1997) его сущность связывают с сознанием, языком, текстом, культурой, духовностью.

Концепту как культурной и духовной категории отводится особая роль — концентрировать духовный опыт и сохранять единство человеческой культуры (Степанов 1997). По словам Л. Н. Синельниковой, семантика «слов-концептов» имеет

сверхвременное измерение, объясняемое духовной традицией» и может основываться как на архетипе — первообразе мифологических мотивов и сюжетов, универсальном символе, так и на кенотипе — «духовном» образовании, отражающем новую кристаллизацию человеческого опыта, сложившегося в конкретных исторических обстоятельствах (1993, 98-99).

Современные философы характеризуют концепты как своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, предполагается, что они определяют феноменологическую поверхность культуры, ее фенотип (Ляпин 1997, 16-18).

По характеру отраженных в концепте знаний выделяют логические концепты — мыслительные образова-

ния, замещающие в сознании определенное множество однородных предметов, т.е. когнитивный субстрат прямых номинативных лексических значений; оноματοпоэтические концепты — мыслительные образования, которые не имеют жестко детерминированной связи с реальной действительностью и не подчиняются законам логики — когнитивное образование для формирования переносных значений слов, семантики парафраз и фразеологических единиц, метафорические концепты и другие. Обзор работ по теории концепта см.: Ашхарава 2002.

Множественные попытки определения концепта говорят, с одной стороны, о недостаточной разработанности этого термина, а с другой, — о том, что определение концептов зависит от результатов изучения конкретных концептов, методики их описания, задач, которые ставятся исследователями. И, наконец, это свидетельство многомерности сознания, а значит, концепты способны обладать противоречивыми признаками. По мнению В. И. Карасика сущность концептов отражает важнейшие диалекты сознания: «эмоциональное — рациональное», «индивидуальное — коллективное», «разумное — рассудочное», «реконструируемое — конструируемое», «культурно обусловленное — культурно нейтральное» (2009, 68).

В российской лингвистике сосуществуют когнитивный и лингвокультурологический подходы при описании концептов; исследования, как представляется, не противоречат друг другу, а находятся в отношениях дополнительного распределения.

При когнитивном подходе концепт рассматривается в рамках понятий «знание — сознание» и интерпретируется как ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивная структура, включающая разноуровневые единицы сознания. В культурологическом направлении концепт изучается в контексте проблемы «язык — сознание — культура» и трактуется как «зерно» сознания, менталитета и смыкается с идеей о языковой

картине мира. Наиболее активно российскими лингвистами разрабатывается именно культурологическое направление в описании концептов. См., например, Степанов 2001; Степанов/Проскурин 1992; Карасик/Слышкин 2001.

Благодаря подобным исследованиям лингвокультурология смыкается с другими разделами антропологической лингвистики, в частности, с когнитивной лингвистикой. Появляются специальные изыскания, посвященные проблеме совмещения лингвокультурологии и лингвокогнитологии (Иванова 2004). По мнению З. Д. Поповой, зарождается новая область знаний — лингвоконцептология (Попова/Стернин 2001; Яковлева/Ковалева 2007).

Основными признаками концепта как ценностной доминанты культуры В. В. Колесов называет: (1) постоянство существования, т. е. развитие семантики слова с развертыванием внутренней формы до логического предела (символа или мифа) в границах данной культуры; (2) художественную образность; (3) сохранение семантического синкретизма значений корня как семантического инварианта всей словообразовательной модели; (4) встроенность в систему идеальных компонентов данной культуры; (5) общеобязательность для всех, сознающих свою принадлежность к данной культуре (Колесов 1995, 15-16).

Концепты изучаются на материале одного, двух и более языков. Они моделируются на базе языковых и фразеологических единиц (словаря) или на основе художественных текстов, используется также комплексный подход, опирающийся на словари и тексты. Концепты могут изучаться в аспекте этноса или в контексте мировой культуры; с точки зрения его общенационального, группового, индивидуального содержания. Базой исследований может быть современный язык или его исторический срез. Выделяются концепты, соотносящиеся с отдельными лексическими единицами, и концепты, не соотносимые с таковыми и выявляющиеся при логико-семантическом анализе классов и парадигм лексических единиц.

Отношение к подобным разысканиям спорное. Но мы склонны думать, что лингвокультурологическое описание концептов полезно тем, что

— к изучению привлекается новый материал, значимый для когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, а также для других гуманитарных наук;

— получают разработку методы когнитивной лингвистики — фреймового анализа, ситуативного и сценарного описания, нарабатываются навыки интерпретационного подхода;

— результаты культурологического описания важны для универсальных и этноспецифических характеристик языкового сознания, что необходимо в методике преподавания иностранных языков, в теории и практике перевода, в лексикографической практике.

Несмотря на существование большого количества разнообразных исследований (статей, монографий, диссертаций, лексикографических произведений), посвященных концептам, в теории и практике описания концептов остается много нерешенных и спорных вопросов. Вот некоторые из них: в силу различного понимания объема и содержания термина «концепт» нет единого подхода на предмет того, что является концептом (*Путь и дорога* — концепты?) и каковы способы его выявления; остается не до конца выясненным вопрос о типологии концептов; разнообразны и разноречивы приемы изучения структуры концептов (через лексическую сочетаемость, синонимы и др.), нет единодушия в понимании концептуального анализа и его задач.

Понимание языка как особого знания, как зеркала культуры способствует взаимодействию когнитивных и лингвокультурологических поисков.

В современном мире научной мысли когнитивные исследования получают неоднозначную оценку; по данному поводу Е. С. Кубрякова пишет:

Как всякая новая парадигма научного знания, когнитивная парадигма в лингвистике пробивает себе дорогу не без сопротивления, и если в специальной литературе выступления против нее редко носят открытый характер, то критические нападки на нее на разного рода встречах, круглых столах и конференциях встречаются гораздо чаще. В целом такое положение дел вполне понятно: всегда проходит какое-то время, прежде чем новая парадигма знания утвердится и найдет сторонников. Тем удивительнее, что уже и сейчас в области когнитивной лингвистики работает так много ученых, и уже сейчас можно было бы назвать немало интересных работ, свидетельствующих о том, что у нас складывается своя собственная школа когнитологов (2001, 3).

Положительным, на наш взгляд, является то, что понимание когнитивистики как комплексной дисциплины объединило специалистов различных областей знаний, что российские лингвисты находятся в постоянном поиске, критически осмысливают результаты когнитивных исследований. Симбиоз знаний, разнообразие концепций и подходов может способствовать новому взгляду на язык как функционирующей системы, как культурного феномена, как социального, психологического и духовного потенциала цивилизационной системы. Полагаем, что комплексный подход в изучении языка и сознания человека может содействовать выработке новой научной парадигмы, которую сегодня можно условно назвать как «информационно-энергетическая».

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов, В. М. (1993), Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку, [в:] Вопросы языкознания. 3, 15-26.
- Апресян, Ю. Д. (1995), Образ человека по данным языка: попытка системного описания, [в:] Вопросы языкознания. 1, 37- 67.
- Апресян, Ю. Д. (1995а), Избранные труды, Том II, Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва.
- Арутюнова, Н. Д. (ред.) (1988), Логический анализ языка. Знание и мнение. Москва.

- Арутюнова, Н. Д. (ред.) (1991), Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва.
- Арутюнова, Н. Д. (ред.) (1992), Логический анализ языка. Модели действия. Москва.
- Арутюнова, Н. Д. (1976), Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Москва.
- Архипов, И. К. (1990), Человеческий фактор в языке, [в:] Лексическая, категориальная и функциональная семантика. Ленинград, 3-10.
- Аскольдов, С. А. (1997), Концепт и слово, [в:] Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Москва, 267-279.
- Ашхарова, А. Т. (2002), Концепт 'дитя' в русской языковой картине мира. Диссертация на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Архангельск.
- Бодуэн де Куртэнэ, И. А. (1963), Избранные труды по общему языкознанию. Том 2. Москва.
- Болдырев, Н. Н. (2000), Когнитивная семантика. Тамбов.
- Борискина, О. О./Кретов, А. А. (2009), Изучаем криптоклассную категоризацию мира в языке, [w:] Попова, З. Д./Стернин, И. А./Карасик, В. И./Кретов, А. А./Борискина, О. О./Пименов, Е. А./Пименова, М. В. (ред.), Введение в когнитивную лингвистику. Выпуск 4. Севастополь, 102-127.
- Булыгина, Т. В./Шмелев, А. Д. (1997), Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва.
- Васильев, Л. М. (1993), О семантических категориях языка, [в:] Язык и культура. Вторая международная конференция. Часть I. Киев, 14-15.
- Васильев, Л. М. (1997), Семантические, грамматические и когнитивные категории языка, [в:] Языковая семантика и образ мира. 1. Казань, 3-4.
- Воркачев, С. Г. (2004), Счастье как культурный концепт. Москва.
- Гайсина, Р. М. (1980), Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов отношения). Уфа.
- Гак, В. Г. (1973), Высказывание и ситуация, [в:] Проблемы структурной лингвистики, 1972. Москва, 349-372.
- Гумбольдт, В. (1984), Избранные труды по языкознанию. Москва.
- Демьянков, В. З. (1994), Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода, [в:] Вопросы языкознания. 4, 17-33.
- Демьянков, В. З. (1995), Доминирующие лингвистические теории в конце XX века, [в:] Язык и наука конца 20 века. Москва, 239-320.
- Демьянков, В. З. (2001), Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке, [в:] Вопросы языкознания. 1, 35-47.
- Иванова, С. В. (2004), Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа.

- Камалова, А. (2008), Семантическая категория состояния. Лингвофилософский очерк. Olsztyn.
- Камалова, А. А. (1998), Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. Архангельск.
- Карасик, В. И. (1996), Культурные доминанты в языке, [в:] Языковая личность. Культурные концепты. Волгоград — Архангельск, 3-16.
- Карасик, В. И., (2009), Этноспецифические концепты, [в:] Попова, З. Д./Стернин, И. А./Карасик, В. И./Кретов, А. А./Борискина, О. О./Пименов, Е. А./Пименова, М. В. (ред.), Введение в когнитивную лингвистику. Выпуск 4. Севастополь, 59-101.
- Карасик, В. И./Слышкин, Г. Г. (2001), Лингвокультурный концепт как единица исследования, [в:] Стернин, И. А. (ред.), Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 75-80.
- Караулов, Ю. Н. (1997), Ассоциативные поля и активная грамматика, [w:] Международная конференция. Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. 1. Москва, 18-20.
- Касевич, В. Б. (1989), Языковые структуры и когнитивная деятельность, [w:] Язык и когнитивная деятельность. Москва, 8-18.
- Кемеров, В. Е. (1996), Введение в социальную философию. Москва.
- Колесов, В. В. (1992), Концепт культуры: образ — понятие — символ, [w:] Вестник Санкт-Петербургского университета. 2/3, 30-40.
- Кубрякова, Е. С. (2001), О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный», [в:] Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 1. Воронеж, 3-9.
- Кубрякова, Е. С. (1996), Когнитивный взгляд на природу частей речи, [w:] Караулов, Ю. Н./Ляпон, М. В. (ред.), Словарь. Грамматика. Текст. Москва, 218-224.
- Кубрякова, Е. С. (1995), Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа), [в:] Степанов, Ю. С. (ред.), Язык и наука конца 20 века. Москва, 144-238.
- Кубрякова, Е. С. (ред.)/, Демьянков, В. З./Панкрац, Ю. Г./Лузина Л. Г. (1996), Краткий словарь когнитивных терминов. Москва.
- Ляпин, С. Х. (1997), Концептология: к становлению подхода, [в:] Ляпин, С. Х. (ред.), Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск, 11-35.
- Майоров, А. П. (2007), О некоторых аспектах когнитивного подхода к языку, [в:] Ибрагимова В. Л. (ред.), Семантические, грамматические и когнитивные категории языка. Уфа, 22-26.
- Мельчук, И. А. (1974), Опыт теории лингвистических моделей «Смысл <—> Текст». Семантика, синтаксис. Москва.

- Никитаев, В. В. (1998), Пресса и журналистика в рамках культуры, [в:] Вопросы философии. 2, 65-79.
- Новиков, Л. А. (1982), Семантика русского языка. Москва.
- Пименова, М. В. (2001), *Душа и жизнь*: особенности концептуализации, [в:] Пименова, М. В. (ред.), Филологический сборник. Кемерово, 130-135.
- Пименова, М. В., (2009), Предисловие, [в:] Попова, З. Д./Стернин, И. А./Карасик, В. И./Кретов, А. А./Борискина, О. О./Пименов, Е. А./Пименова, М. В. (ред.), Введение в когнитивную лингвистику. 4. Севастополь, 3-11.
- Попова, З. Д./Стернин, И. А. (2001), Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж.
- Распопов, И. П. (1973), Очерки по теории синтаксиса. Воронеж.
- Розов, М. А. (1998), Знание как объект исследования, [в:] Вопросы философии. 1, 89-109.
- Рузин, И. Г. (1996), Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов, [в:] Вопросы языкознания. 5, 39-50.
- Самигуллина, А. С. (2006), Семиотика концептов: к проблеме интерпретации субъективных смыслов. Уфа.
- Синельникова, Л. Н. (1993), Лирический сюжет в языковых характеристиках. Луганск.
- Степанов, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва.
- Степанов, Ю. С./Проскурин, С. Г. (1992), Концепт «действие» в контексте мировой культуры, [в:] Логический анализ языка. Модели действия. Москва, 5-10.
- Супруненко, Ю. (2002), Грезы виртуального мира, Может ли компьютер подарить людям бессмертие? [в:] Тайная власть. 21. Режим доступа: <http://www.privatelife.ru/2004/2002tv.html>
- Убийко, В. И. (1998), Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке. Функционально-когнитивный словарь. Уфа.
- Флоровский, Г. (1998), Из прошлого русской мысли. Москва.
- Шабес, В. Я. (1989), Событие и текст. Москва.
- Шатуновский, И. Б. (1996), Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). Москва.
- Шафиков, С. Г. (2007), Категории и концепты в лингвистике, [в:] Вопросы языкознания. 2, 3-16.
- Яковлева, Е. А./Ковалева, И. Б. (2007), Концепт «тело»: от словаря к художественному тексту, [в:] Ибрагимова, В. Л. (ред.), Семантические, грамматические и когнитивные категории языка. Уфа, 227-233.

SUMMARY

Russian cognitive linguistics (the brief review)

KEYWORDS: cognitive linguistics, antropocentricity of languagem, language as a code of culture, conceptualization and categorization, concept, cognitive and culturological description.

The article considers a way of cognitive linguistics formation in Russia, specifies its sources and the basic directions. The author tries to track the reasons of formation of two directions in studying concepts (cognitive and culturological). She characterizes separate works and writes about typology of the scientific researches devoted koncept. The article names prospects and unresolved questions of concept's description.

ОЛЬГА КОНДРАТЬЕВА
Кемеровский государственный университет

Особенности реконструкции концептов в древних текстах

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, концепт, теория концептуальной метафоры, концептуализация абстрактных категорий, сознание, антропоцентричность языка

В гуманитарных науках с конца XX века наблюдается возрождение интереса к особенностям мировосприятия, мирозерцания и мировоззрения народа. В научный и повседневный обиход входят термины *ментальность*, *менталитет*, *национальное сознание*, предпринимаются многочисленные попытки выявить основные константы самосознания русской нации, анализируются исследования по этому поводу философов Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, И. А. Ильина, Н. О. Лосского и др. (см. подробнее: Марков 1993).

В лингвистических исследованиях также акцент делается не только на изучении языка, но и на особенностях отражения в языке национального мировидения. Безусловным «лидером» среди исследований подобного плана в России являются концептуальные исследования, находящиеся на пересечении двух новых лингвистических направлений — когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

В когнитивной лингвистике язык изучается прежде всего как познавательный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации, в лингвокультурологии — как феномен культуры, как хранитель культурного кода нации. Иными словами, диада «язык и человек» преобразуется в когнитивной лингвистике в триаду «язык — человек — познание», в лингвокультурологии — в триаду «язык — человек — культура».

Лингвоконцептология интегрирует достижения данных направлений, изучая концепты — единицы сознания, реализующиеся в языке, и отмеченные национально-культурной спецификой. Концептология — это «наука о концептах, их содержании и отношении концептов внутри концептосферы» (Карасик/Стернин 2005, 4). Объектом исследования становятся универсальные, национальные и индивидуальные концепты в синхронии и диахронии.

Концепт — это «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» (Воркачев 2001, 70). Концепт — ментальная единица, имеющая языковое воплощение.

Концепт может репрезентироваться одной языковой единицей, как правило, словом, либо обладать целым набором языковых реализаций. Слово, или иное языковое средство — это ключ, «открывающий» для человека концепт «как единицу мыслительной деятельности и позволяющий воспользоваться им в мыслительной деятельности» (Попова/Стернин 2002, 38).

Безусловно, языковые средства объективируют лишь часть содержания концепта, поэтому изучение языковой картины мира «лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо, нет» (Попова/Стернин 2003, 8).

Современная лингвоконцептология накопила определенную информацию об отдельных концептах и способах их объективации в различных языках и культурах, однако данная информация касается исключительно синхронии, диахронический же пласт структуры концепта лишь намечен и нуждается в серьезной разработке.

Несомненно, что национальное сознание складывалось постепенно, по мере создания социальных условий жизнедеятельности древнерусского, великорусского и его наследника — русского этноса (Фролов 2003, 206).

Концепты также формируются постепенно, в них отражается опыт познания действительности этносом, т. е. концепты — исторически изменчивые образования.

Необходимость изучать концепты, зафиксированные в древних текстах, обусловлена тем, что «мы должны понять и то, что именно и каким образом когда-то открывали для себя наши предки, восстановить, хотя бы в общих чертах, картину их познания мира» (Колесов 2000, 8). Итак, изучение древнерусских текстов, отражающих древний слой русской ментальности, позволит во многом прояснить специфику современной концептуальной системы и проследить этапы ее формирования.

Реконструкция представлений, стоявших за концептами в древности, имеет свою специфику. Это, прежде всего объективная невозможность работы носителями языка и ментальности того времени. Если изучение современной концептосферы возможно посредством свободного ассоциативного эксперимента и рецептивного эксперимента (подробнее см.: Попова/Стернин 2002, 115-124), то для изучения истоков концептосферы данные методы неприменимы. Воссоздание первооснов концепта возможно лишь посредством анализа древних текстов, и одним из наиболее продуктивных способов этого является метафорическое моделирование.

Метафорическое моделирование — это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание «средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности» (Чудинов 2001, 47). Исследователь древних текстов моделирует структуру абстрактных концептов посредством выявления набора метафорических моделей, с помощью которых происходила концептуализация изучаемого фрагмента действительности.

Метафорической концептуализации подвергаются преимущественно понятия абстрактные. Уже Ш. Балли писал, что «мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ

познать их и ознакомить с ними других» (1961, 221). Эту особенность отмечают все без исключения исследователи концептуальной метафоры. Н. Д. Арутюнова совершенно справедливо заметила, что без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров» (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» (1990, 9).

Идея о том, что метафора концептуальна по своей природе, не является абсолютно новой. Положение о возможности получать и выражать новое знание посредством метафор имплицитно было выражено уже в работах Аристотеля, К. Льюиса, Ф. Ницше, А. И. Ричардса и др. (подробнее об этом см.: Шабанова 1999, 161-162), находилось на дальней периферии исследовательского внимания, и лишь относительно недавно оно стало ведущим, в метафоре отчетливо увидели ключ к пониманию основ мышления и процессов концептуализации.

В когнитивных исследованиях метафора рассматривается как логическая операция над понятиями, средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях (Кобозева 2002, 3).

Своеобразие концептуальной метафоры состоит в том, что «в ее основе лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты» (Чудинов 2001, 52). Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира. Таким образом, метафора выполняет центральную роль в понимании и структурировании человеком действительности.

Предлагаемое исследование посвящено исследованию концепта «ум» в текстах Древней Руси и выполнено с помощью метафорического моделирования. На основе анализа древнерусских текстов в работе выделяются базовые концептуальные метафоры, формирующие струк-

туру названного концепта. Ум представляет собой объект «невидимого мира», и потому отображение его свойств было возможно лишь путем выявления сходства по ряду параметров с некоторыми вполне материальными объектами, каждый из которых становился базовым для познания, для выявления наиболее значимых свойств этого недоступного для непосредственного восприятия фрагмента внутреннего мира человека.

Наиболее распространенными в древнерусском языке являлись такие концептуальные метафоры, как «ум — человек», «ум — животное», «ум — птица», «ум — растение», «ум — место произрастания растений», «ум — мир», «ум — стихия», «ум — артефакт», «ум — имущество», «ум — пища».

1. «УМ — ЭТО ЧЕЛОВЕК»

Процесс концептуализации внутреннего мира происходит на базе знаний и представлений о человеке как живом существе. Человек запечатлел свой облик в языке, познавая мир, он наделяет его объекты своими свойствами. Ум представляется в народном сознании неким живым существом, которое живет своей жизнью, обладает своим индивидуальным обликом и характером, что позволяет определить его как некоего «внутреннего человека».

Прежде всего ум-«внутренний человек» живет и умирает. Ум характеризуется как живущий в человеке:

моужество и оум в немъ жив#ше. правда же и истина с нимъ ход#ста (Лаврентьевская летопись).

мужество и умъ в немъ же живяше вѣ во всему хитръ (Софийская I летопись).

Функционирование любого организма и его отдельных частей и органов осуществляется благодаря наличию жизненной силы. Ее значительное количество выражается в 'бодрости' ума:

обаче ласканьми и лестьми водраго ума подъити окъшаше-
ся: негли како безумствѹ своему прикровение кое обрящет, диа-
волѹ съвѣты каганови дающе (Великие Миней-Четьи Макария).

В ряде случаев ум, напротив, испытывает 'слабость'
и 'недостаток жизненных сил', 'изнеможение':

и царево украдет слабоумие заперва (Хроника Константи-
на Манассии).

азъ же нынѣ изнемогаю умом, во глубинѹ впад сомнѣния,
прошѹ и мил ся дѣю, да мнѣ некая целебная присыплеши и
мысль мою упокоиши (Послания Ф. И. Карпова).

С представлением о жизненной энергии связаны пред-
ставления о здоровье. Все подобные метафоры характери-
зуют способности ума. 'Здоровый' ум отличается логич-
ностью, правильным мышлением (ср. рус. здравомыслие),
'больной' или 'слабый' ум — ущербным мышлением:

и кто бы, умъ здравъ имеюще, возбранял ихъ похвалити?
(А. Курбский «История о великом князе московском»).

из мѣтны тины чиста вода не истекаетъ, нахѹдящи печал-
ли тако же здрав умъ не бываетъ (Феоктист).

В своем существовании «внутренний человек» проходит
жизненные этапы. Возраст членит жизненный цикл на
отдельные стадии. Представления о возрасте ума-«внут-
реннего человека» реализуются в языке посредством со-
четания имени концепта с параметрическими прилага-
тельными *молодой, старый, юный*:

занеже книги ветшаны. а оумъ молодъ не дошелъ (Лав-
рентьевская летопись).

Царь Филипъ умре и отрока мала на царьствии своемъ ота-
вилъ есть, сего не укрепена лѣты и млада умомъ сѹща (Александрия).

'Молодой' ум оценивается отрицательно, так как связан
с несовершенством, умственной незрелостью. Не всегда
возраст человека и его ума совпадают:

Он же, узрѣвъ философа юна тѣломъ, а не вѣдыи стара
ума в немъ и, иже вяху послани с нимъ, рече к нимъ: **Вы** подно-
жиа моего нѣсте достойни, то како ся с вами хошю прѣти? (Жи-
тие Константина-Кирилла).

Ум, подобно человеку, может пребывать в таких физио-
логических состояниях, как покой и сон (**покой** и **почи-
вать**, т.е. *спать*, — исконно слова одного корня):

понеже пустыня покоя и ума посчиванье, наилучшая роди-
тельница и воспитательница, а клевет и тишина мысли, и боже-
ственного зренья плодovitы корень, истинная содрѣвница з
вогом сопряжения дѣховного (А. Курбский. «История о великом
князе московском»).

Пока ум ‘спит’, человек не владеет своими мыслительными
способностями. Уму приписывается обладание зрением:

пусти ума ти очи на язвы Христовы (С. Медведев).

Человек с помощью ума ‘видит’ то, что недоступно
обычному восприятию, например, Бога:

аще позрю умомъ монмъ горѣ, виждю тамо судню моего,
иже мя имать судити, свѣдѣющю емю вся моя дѣяннн (Великое
зерцало).

Иногда же наоборот неспособность ума осознать те или
иные событие описывается как ‘слепота’ ума:

Но трѣжается мо мѣтной ум, худ разумъ имѣя, немогый
поряднихъ словесъ по чиню глаголати, но яки слѣпъ стрѣлецъ
смѣху вываецъ, немоги намѣренаго улѣчити (К. Туровский. Прит-
ча о душе и теле).

Нынѣ же, въставъшю ми Божиємъ словомъ, ослѣпосте
умомъ и о своей, хрѣмлюще, прѣтыкаецъ неправдѣ (К. Туров-
ский. Слово о расслабленном).

Ум-«внутренний человек» живет достаточно насыщенной
интеллектуальной жизнью. Так, он самостоятельно мыслит:

что умъ намыслитъ, снѣ имъ любитя, искушение на мысль не впуситя (С. Полоцкий).

Иногда человек отмечает недостаточную мыслительную активность ума:

Но видѹ, мало умъ твой помышляет, возвратитя, яко подобаетъ (С. Полоцкий).

Для ума характерен особо высокий интеллектуальный уровень — мудрость:

удолѣвша всимъ поганьскимъ языком оума моудростью ход#ща по заповѣдемъ Бжимъ (Ипатьевская летопись).

Ум может выступать объектом просветительской деятельности, его 'учителем' выступает время:

Человеческому уму время бывает учитель (из «Менандра»).

Обычным для ума является спокойное, уравновешенное состояние, что необходимо для ясности мышления. Но под действием внешних факторов ум может испытывать и некоторые эмоции, например, такие, как горесть и веселье:

А я уже и не знаю, какъ живу въ горести ума моего (Послания Аввакума).

послѣди умъ твой и сердце возвеселитя (Справщик Савватий).

и весел# с# сердце мое. и възвеселис# оумъ мой. и низложи м# Бъ и смѣри м# (Ипатьевская летопись).

Уму приписываются определенные социальные роли, что отражается в использовании при его концептуализации социальных метафор. Наиболее характерные для ума социальные роли — это 'царь', 'властитель', 'диктатор':

Царь же есть ум, обладай всѣм тѣлом. [] о своем во телеси паче всего печется. Добрѣ же смотреть своим людемъ (К. Туровский. Слово о белцах и монашестве).

градъ ѹбо — челоуѣкъ, а царь — ѹмъ, а царица — дѹша, а друзи — мысли (Апокрифы).

ѹмъ владетель чювьствиемъ ч(ѣ)л(о)в(ѣ)ческим (Софийская I летопись).

диктаторъ — ѹмъ скажется, тѣм же глаголет: и ѹбо ѹмѹ моему отнемогшѹ; чювьственныи же и безвещественныи расбойники глаголетъ вѣсы (Послание Климента Смолятича).

Характерна для ума такая социальная характеристика, как уровень его благосостояния. Ум может быть как ‘богатым’, так и крайне ‘бедным’, даже ‘нищим’:

разбогатѣ въсяк оумъ къ разоумѹ Бжию (Миней Путятин).

разума скудность винѹ погрѣшает, а ум богатый радостно прощает (Симеон Полоцкий).

или опасаяся мене, или за скудости им ума, или ожесточившися вражьим наветомъ (Московский летописный свод).

С помощью подобных метафор также описывается способность человека к логичному, здравому мышлению. Присущи уму и гендерные характеристики. Так, ум предстает как ‘отец’ души:

Подразумевай под дщерью ума дѹшѹ, ведь она рождается от ума и имеет общее с ангельским чином, ибо сказано: Творит ангелами своими дѹхов и слугами своими огонь палящий (К. Туровский. Слово о бельцах и монашестве).

2. «УМ — ЭТО ЖИВОТНОЕ»

Отдельные свойства живого существа прямо или опосредованно указывают на зооморфную природу ума. Основными обобщенными признаками животных выступают свирепость, дикость, непредсказуемость поведения, неукротимость, инстинктивная звериная хитрость:

нынѣ умъ строптивы злыхъ не поучается ползѹ чинити, но и не вонться беспамятенъ взятаго быти добра (Ф. Карпов. Послание митрополиту Даниилу).

Ум человека может уподобляться уму зверя:

Сего дѣля Творецъ нарече я чловѣкы на зменныхъ ногахъ,
єлма звѣренъ ѹмъ имѹтъ (Летописецъ Еллинский и Римский).

Царь ѹбо Михаилъ анепсея своего, сице бо нарицашеся,
женѣ своей присняетъ и кесарскимъ венцемъ скотнаго ѹкрашаетъ,
точноаго свини ѹмомъ (Изъ Хроники Константина Манассии).

При этом подразумевается, что ум животного менее совершенен, нежели человеческий, т.е. данные метафоры имеют отрицательную характеристику.

3. «УМ — ЭТО ПТИЦА»

Ум человека может с древнейших времен уподобляться птице. Это проявляется, во-первых, в сочетании лексемы **ѹмъ** с предикатами, характеризующими различные виды деятельности птиц. Прежде всего, это предикаты движения и полета. Так, мыслительный процесс описывается как 'устремление' ума под облака:

а бы ты сна пѣкы ѹщекоталъ, скача, славню, по мысленѹ
древѹ, летая ѹмомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего вре-
мени (Слово о полку Игореве).

Способность к динамичному мышлению, быстрому принятию решений описывается метафорой быстрого 'полета' ума:

по Божии благодати оѹмъ твои быстро лѣтаетъ (Послание
Никифора митрополита Владимиру Мономаху).

Уму приписывается наличие 'крыльев', главного признака птицы:

Тѣгда же бо слышавъ о блаженѣмъ Антонии, живѹщимъ
въ пещерѣ, и окрилатевъ же ѹмомъ ѹстрѣмися къ пещерѣ (Жи-
тие Феодосия Печерского).

Но вперите си разѹмнѣи крилѣ и възлетимъ отъ гѹбящаго
ны грѣха (К. Туровский. Слово о бельцахъ и монашестве).

Ум может описываться не только обобщенными признаками птицы как живого существа, но и признаками конкретных птиц. В изученном материале было отмечено уподобление ума ворону. Умение подражать человеческой речи, долголетие способствовали возникновению представлений о вороне как о мудрой, вещей птице, что и делает возможным такое сравнение:

и бысть умъ мой, аки нощный вранъ на нырищи, забдех
(Моление Даниила Заточника).

В целом же уподобление ума птице является положительным, так как с его помощью актуализируются такие качества ума, как быстрота, стремительность.

4. «УМ — ЭТО РАСТЕНИЕ»

Концепту «ум» свойственны признаки, характеризующие жизненный цикл растений. В данную группу входит признак 'произрастание':

онъ во не бяше нашъ, от добрыхъ дѣлъ повѣженъ богатство ваше прелестное, не довольно ему бысть от Тиверна рѣкы пити воды целомудра и тоя ясти, в немже расцетъ умъ богочестный (Летописец Еллинский и Римский).

Посредством метафоры 'цветение' описывается возраст человека и его ума:

и въ всемъ равно послѣдующѹ своему учителю, тѣломъ юво младу, умомъ же зело сѣдинами цветуща (Житие Сергия Радонежского).

Растительные признаки ума могут быть представлены посредством 'морфологических характеристик растения', таких, например, как 'корни'. Традиционно корни символизируют источник силы и жизни растения, благодаря им растение живет:

Он же (ум — О. К.) похвалимь корень и основание твердостн всемъ хотящимъ (Тайная тайных).

спряжениемъ чювствия умъ в сердцѣ садъ вкореняеть (Софийская I летопись).

5. «УМ — ЭТО МЕСТО ПРОИЗРАСТАНИЯ РАСТЕНИЙ»

Ум метафорически уподобляется ‘местам произрастания растений’. При этом источниками метафорической экспансии являются исключительно окультуренные, освоенные человеком растительные массивы. Так, ум представал в сознании человека Древней Руси в качестве ‘почвы’, в которой ‘укореняется’ учение:

яко же и мяхкому воску чисто печать воображается, зело и учение от младых noktей крѣпостнѣ во ум вкореняется (Справщик Савватий).

6. «УМ — ЭТО МИР»

В ряде случаев ум концептуализируется как природный мир, в котором светят светила и меняется время суток. Так, просвещение ордынского царевича, его отказ от иноверия и приобщение к христианской вере описывается метафорами ‘воссиявшего’ в душе ‘солнца’ и ‘взошедшей’ в его уме ‘луны’:

Слышав же сна отрокъ, сый в невѣрїи, и огонь възгорѣся въ сердци его, възиде луна въ умѣ его, възсна солнце въ души его, припаде к ногамъ святаго владыки и рече ...Молю тя, да быхъ и азъ приялъ святое крещенїе (Повесть о Петре, царевиче Ордынском).

Сам ум также может восприниматься как ‘светило’, освещающее внутренний мир:

вѣ же добръ Муханъ не токмо образом, но снаше и благодатми, нх же добродѣтели раждають, душевныя красоты и умныя светила (Хроника Константана Манассии).

Противоположностью свету является тьма. Как мрачнеет небо, так и 'мрак' покрывает ум человека, лишая его ясности, способности здраво мыслить, способности воспринимать свет вечности, божественный свет:

Жены же лукавыя умъ его помрачиша и, яко рѣкѣ много-текущую, пресѣшаша, и добротѣ его погубиша (Беседа отца с сыном о женской злобе).

в нихъ же паки ты, славны православныя церкви свѣтъ, солнца яснѣ, мой темный умъ, мракомъ невѣдѣннѣ омраченъ, къ оснанію вечнаго свѣта призываеши (Ф. И. Карпов. Послание митрополиту Даниилу).

7. «Ум — это стихия»

Мироздание основано на четырех стихиях, воде, воздухе, огне и земле. Уму приписываются признаки жидкости:

Зинонъ же рече: что ся приши? не омочивъ языка въ умѣ, много согрѣшиши в словѣ (Пчела).

емү же отвѣщавъ, лювоумдрецъ и рече: а вы ми капля ума, негли глѣбина вазни (Пчела).

Представления об огненной природе ума были распространены в Древней Руси. Огонь освещает все окружающее, имеет очищающую силу, что и позволяет уподоблять ум огню. Интеллектуальная деятельность древнейших времен описывалась метафорами света и тьмы.

Кроме того, огонь в представлении славян был связан с божественной стихией. 'Огненный' ум был свойственен людям незаурядным, обладающим выдающимися способностями к мыслительной деятельности, в большинстве своем это были подвижники:

чюдной во составъ — по образѣ святыя Троица, яко вселенстии учителине: Василий, и Григорий, и Иоанн Златоустый! Феодора — огненный умъ Афанасия Александрскаго, православия насаждь учения (Послания Аввакума).

ты говоришь: огненный во мнѣ умъ (Послания Аввакума).

8. «УМ — ЭТО ИМУЩЕСТВО»

Отношения собственности хорошо знакомы человеку Древней Руси, что и обуславливает перенос представлений из данной смысловой области в описание скрытого от взгляда внутреннего мира.

Лексема **умъ** сочетается с глаголом **имѣти**, что характеризует человека как ‘собственника’ своего ума:

кто умъ имѣй, яко дѣло се быти лукаваго диавола (Житие Сергия Радонежского).

и не толико смерть страшна бываетъ от оружія, якоже от молитвы, иже умъ имѣщим (Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого).

С имущественной метафорой связаны и представления о богатстве как одной из наиболее значимых характеристик внутреннего мира:

велико есть богатство человеку ум (Древнерусские сборники афоризмов).

праведныхъ богатство — къ всемъ бога миръ; велико богатство — умъ добръ (Наставление отца к сыну).

Ум предстает в качестве товара. Человек, осознающий свое интеллектуальное несовершенство и стремящийся поумнеть, начинает поиски этого особого ‘товара’:

ума хощу купити, да не обрѣтаю, ходя, ꙗ добрыхъ людей давно вопрошаю (Интермедии).

Имущество может собираться в течение определенного временного периода. ‘Накопление’ ума является приоритетным по сравнению с накоплением материальных ценностей:

луче свирати ум, негли богатство лукаво (Древнерусские сборники афоризмов).

‘Приобретение’ ума описывается в древнерусских текстах и как получение его в дар от Бога:

и от своего трисолнечнаго Божества подобие тричислено дарова емѹ: ѹмъ, яко отецъ словѹ; слово же исходит от него, яко сын посылаемо (Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских).

Пути утраты умственного ‘имущества’ разнообразны. Имущество может быть насильственно отнято, исторгнуто у человека. Ум у человека отнимает Бог из-за его прегрешений:

богѹ попущешю грѣх ради наших и ѹмъ от человекъ отъемшѹ (Московский летописный свод).

Бѣ во егда хощет показннги члвка ѡтнметъ оѹ него оѹмъ (Ипатьевская летопись).

паче же Бѹ не хощащю его и стѣни Бѣѣ. изверже его изъ землѣ Ростовскы. ѡтнметъ ѡт него умъ (Лаврентьевская летопись).

Уподобление ума имуществу, которое накапливается и тщательно бережется, указывает на осознание высокой значимости ума, его необходимости для существования человека.

9. «УМ — ЭТО АРТЕФАКТ»

Предметы, созданные человеком, являются необходимым атрибутом его существования, в них человек реализует себя. Одной из самых древних, по всей видимости, является метафора «ум — дом», поскольку с древнейших времен человек стремился создать жилище, чтобы укрыться от природных катаклизмов и неприятелей. Здоровое состояние ума метафорически представлено в древнерусских текстах как возвращение в ‘дом’ ума:

Авраамъ же пришедъ въ ѹмъ, възрѣвъ на небо и рече: во истину то есть богъ, иже се створилъ, а отецъ мой прелщаетъ человекы» (Новгородская I летопись).

Ум предстает не только как 'жилое строение', но и как некое 'хранилище', в котором сберегается особое содержимое, например, премудрость:

яко учитель в своемъ училищѣ премудрость даетъ въ
ума хранилище (С. Медведев).

Метафора 'скрижали' реализует когнитивную модель поверхности, на которой 'пишут' самое важное, то, что необходимо постоянно помнить. Метафора «ум-скрижаль» является окказиональной и возникает в древнерусских текстах по аналогии с метафорой «скрижаль сердца», восходящей к тексту Библии:

даждь ми скрижали твоего ума (СДЯ, XI-XIV: Гр. Наз.).

Значимыми при концептуализации внутреннего мира являются метафоры домашней утвари и хозяйственного инвентаря. Ум уподобляется бочонку и узде:

уме ми имѣти каплю вазни, нежели вотарь ума (Пчела).
лют конь уздою вздерживается, а скор гнев умом обузда-
ется (Пчела).

Артефакты необходимы человеку для выживания и более комфортного существования, он активно использует их в своем повседневном обиходе, что и определяет продуктивность артефактной метафоры при концептуализации внутреннего мира человека.

10. «Ум — это пища»

Пища, приготовляемая руками человека, необходима для поддержания его жизненных сил. Развитый, натренированный науками ум сравнивается с приправленной пищей. В «Тайная тайных» говорится, что наука о числах улучшает ум, как соль и перец улучшают еду:

Чтобы был хорошим одеянием, выстръ во всих премудростех, а надо всим во премудрости численой зан же она наостряеть разумъ и полевшаетъ, яко соль и перецъ, ины что полпшаетъ еству (Тайная тайных).

Концептуальная метафора 'ум — пища' используется также в контекстах, где речь идет об утрате способности быстро и логично мыслить, ум в подобных случаях предстает как очерствелый продукт:

книженъ мжъ безъ ума черства, яко слепецъ есть, по пути идя (Пчела).

Проведенное исследование показало, что представления о внутреннем мире человека, в том числе и об уме, формируются в результате сопоставления его с разнородными объектами реального мира, т.е. при осмыслении действует аналоговый механизм и происходит метафорическая концептуализация действительности. Источником концептуализации являются области, актуальные для общества определенного времени. Для средневекового периода в качестве таковых выступает сам человек, природный мир и предметы, им создаваемые.

При метафорической концептуализации одно и то же «мыслительное пространство» может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор» (Кубрякова 1996, 55). Основными концептуальными метафорами при описании ума в древнерусских текстах являются метафоры «ум — человек», «ум — животное», «ум — птица», «ум — растение», «ум — место произрастания растений», «ум — мир», «ум — стихия», «ум — артефакт», «ум — имущество», «ум — пища».

Метафорическое моделирование позволяет не только выделить базовые концептуальные метафоры, формирующие структуру концепта в древнерусский период, но и выявить существенные свойства и воссоздать целостный образ изучаемого объекта, восстановить механизм познания мира древним русичем.

Все объекты, с которыми сопоставляется при концептуализации ум, являются базой для его познания, для выявления наиболее значимых свойств данной константы внутреннего мира человека. За счет этого происходит вербализация, объективация в языке концепта, который иным способом не может быть выражен. Результатом данного процесса является, таким образом, расширение смыслового аппарата древнерусского языка.

Таким образом, метафорическое моделирование позволяет не только реконструировать структуру концептов в древнерусских текстах, но и установить основные механизмы концептуализации действительности, выявить базовые сферы метафорической концептуализации. В дальнейшем полученные данные о структуре концепта в древнерусский период могут быть сопоставлены с современным материалом, что позволит установить универсальные, стабильные элементы концептуальной структуры, а также особенности, специфичные для определенного временного периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н. Д. (1990), Метафора и дискурс, [в:] Арутюнова, Н. Д. (ред.), Теория метафоры. Москва, 5-32.
- Балли, Ш. (1961), Французская стилистика. Москва.
- Воркачев, С. Г. (2001), Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании, [в:] Филологические науки. 1, 64-72.
- Карасик, В. И./Стернин, И. А. (2005), Предисловие, [в:] Антология концептов. Т. 1. Волгоград, 4-7.
- Кобозева, И. М. (2002), К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода, [в:] www.dialog21.ru/archivearticle.asp?param=7339&y=2002&vol=6077
- Кожина, А. А./Руденко, Е. Н. (1994), Интеллектуальные обозначения: функционирование и мотивация. Минск.
- Колесов, В. В. (2000), Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. Санкт-Петербург.
- Кубрякова, Е. С. и др. (ред.). (1996), Краткий словарь когнитивных терминов. Москва.

- Марков, Б. В. (1993), Разум и сердце: История и теория ментальностей. Санкт-Петербург.
- Попова, З. Д./Стернин, И. А. (2002), Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж.
- Фролов, Н. К./Чудинов А. П. (ред.) (2003), Духовная основа ментальности русского народа, [в:] Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 11. Екатеринбург, 205-213.
- Чудинов, А. П. (2001), Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург.
- Шабанова, Е. Л. (1999), Концептуальная метафора. Направления в исследовании (обзор), [в:] Языкознание. Реферативный журнал. 1, 158-176.

SUMMARY

Features of reconstruction of the concept's in ancient texts

KEYWORDS: concept, cognitive metaphor, reconstruction of the concept, ancient text

The concept's of investigation means the analyses of its structure. One of the way of such investigation includes the research of archaic texts. This article is devoted to some methods of the investigation of the concepts. The example is the concept «Mind» on the material of the archaic Russian texts.

Е. А. ПОТЕХИНА
Uniwersytet Warmiński-Mazurski
Olsztyn

Концепт грех в православном дискурсе исповеди

Ключевые слова: русские старообрядцы, литературное наследие Войновского монастыря, таинство покаяния, грех как исторический и культурный феномен

Данная статья посвящена анализу содержания, вкладываемого в понятие греха в практике функционирования таинства покаяния в среде старообрядцев Поморского согласия, проживающих на Мазурах. Материалом для анализа послужил текст старообрядческого рукописного текста «Чин исповеданию» предположительно конца XIX — начала XX века, хранящийся в собрании рукописных и старопечатных книг в Спасо-Троицком монастыре в Войнове (Польша).

1. Грех как этическое понятие. Значение и происхождение термина

Употребление философского термина этика в русском языке возможно в двух значениях. В первом значении термин этика (от греч. *ἠθικά* < *ἠθικός* ‘относящийся к нраву, характеру, привычным формам поведения’, *ἦθος* ‘привычка, обыкновение, нрав’) используется для обозначения философской науки, объектом изучения которой является мораль, нравственность как форма общественного сознания, как одна из важнейших сторон жизнедеятельности человека, специфическое явление общественной жизни (Дробницкий/Иванов 1989, 776). Во втором повседневном, обиходном значении этикой называют саму мо-

раль, нравственность, определяемую как норма поведения человека в рамках социальной группы, государства. В настоящей статье термин этика используется именно в этом значении — в аспекте социальных отношений.

В содержание понятия этики в повседневном значении входит элемент эмоциональной оценки. При определении того или иного поведения индивидуума, его конкретных действий, поступков, а также мыслей, мнений и речи с точки зрения общепринятых норм морали используются нормативно-оценочные категории добра и зла. Определяя конкретное действие с точки зрения его соответствия этическим нормам, говорящий оценивает его как этическое или неэтическое, т.е. правильное или неправильное, положительное или отрицательное.

Положения этики в восточной и античной философии «имели характер практического нравоучения, преподающего телесную и психическую гигиену жизни» (там же). Античная мораль лежит в основе христианской этики, однако центральным понятием христианской этики является понятие греха, которого не знает древнегреческая философия. А. А. Тахо-Годи полагает, что концептуализация и универсализация понятия греха стала возможна только с появлением христианства:

До греха человек должен был внутренне созреть. Он должен был осознавать свое ничтожество, несовершенство, глядя на какой-то идеал. И этот идеал [речь идет о Христе — Е.П.] появился в первом веке с христианством (Новоселова/Лебедева/Бодя 2008).

В толковых словарях терминологическое (религиозное) значение лексемы грех представлено как первичное, ср. в «Словаре русского языка»: 1. У верующих: нарушение религиозно-нравственных предписаний (Евгеньева 1981/1, 346), ср. также: Даль 1955/1; Hornby 1984; Dubisz 2003; Суднік/Крыўко 1996 и др. На основании данного факта, действительно, можно предположить, что представление

о грехе сформировалось в европейских странах на основе христианской этики. Однако этимологи утверждают, что понятие греха, которое «окончательно терминологизировалось при христианстве», развило свое значение путем подстановки нового значения на место первобытного (Трубачев 1980/7, 115; Boguś 2006, 185). Наряду со значением терминологическим, лексемы, соответствующие русск. *grzech* в других литературных языках, так же, как и в русском языке, имеют значение ‘ошибка, провинность, недочет, изъян, недосмотр, отклонение, искривление’, ср. лат. *reccatum* ‘прегрешение, провинность, грех, заблуждение, промах’ (Дворецкий 1976, 734); греч. *ἁμαρτία* ‘промах, прегрешение, грех, проступок, провинность, преступление, недостаток, изъян, болезнь’ (Дворецкий 1958, 134). Представление о грехе как о болезни души выражается в синоптических евангелиях метафорически: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные», — говорит Иисус, подразумевая, что он сам является врачом для души и тела и пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9: 12; Мк. 2: 17; Лк. 5: 31). Представленные в словарях дефиниции восходят к средневековому утверждению о том, что «грех определяется как высказывание или поступок, а также желание вопреки божественному закону» (Tomasz z Akwinu 1992, 7). Аквинат в своем трактате «О недостатках и грехах» ссылается как на бл. Августина (грех — поступок или изречение), так и на Новый Завет: «Кто понимает делать добро и не делает, тому грех» (Иак. 4: 17). Таким образом, грех — это не только совершение конкретных действий, вербальных или физических, но и несовершенство таковых в тех случаях, когда они должны быть совершены, т.е. в самом общем смысле — неправильное, не соответствующее принятым нормам поведение в определенной ситуации.

Конкретно-предметное значение корня *grzech* и его дериватов, не имеющее отношения к религии, сохраняется в славянских диалектах и в просторечии: русск. *огрех*,

огрешка, грехва, бел. *грэх*, польск. *grzecha, ogrzech* ‘пустая полоса или кусок земли, случайно оставшийся незапаханным или незасеянным’; хорв. *hriješka*, болг. *грешка* ‘изъян в полотне вследствие ошибки ткача’. Следует заметить, что в структуре значения этих лексем представлен семантический компонент ‘провинность, изъян, недосмотр’, но отсутствует прагматический компонент ‘жжение совести’, который является причиной ложной этимологизации праславянского **grěxъ* < **grěti* ‘нагреть, жечь’ (деривация + метафора) (Трубачев 1980/7, 115; Вору́ 2006, 185), который создается только и исключительно в рамках религиозного дискурса. Именно конкретно-предметное значение отличает упомянутые выше дериваты от субъективно-оценочного значения абстрактного существительного грех, поскольку именно развитие качественного, эмоционального значения приводит к «обеспредмечиванию» существительных подобного рода и перехода их в категорию состояния (Виноградов 1972, 333). С точки зрения семантического синтаксиса лексема *грех*, будучи сентенциональным предикатом, синкретически обозначает ситуацию в целом.

Анализ контекстов (общим числом 2027), в которых употребляется лексема грех, проведенный на материалах Национального корпуса русского языка, показал, что в публицистике и в художественной литературе данная лексема выступает в функции формального и/или семантического предиката. Целью лингвистического анализа данной лексемы в функции предиката было выявление объема (в терминологии математической логики: экстенционала) данного понятия (в литературе — концепта), т.е. множества ситуаций отнесения (референции), которые в соответствии с когнитивной установкой говорящего оцениваются как грех. Сопоставление контекстов представляет практически неограниченный набор ситуаций, соотносимых с представлением о грехе, ср.: *обижать* — грех; *жаловаться* — грех; *воспользоваться или не вос-*

пользоваться — грех; *грех против истины, ложь; грех просить у Бога; требовать; ошибочная концепция* — грех; *национализация имущества* — грех и т.д. Следует обратить внимание на то, что при помощи этого предиката производится категорическая оценка поступка, манеры поведения или конкретного события, которые определяются как грех или не грех с точки зрения соответствия определенным нормам этики, объем и сфера действия которых не выводима из конкретных речевых ситуаций. Нормы эти могут быть как универсальны, инвариантны, так и специфичны для конкретных социальных групп, а также для определенного периода истории. Иллюстрацией к этому утверждению может служить документ «Чин исповеданию», в котором не только перечисляются действия и поступки члена старообрядческой общины, оцениваемые как греховные, но и определяется мера наказания за каждую из провинностей.

2. Таинство покаяния в христианской традиции

Как показывают статьи в толковых словарях, представление о грехе как прямом или опосредованном нарушении установленных социально морально-этических правил, предписаний и традиций в христианстве неразрывно связан с преступлением (несоблюдением, нарушением) Божьих заповедей. В т.н. авраамических религиях (англ. *abrahamic religions*): в иудаизме и в выходящих из него христианстве и исламе, исповедь (цсл. *исповѣдание*) представляет собой один из элементов трехчастного обряда покаяния (в православии и католицизме: таинства, сакраменты). Содержанием таинства являются признание в совершенном грехе, искреннее сожаление о своем поступке (раскаяние) и отпущение греха (с наложением епитимии, наказания). Акт исповедания грехов упоминается не только в Ветхом Завете (Пятикнижии Моисеевом), но и в других книгах Библии (здесь и далее цитаты из Свя-

щенного Писания даются по Синодальному переводу Библии — изд. Московской Патриархии, 1956-1968 гг.).

Если он виновен в чем-нибудь <...>, и исповедается, в чем он согрешил, то пусть принесет Господу за грех свой, которым он согрешил, жертву повинности (Лев. 5: 5).

Если мужчина или женщина сделает какой-либо грех против человека, и чрез это сделает преступление против Господа, и виновна будет душа та: то пусть исповедаются во грехе, который они сделали, и возвратят сполна то, в чем виновны, и прибавят к тому пятую часть и отдадут тому, против кого согрешили (Числ. 5: 7).

И крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои (Матф. 3: 6).

И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне, и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои (Марк 1: 5).

Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои (Деян. 19: 18).

Как следует из приведенных цитат, в библейских текстах *исповедаться* или *исповедать грехи свои* означает 'признаться в совершении неблагоприятного поступка', причем таковым считается не только преступление против заповедей Господних (Лев. 4: 2), но и против человека, что равносильно преступлению против Господа (Числ. 5: 7). В Ветхом Завете акт признания всегда предшествует обряду повинного жертвоприношения, и без него недействительны ни раскаяние, ни жертва («за грех», в отличие от жертвы «мирной»). Способ (чин) совершения таинства покаяния, который в католицизме и православии в нынешней своей форме сложился к XIII веку, восходит к ветхозаветной традиции, только расплата за грех через жертвоприношение была заменена иной мерой наказания, определяемой в различных христианских конфессиях по-разному. Следует, однако заметить, что Русская православная церковь сегодня руководствуется более поздними указаниями при совершении исповеди (Воробьев 2009). Современный текст «Последования о исповедании» восходит к концу XVII века (там же), т.е. сформировался уже после церковного раскола (1654-1666). Таким образом, можно предположить, что состав вопросов, предлагаемый

для совершения таинства покаяния в старообрядческом требнике, сложился в период с XIII по XVII век. Количество вопросов, задаваемых потенциальному грешнику в соответствии с «Последованием о исповедании» очень велико: доходит до 500. Поэтому можно себе представить, что реально акт исповеди никогда не совершается по требнику от начала до конца. По признанию протоиерея Владимира Воробьева, многие из вопросов, которые должен задать священник исповедуемому, вызывают «хотот» или «ужас» (там же). Сами священники неоднозначно оценивают содержание той части «Последования», в которой содержатся вопросы, которые, как им кажется, могут скомпрометировать церковь перед лицом верующих (там же). Однако ученые, историки и филологи, отдают себе отчет в том, что состав вопросов, включаемых в требники, представляет собой не компрометирующие материалы, а бесценный источник сведений об этических традициях христианства.

Священное писание не описывает подробно обряда исповеди, основное внимание в тексте Пятикнижия Моисеева уделяется обряду жертвоприношения. Библия не предписывает определенной формы исповеди, а содержащиеся в ней формулировки признания в грехах кратки, ср. исповедь Каина, Моисея, Ахана перед Иисусом Навином, Давида перед Нафаном.

Наказание мое больше, нежели снести можно (Быт. 4: 13).

О, Господи, народ сей сделал великий грех: сделал себе золотого бога (Исх. 32: 31).

Я согрешил перед Господом, Богом Израилевым <...> между добычею увидел я прекрасную Сennaарскую одежду и двести сиклей серебра и слиток золота весом в пятьдесят сиклей: это мне полюбилось и я взял это (Нав. 7: 20).

Согрешил я перед Господом (2 Цар. 12: 13).

Из контекста, в котором представлены перечисленные выше признания в грехах, следует, что грехом (синоним: беззаконием) считается почитание кумира вместо единого

Бога, убийство, кража и прелюбоддеяние. Кроме этих грехов против Божьих заповедей, в различных книгах Ветхого Завета можно обнаружить и множество других провинностей, определяемых как грех, например, брак с иноплеменной женой (2 Езд. 8-9). Этика иудаизма подробно излагается в Талмуде, называемом Устной Торой. В обеих его книгах: Мишне и Гемаре, содержатся подробные предписания, касающиеся исполнения Закона, а также указываются последствия, которые угрожают нарушающему Закон.

В христианской традиции принято следовать этическим принципам, заложенным в трудах Святых Отцов Церкви. Например, представление о трех родах греха: первородном грехе, личном грехе и родовом грехе, было развито в «Беседе» преподобного Макария Великого:

Как скоро удалишься от мира и начнёшь искать Бога и рассуждать о Нём, должен уже будешь бороться со своею природою, с прежними нравами и с тем навыком, который тебе прирождён (<http://www.krotov.info/library/m/makarygr/makari32.html>, 9).

Согласно доктрине православия, первородный грех определяется порочностью человеческой природы, которая является таковой вследствие греха прародителей. Личный грех — это нарушение заповеди Божией. Родовой грех — особая в данном роде (племени, народе и т. д.) наследственная подверженность какой-либо страсти, обусловленная тяжёлыми преступлениями своего предка (предков).

Такая классификация грехов не является общеобязательной. В Библии нет упоминания о смертных грехах, Новый Завет говорит лишь об одном:

Всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем (Мф.12: 31-32).

Общеизвестно понятие семи смертных грехов, отраженное в произведениях западноевропейской живописи и сформировавшееся в трудах Отцов Церкви в течение нескольких веков от средневековья до Эпохи Возрождения: от Эвагрия Понтийского (IV в.) и Василия Великого (VII в.) до Фомы Аквинского (XIII в.). Аквинат, основываясь в своей «Сумме теологии» на часто цитируемой им «Этике Никомахейской» Аристотеля, пытался в своих логических рассуждениях объединить античные принципы этики о справедливости и несправедливости с христианским понятием греха и греховности. Фома Аквинский считает, что обычный грех и смертельный грех тесно взаимосвязаны, поскольку первый может повлечь за собой второй. Разделяя грехи на духовные и телесные, более тяжким грехом он считает грех духовный, поскольку человеческое тело от природы стремится к удовлетворению потребностей (Tomasz z Akwinu 1992, 12, 33)

На православных сайтах можно найти более подробные перечни грехов духовных и телесных. На страницах православной интернет-газеты «Благовест» священник Дионисий Толстов объясняет, что смертным грехом может быть каждый грех «нераскаянный» (<http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp?heading=31&article=6147>). Например, согласно учению Святителя Игнатия Брянчанинова смертные грехи — это чревообъедение (объедение, пьянство, нарушение постов, излишняя любовь к плоти, а следовательно самолюбие, неверность Богу), любодеяние (блудные ощущения, принятие нечистых помыслов и беседа с ними, блудные мечтания и пленения, бесчувственность, сквернословие и чтение сладострастных книг, грехи блудные естественные и противоестественные), сребролюбие (любовь к деньгам, имуществу, желание обогатиться, размышление о средствах к обогащению, мечтание богатств, опасения старости, нечаянной нищеты, болезненности, изгнания, корыстолюбие, неупование на Промысел Божий, пристрастие к различ-

ным тленными предметами, суетная любовь к подаркам, присвоение чужого, жестокосердие к нищим, воровство, разбой), гнев (вспыльчивость, принятие гневных помыслов, мечтание отмщения, возмущение сердца яростию, помрачение ею ума, непристойный крик, спор, брань, жестокие колкие слова, рукоприкладство, убийство, злопомнение, ненависть, вражда, мщение, клевета, осуждение, возмущение и обида на ближнего), печаль (огорчение, тоска, отсечение надежды на Бога, сомнение в обетованиях Божиих, неблагодарение Богу за все случившееся, малодушие, нетерпеливость, скорбь на ближнего, ропот, отречение от креста), уныние (леность ко всякому доброму делу, в особенности к молитве, оставление молитвы и душеполезного чтения, невнимание и поспешность в молитве, небрежение, неблагоговение, праздность, многоспание, празднословие, кощунство, забвение заповедей Христовых, нерадение, лишение страха Божия, ожесточение, нечувствие, отчаяние), тщеславие (искание славы человеческой, хвастовство, желание и искание земных и суетных почестей, любовь к одежде, роскоши, стыд исповедовать грехи и сокрытие их перед духовником, лукавство, самооправдание, прекословие, лицемерие, ложь, лесть, зависть, унижение ближнего, бессовестность, переменчивость нрава), гордость (презрение ближнего, предпочтение себя всем, дерзость, омрачение, дебелисть ума и сердца, склонность их к земному, хула, неверие, лжеименный разум, т.е. ереси, непокорность Закону Божию и Церкви, чтение еретических книг, последование своей плотской воле, колкое насмешничество, потеря простоты, любви к Богу и ближнему, невежество). Кроме приведенной выше в сокращении классификации о. Брянчанинова, в Интернете можно обнаружить и другие описания действий и состояний, относимых к грехам, учитывающие современные реалии. Так, к грехам против Господа Бога, кроме нарушения десяти заповедей, причисляются обращение к экстрасенсам, астрологам, гада-

телям, ворожеям; занятие «чёрной» и «белой» магией, колдовством, гаданием, спиритизмом; суеверие, вера в сны, приметы, ношение талисманов, чтение гороскопов (даже из любопытства). Грехом против ближнего называется не только неимение любви к ближним или ненависть к врагам и пожелание им зла, но также отсутствие почтительности к старшим и начальствующим; ограбление, вымогательство, мздоимство; отказ вступить за слабого и невинного, отказ помочь попавшему в беду; леность и небрежность в работе, отсутствие почтения к чужому труду, безответственность; а кроме того — плохое воспитание детей (вне христианских и общечеловеческих добродетелей); беспричинная жестокость к животным, птицам; неуступление ближним, споры; клевета, осуждение, злословие, сплетни; лицемерие; гнев; обман, лжесвидетельство; ревность; злонамеренное развращение своими действиями ближних; измена, тщеславие, почитание себя выше других, самолюбие, отсутствие смирения и послушания, самонадеянность, эгоизм, подозрительность; ложь, зависть; сквернословие; раздражение, возмущение, злопамятность, обида; уныние, тоска, печаль; делание добрых дел напоказ; леность и уныние; любовь к земному и материальному больше чем к небесному, духовному; пристрастие к деньгам, вещам, роскоши, наслаждениям; излишнее внимание к плоти; стремление к земным почестям, славе; чревоугодие — объедение, пьянство, употребление наркотиков; игра в азартные игры; сводничество; исполнение непристойных песен, танцев; просмотр или чтение порнографии; принятие блудных помыслов, услаждение и медление в нечистых помыслах; осквернение во сне, блуд (секс вне брака); прелюбодеяние (измена при браке); допущение вольностей до венца и извращения в супружеской жизни; рукоблудие; скотоложество; умаление своих грехов за счет обвинения ближних классифицируются как грехи против самого себя (http://azbuka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/sem_tserkovnyh_tainstv/poka

уание/5g7_2_3-all.shtml). Нетрудно заметить, что многие из перечисленных ситуаций называют по-разному одно и то же, а кроме того, в сознании светского человека характеризуют отрицательные качества личности или неэтичное поведение.

Православное «Последование о исповедании», как и католический документ, называемый «Ordo Peccatorum», устанавливает определенный порядок, которого должен придерживаться священник, принимающий исповедь и являющийся свидетелем исповедующегося перед Богом. Традиционно исповедующийся называет сначала грехи, совершенные десяти заповедей Божьих, затем грехи против девяти евангельских заповедей о блаженствах, а затем грехи против девяти церковных заповедей. В наше время подробный перечень грехов можно найти на православных интернет-сайтах, однако следует принимать во внимание, что подробную консультацию по этому вопросу может дать только священник лично.

3. Представление о грехе и искуплении в рукописи «Чина исповеданию»

В нашем распоряжении находятся две старообрядческие рукописи «Чина исповеданию»: одна из них находится в собрании Войновского монастыря (далее: ВР) и является предметом нашего исследования, а вторая, доступная в Интернете по адресу <http://library.karelia.ru/cgi-bin/library/materials.cgi?id=124&folder=116>, была опубликована сотрудниками Национальной библиотеки Карелии в составе рукописного сборника начала XIX века (далее: КР). Объем ВР 349 страниц размером 10 x 12 см, на странице помещается от 8 до 11 строчек текста, написанного размашистым полууставом. По нашим предположениям, ВР была составлена в начале XX века по памяти и записана небрежно, без предварительной разлиновки страниц и без форматирования текста. Листы КР тщательно разлинова-

ны, текст записан аккуратно поморским полууставом, пронумерованы развороты листов. Книга состоит из нескольких традиционных частей: начинается она с описания действий, совершаемых исповедующимся перед тем как приступить к исповеди, затем следуют молитвы (в т.ч. Молитва мытаря и Трисвятое) и псалмы, после текста «Чина исповеданию» записаны также несколько фрагментов евангелия, тропари и молитвы. Вопросы, задаваемые исповедником исповедующемуся, имеют целью не только выяснить, какого вида грех был им совершен, но и припомнить ему социально-бытовые нормы общежития в старообрядческой среде. Свидетелю исповеди предписывается вопрошать кающегося «со вниманием» (ВР, 20), «с любовью и с тихостию и со смирением» (КР, 61). Исповедник обязан «вопрошать» подробно, его задачей является установление обстоятельств совершения греха, а именно: сознательно или несознательно кающийся согрешил, нечаянно или преднамеренно, по своей воле или по принуждению. Повторение одних и тех же вопросов на разных страницах подтверждает наше предположение о том, что текст «Чина» писался по памяти.

Роль и место таинства покаяния в старообрядческой общине в общем плане могут быть определены на основании доктрины федосеевцев, к последователям которых принадлежат мазурские старообрядцы. Старообрядцы-федосеевцы признают только два христианских таинства: крещение и покаяние, причем покаяние называют «вторым крещением». Отношение федосеевцев к власти основывается на следующих принципах: государственная власть и безбожное общество являются созданиями антихриста, который воплощается «в каждом властителе по очереди, причем последующий хуже предыдущего», поэтому:

Любой свод гражданских и уголовных законов есть «Богом ненавидимья, кривосказательныя, духоборныя книги», должностные лица — слуги антихристовы, еретическая церковь — «жидовский синедрион», высшая власть — «антихристов совет», делопроизводст-

во по законам — «никонианский богоборный суд». Мир верует в троицу, но это нечистая и плотская троица, троица пребеззакония: это — Змий Дьявол — все гражданское общество, лжепророки в лице лжеучительной и нечестивой церкви, антихристова власть (<http://www.staropomog.ru/>).

Таким образом, можно предположить, что в условиях неприятия государственных правовых актов именно документы, принадлежащие к церковной традиции, предназначены для выполнения функции юридических документов, регулирующих «окладержник» все стороны жизни старообрядческой общины.

3.1. Христианская догматика в Войновской рукописи

Прежде всего исповедник, определяемый как тот, кто учен книгам, вопрошает исповедуемого, «какко мѣстѣхъ гл҃ѣхъ» (КР, бб) припоминает исповедующемуся основы христианского катехизиса. Ответы на задаваемые вопросы настолько очевидны, что записываются непосредственно в тексте исповеди вместе с самими вопросами:

Вѣрѣшили во оца и сн҃а и с҃аго д҃уха. Тѣхцаетъ: вѣрѣю четныи Очѣ

Вѣрѣшили в прѣдѣлю кр҃ѣ и во всѣ ст҃ыи. Тѣхцаетъ: вѣрѣю четныи Очѣ

Покланѣшили и зѣбразѣ хр҃говѣ и пречтѣи кр҃ѣ и вѣрѣим ст҃ым на инокнапиеанымъ. Вѣрѣю четныи Очѣ и покланѣю зѣ

Недѣржишили ер҃есн которыи нли рдорѣ самосмышленого. Исповѣдѣшили въ трѣ едѣнаго б҃га несмѣна и нерѣелна } ехпрѣносѣина. Исповѣдѣю Очѣ.

Исповѣдѣши ли хр҃га в двѣ естѣствѣ: въжѣствѣ } челѣствѣ коедном же лицѣ ивѣрѣшили. Исповѣдѣю четныи Очѣ и вѣрѣю

Почитаешли четныи кр҃тѣ гднѣ и покланѣшили ея. Почитаю четныи Очѣ и покланѣю зѣ

Исповѣдѣшили прѣдѣлю кр҃ѣ сѣцию мѣрѣ итѣннаго б҃га нашого іс҃а х҃та творѣа всѣи тѣвѣи. Исповѣдѣю четныи Очѣ.

Чтѣшили с҃аго іоанна прѣтѣи кр҃тѣ х҃ва и ст҃ыи лѣнѣи и ст҃ыи пррѣкѣи и мѣнѣ пррѣкѣныхъ и прѣкѣи ивѣрѣшили с҃ыи ивѣрѣшили еако шрѣдиша б҃гѣ. Покланѣшили ея моцѣимъ и х҃и. Почитаешли палмѣтн

и́хъ чѣмъ. Сѣбразѣ стѣмъ трѣмъ и ѿхрѣбѣзѣ, чѣмъго крѣтѣ наи́конахъ во
Окраже́нныиъ покла́нѣшииъ. Покла́нѣмъ чѣмъ Очѣ

Сѣбразѣ прѣмъмъ кѣмъ иѣсѣхъ стѣмъ наи́конахъ напита́ныъ
Покла́нѣмъ §. Очѣ

Исповедующегося впервые спрашивают о том, когда и где принял веру христианскую, кто был крестным отцом, по своей ли воле или по принуждению, во здравии или в немощи, держал ли 40-дневный пост по преданию отеческому, выполнял ли поклоны и правило, не сомневался ли после крещения в вере, исповедовался ли ранее и выполнял ли наложенные епитимии, не хулил ли имени божьего или святых, не клал ли небрежно крестного знамения, не утаил ли каких-либо грехов от стыда, молится ли ежедневно.

В КР в число основных догматических вопросов попадает вопрос о том, не держит ли кающийся какой-либо ереси или волхвования, и соответственно «поеретическому преданию брады своей небриль ли еси» (КР, 68). Для старообрядцев-федосеевцев с точки зрения их доктрины важен был также ответ на вопрос, не оправдывает ли кающийся поморцев или новоженков или не почитал ли всех христиан заодно (ВР). К грехам духовным, определяемым как нарушение заповедей Господних, прежде всего, следует отнести несоблюдение принципов христианской догматики, поскольку первые пять заповедей декалога регламентируют отношение «почитания» Бога, Святой Троицы, Богоматери и т.п. В связи с этим задаются следующие вопросы: не солгал ли, дав завет богу о посте или милостыне; не целовал ли креста во лжи или не приводил ли кого к ложной присяге, не бывал ли сам во лживых свидетелях. Христианская религия строго запрещает всякого рода гадания и веру в приметы, поскольку первая заповедь гласит: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20: 3), поэтому исповедник спрашивает кающегося о том, не верил ли он в заговор на воде; не гадала ли ему цыганка в карты или на притчах Соло-

моновых или на Псалтыри; «не рассказывал ли сновидений своих или чужих не толковал ли». В связи с этим несколько иное содержание приобретает известная русская поговорка «не верил ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай», которая характеризует того, кто не суеверен и ничего не боится (Евгеньева 1984/4, 684).

3.2. Представление о чистоте и нечистоте

Представление о чистоте и нечистоте находит отражение в религиозном сознании в форме различных табу и запретов, связанных с нечистотой. Под нечистотой при этом понимается не только нечистота в физическом смысле, но и в смысле духовном. Русская пословица гласит, что нечистота духовная паче нечистоты телесной. В словаре В. И. Даля среди прочих значений *нечистый* значит ‘запрещенный церковным законом, или поверьем, обычаем’ (син.: *поганный, скверный*) (Даль II, 542-543), ср. *нечистая сила, нечистый* ‘враг, дьявол, сатана’. Тем не менее в современной интерпретации перечня семи смертных грехов на русскоязычных православных сайтах нет понятия «нечистоты», в отличие, например, от польского.

Традиция омовения рук и ног перед жертвоприношением известна из библейской книги «Исход»: Господь приказал Моисею сделать медный умывальник для Аарона и его сыновей («и будет им это уставом вечным, ему и потомкам его в роды их» (Исх. 30: 21), ср. также во Второзаконии «Санитарные правила в стане» (Втор. 23: 10-14), в Новом Завете: фарисеи упрекают Христа в том, что его ученики едят неумытыми (нечистыми) руками (Мк. 7: 2-5; Лк. 11: 37-41). В ВР обнаруживаем следующие вопросы, касающиеся нечистоты телесной: «недогы-калаць ли комꙋ рꙋкою илнꙋ хвѣтнѣ грамное мѣсто, илнꙋ глꙋдѣи илнꙋ гламꙋ комꙋ казѣи». Иисус объяснял апостолам, что «ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его» (Мк. 7: 14), слова его о том, что «исходя-

щее из человека оскверняет человека» (Мк. 7: 20), были поняты буквально, несмотря на последующее уточнение: «Из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Все это зло изнутри исходит и оскверняет человека» (Мк. 7: 21-23). Поэтому в текстах обеих рукописей перечисляется множество поступков, связанных с телесной, а не с духовной нечистотой

немытыми рѣками некасалась ли еи до стѣхъ икоиъ и кнѣхъ
или хлѣба ножи ковшъ или немолчалась ли еѣ
прѣто вклясахъ кеплаги немолчалась ли

В старообрядческой традиции общежития представление о чистоте и нечистоте (телесной и духовной) связано с понятием соборности. В условиях отсутствия в поморских беспоповских старообрядческих общинах священнослужителей, их функцию принимали на себя соборные (христианские) — светские члены общины, ведущие монашеский образ жизни. На соборных налагались определенные жесткие ограничения в поведении, в том числе в общении с прочими членами общины, называемыми «мирскими». Соборные вели жизнь в соответствии со строгими правилами, закрепленными в уставе согласия, отправляя религиозные обряды. Соборные отличались от мирских одеждой (без украшений), особенностями повседневного быта. На покаянии им полагалось отвечать на такие вопросы, как:

неходилши вѣргахъ
неоѣиши ли пѣрѣхъ
неоѣиши стѣпныѣ и стѣцковыѣ сарафаноѣ цвѣтныхъ плаговъ
или забавныхъ чапчюхъ со скръпюмъ или сълѣитомъ
в зеркало неглядѣиши
неклѣиася ли клѣиамъ или рѣмънамъ мазалась

Соборным запрещалось есть мясо, посещать «нечистые» места (баню, кладбище), молиться вместе с мирскими, в том числе за мертвых (*немолишили ся за мёртвых, конд мирские чьбѣ родни си*). Строго спрашивалось с соборных за трапезу за одним столом с мирскими, за участие в забавах и играх (в том числе запрещалось играть в карты, в шашки и в шахматы) и даже за само присутствие на массовом веселье (исповедник поинтересуется: «Не ходил ли в театр или вкамедь») (см. также: Кремлева 2009).

Мирские вели семейную жизнь, соборным же половые отношения были запрещены. Интимная жизнь была строго регламентирована, «блуд» строго наказывался. Обращает на себя внимание парадокс, относящийся к сфере определенных коммуникативных традиций. Исповедник задает кающемуся вопросы об интимной жизни, которые в наше время не подлежат публичному обсуждению, представляют собой своеобразные «коммуникативные табу». Традиция обсуждения с духовником вопросов сексуальной практики восходит к раннему средневековью. Профессор-историк Роберт Бартлетт в своем научно-популярном сериале «Внутри средневекового сознания» ('Inside the Medieval Mind', BBC 2008) связывает необходимость ответа на вопросы священника о частоте, времени, способе и т.д. совершения полового акта со стремлением церкви контролировать все стороны жизни человека. Современная практика исповеди не допускает обсуждения интимных вопросов, поскольку исповедующийся сам решает, в чем он согрешил и в чем чувствует необходимость покаяться. В коммуникативной практике современного европейца обсуждение интимных деталей жизни партнеров считается неприличным.

Так, согласно КР, интимные отношения в браке были запрещены в великий пост, а в скоромные дни в воскресенья, в среду и в пятницу, в праздники господние и богородичные, в дни памяти великих святых. Исповедующийся должен был признаться в совершении «содом-

ских» практик с женой, т.е. в занятии сексом в недозволенных позициях и т.п. (КР, лл. 78-80). Исповедник спрашивал, «не соблудил ли» кающийся с неверною, с мужеским полом (наказание — пять лет сухоядения), со скотом чистым или со скотом нечистым, со птицею, «не впускал ли на себя жены» и т.п.

В ВР предусматриваются различные наказания за кровосмесительные связи, например, за блуд отца с дочерью или матери с сыном следовало в течение двадцати лет совершать по 300 поклонов в день. Иное наказание полагалось за связь брата с сестрой, за связь крестных брата и сестры или за связь с кумой (за последнее — пятнадцать лет на хлебе и воде).

Нечистыми (погаными) могут быть признаны также народ или люди, с которыми «не должно сообщаться, хлебать из одной чашки и пр.» (Даль II, 542-543). Согласно широко распространенному стереотипу, старообрядцы никогда не дадут постороннему напиться из посуды, которой пользуются сами. Традиция эта восходит по крайней мере к XI веку, в т.н. «Красном уставе» (1883 г.) на полях имеется ссылка на «Слово» Феодосия Печерского о том, что следует делать в том случае, если сосудом воспользовался иноверец ([http://www.staropomor.ru/Ustav\(2\)/krasn_ustav.html](http://www.staropomor.ru/Ustav(2)/krasn_ustav.html)). Исповедник должен был спросить: «Наблюдаѣши ли чистоѣмъ дѣшекиѣю и челоукиѣю нечестивѣшиши ли естемъ конѣи нами нечестивѣны», ср. в ВР:

оубреетникоѣх не ѡдала ли ениши или нѣих соудѣоѣх, не мыла ли е ниши в бане, не ходил ли е ниши в гармонке в трахтир и вмерте е ниши ел и пил

пѣтемъ нѣчиѣ или вдомѣх пришеѣ нечѣрныхъ или некрещенѣомъ здравѣнѣи или егѣ впомощь или егѣ прогнѣнѣх

Процесс приема пищи наряду с интимными отправлениями представляет собой наиболее регламентированную область человеческого бытия. Само собой разумеется, что христианину следует соблюдать определенные церковной

традицией посты: есть скоромное в пост — грех, кроме того, старообрядцам запрещалось пить чай, кофе и вино. Грех — есть не помолясь перед едой, грех — есть в перерывах между установленными приемами пищи и после вечерни, грех — выйти из-за стола во время еды, грех объедаться, грех есть или пить с жадностью, грех выйти на улицу с куском и есть на ходу:

такожде безвременно между ѿбѣдами неѣди ли да же недо-
маго какова ѿкощїз: лѣш: рїны: горохѣ: гѣод или вѣбоккѣ вечерѣ
или ѿтѣром рано

рано доубѣда илѣто мѣждѣ вѣдами не гѣи ли, покрѣкѣи
немоласть

ночью провѣжмась не пїшли гѣко екогѣ
нехошли ли иззастоломѣ времѣ ѿбѣда надѣоѣ
не оедад ли, не помолясь, и не пил ли после вечерни;
не пил ли чаю или вина;
застоломѣ илѣ не кыкали чрековѣїз
Тмногодѣнїз небыло ли клеветїз или т пїснїтва;
на ошлицѣ ешкѣомѣ хоѣла нѣїл ли

Некоторые из предписаний, связанных с едой и поныне сохраняются в русской традиции, например, одна из них выражается в поговорке: когда я ем — я глух и нем.

3.3. Элементы уголовного и административного права

В тексте «Чина покаянию» среди грехов перечисляются такие действия, которые в нашем сознании квалифицируются как преступные и регулируются в современном обществе при помощи уголовно-процессуального или административного кодекса, где определяется мера наказания за каждое из них. Речь идет о краже, в том числе о укрывании вора и хранении краденого (не воспользовался ли чем чужим). В Войновской рукописи предусмотрены наказания за украденную у соседа соль, муку, рубаху, шубу, обувь или пряжу, а также за украденные масло,

яйца или холст, а также за кражу рябины, черемухи, гороху в поле или репы.

прѣймъ тѣмъ и крадомъ тѣмъ такоже покаѣна тако тѣмъ
ѡбманнѣхъ и тѣмъ единыхъ сѣдъ
къ сѣмъ заимомъ и ѡбманомъ ащеи в мѣтѣхъ ѡстаивѣтъ

«Статьи» об убийстве включают не только намеренное лишение человека жизни – к убийству приравнивается также подкидывание рожденного ребенка в руки неверных (скверных) или оставление его в «пустом прохожем месте». В рукописи подробно рассматриваются обстоятельства детоубийства: свидетель, а точнее, свидетельница, в зависимости от степени родства (двоюродная сестра, мачеха, теща, жена сестры, также понесет наказание.

Член старообрядческой общины обязан соблюдать имущественные права других членов общины. В рукописи предусмотрены наказания за порчу или уничтожение чьего-либо имущества. Исповедник должен был спросить исповедующегося о том, не сжег ли он по злобе чьего-либо дома, гумна или стога, или не вытравил ли своим скотом чужого поля или в лугах травы, не перепахал ли чужой пашни, не скошил ли чужой травы; торгуя, не обмерил ли, не обвесил ли кого-нибудь.

Отношения хозяина и нанимателя также нашли отражение в рукописи «Чина покаянию». Грешно не заплатить наемному рабочему (особенно сироте), грешно вычитать из его зарплаты вопреки договору, грешно недоплатить «извощику», нельзя отдать «худое за доброе», следует повиноваться властям и обязательно платить налоги.

3.4. Отношения между членами общества

Собственно этические нормы в ВР представляют отношения между членами старообрядческой общины, а также регламентируют гуманитарные отношения к людям вне общины, выходящие за рамки религиозного мировоззре-

ния. В соответствии с христианскими заповедями, недопустимо осуждать кого-либо, ср.: «Судей не злословь, и начальника в народе твоём не поноси» (Исх. 22: 28). Исповедующего спрашивают: не судил ли отца своего духовного в каких недостатках, не имеет ли гнева в чем на кого-нибудь и не простив пришел на покаяние, не давал ли совета в ссоре. Приведем несколько самых обычных вопросов, на которые должен был дать утвердительный или отрицательный ответ исповедующийся:

не споряиши ли оцѣ или матерн крѣпным;
оцѣ духовнаго или оцѣ роунаго или матери или брата или сестры
не кинѣ;
не звал ли кого жидомъ и кѣромъ или сокакой
не плюнѣл ли комѣ крожѣ и вкородѣ
пѣрѣтъ комѣ неказал ли
не дражня ли кого языкомъ
не кранила ли снохои или собѣромъ. соловокой кѣва класѣ
сѣка вѣдма подлаз или такожа и не протинала
не кажеши надоемъ жнкова кы текѣ зарыл ли кого томѣ
позѣни или кѣрѣтъ кого немылали

Грех браниться с членами общины, оскорбление словом и делом также считается грехом. Запрещается также подглядывать за соседями или подслушивать их, а потом обсуждать то, что увидел или услышал (не ходишь ли на другой двор переносишь вести — тридцать дней по двести поклонов). Грехом, кроме злословия, считалось также многословие, празднословие, «смехословие». Грешно быть упрямым, ленивым, лакомым, суровым, гордым, завистливым, скупым, грешно радоваться чужому стыду и чужому несчастью.

Живущим семьей не рекомендовалось приступать к какому-либо делу, не посоветовавшись со своими семейными: ꙗ того кыкаѣт не лювокъ и колшаꙗ замѣтка в домаꙗх и радѣлы. Самое строгое наказание — анафема — полагалось тому, кто распределяя свое имение между детьми, обделил одного из детей.

Из текста ВР следует, что в староверческой общине существовало особое отношение к детям (нельзя было ругать малых детей, досадовать на них или смеяться над молодыми), к больным: слепым, глухим, хромым, немым (смеяться над ними грех); к животным (строгое наказание полагалось за побитие чужой курицы, петуха, кошки или собаки, а также за брань скота).

3.5. Историко-культурные отнесения в тексте ВР

В КР в число основных догматических вопросов попадает вопрос о том, не держит ли кающийся какой-либо ереси или волхвования, и соответственно «*по еретическомъ преданію брѣды своѣз не брѣли ли еси*» (КР, 68). Для старообрядцев-федосеевцев с точки зрения их доктрины важен был также ответ на вопрос, не оправдывает ли кающийся поморцев или новоженев или не почитал ли всех христиан заодно. Оба эти вопроса имеют конкретные историко-политические ориентиры. Так, до эпохи Петра I не мог появиться вопрос о бритве бороды, поскольку взрослое мужское население России традиционно носило бороды.

Содержание вопроса о поморцах и новоженах восходит к XVIII веку: раскол между федосеевцами (старопоморцами) и представителями Поморского согласия датируется 1706 г. (федосеевцы прекратили всякие отношения с поморцами), тогда как начало полемики о браке в беспоповской среде относится к концу XVIII — началу XIX в. (Белобородов 2009). В 1752 г. так называемый Польский собор в Гудишках принял знаменитый в истории федосеевства устав, закрепивший учение Феодосия Васильева и утвердивший строгие правила относительно новоженев. После разорения Гудишкской обители во второй половине XVIII века на северо-западных землях ВКЛ возник другой важный центр беспоповцев в Дегучай (ныне Зарасайский район). В 1823 г. в Дегуцком приходе были приняты метрические книги о бракосочетавшихся. Это оз-

начало, что Дегуцкий приход, влиятельный федосеевский центр в ВКЛ в начале XIX века, признал и принял учение о бессвященнословном браке и приступил к введению института брака (<http://www.sentikiai.lt/ist1.html>).

Знаменательны также вопросы о том, чтет ли исповедующийся «отца отечества государя всемилостивого» и молится ли за властей «вседневную лестовку». Обязательную молитву за царя старообрядцы приняли в 1738 году, и это обстоятельство указывает на то, что прусские (а позже — немецкие власти) ошибались, называя мазурских старообрядцев «филиппонами», поскольку последователи поморцы филипповского толка не признавали такой молитвы.

4. Место «Чина покаянию» в системе законодательства

В Древней Руси, как и в Западной Европе в течение многих веков сосуществовали два вида законодательства: светское право и право церковное (каноническое). Древнерусское право базируется на одних и тех же греческих источниках: как светский юридический кодекс, первым из которых была «Русская правда» Ярославичей, так и «Кормчая» («Номоканон»), источник церковного права, были переложены с греческих законодательных канонов еще в XI веке (согласно православной традиции, «Номоканон» был переведен самим св. Мефодием). Мысль о необходимости разделения нравственных и правовых норм впервые была высказана в XVII веке немецким философом Кристианом Томазием, однако вплоть до XIX века предметом права оставался поиск границы между нравственными и юридическими нормами и — соответственно — меры ответственности за нарушение одних и других. Компромисс, достигнутый по вопросу о разделении юрисдикции светских и духовных (церковных) властей, даже в наши дни представляется условным для ученых-правоведов. Результатом компромисса стала разработка

юридической терминологии, в которой нет места для понятия греха, поскольку точная дефиниция его не представляется возможной. Ср.:

Слово *грех*, обреченное на изгнание т. н. светской этики, означает самую большую трагедию человеческой жизни, отказ от того, что является смыслом нашего существования, от нашей конечной цели, а тем самым — от нашей собственной природы. Хуже всего то, что грех — это оскорбление нашего Отца, к тому же настолько серьезное, что если бы ценой одного, пусть самого ничтожного греха, можно было бы предотвратить величайшее несчастье и даже спасти весь мир от уничтожения, — и тогда не стоило бы этого греха совершать. К сожалению, грех так сросся с нашей жизнью, что кажется нам обычным делом; мы к нему привыкли и зачастую не чувствуем угрозы, которую он собой представляет (Bednarski; см.: Tomasz z Akwinu 1992, 3).

Ученые, занимающиеся законодательной практикой, отдают себе отчет в том, что каждое уголовное или административное преступление оценивается как нарушение моральных норм, а поведение преступника как неэтичное. Однако, в отличие от права церковного, следующее за преступлением наказание виновного связано с нарушением объективных (прежде всего, материальных) прав потерпевшего и осуществляется непосредственно при помощи отчужденных юридических структур, государственных пенитенциарных органов (Таганцев 2003, 10).

Для старообрядцев Поморского согласия, не признающих суда светских властей, основным юридическим документом в течение всех веков после раскола была «Кормчая», иначе называемая «Номоканон» (< греч. Νομοκάνων 'закон-правило'), на основе которой в конце XIX в. старопоморцами-федосеевцами был составлен т.н. «Красный Устав» («Устав домашняя молитвы и прочих христианских обрядов»), названный «Красным» по цвету обрезов книги, выкрашенных в красный цвет) ([http://www.staropomor.ru/Ustav\(2\)/krasn_ustav.html](http://www.staropomor.ru/Ustav(2)/krasn_ustav.html)).

Анализ содержания вопросов, составляющих «Чин покаяния», позволяет высказать предположение о том, что в старообрядческой общине таинство покаяния играло роль основного регулятора общественных отношений. «Чин покаяния» в таком случае приобретает значение исполнительного документа, дополняющего и реализующего основанные на традиции законы, заключенные в «Уставе домашних молитв» и, соответственно, в «Номоканоне».

Предварительное исследование двух различных рукописей показало, что тексты, имеющие отношение к таинству покаяния, невозможно исследовать вне исторического контекста. По-видимому, множество значений, вкладываемых в понятие греха, позволяет утверждать, что содержание концепта «грех» изменяется в зависимости от исторических условий его функционирования.

В связи с утверждением об исторической и социальной обусловленности содержания концепта «грех» можно упомянуть о полемике, которая развернулась в марте 2008 г. на реальных и виртуальных страницах российских СМИ в связи с интервью, которое дал ватиканской газете газете «Osservatore Romano» регент Апостольской пенитенциарии (судебного органа Ватикана, занимающегося вопросами исповеди и отпущения грехов) епископ Джанфранко Джиротти. Российские журналисты объявили о том, что в Ватикане составлен новый список семи смертных грехов. На самом деле оказалось, что интервью было посвящено завершению недельного семинара для священников-исповедников.

Ватиканский иерарх говорил о «социальных» грехах и перечислил особенно распространенные в современном мире деяния, в которых есть очевидные признаки греха, наносящего ущерб не только отдельной личности, но и всему человечеству. К их числу он отнес действия, приводящие к загрязнению окружающей среды, усугублению социальной несправедливости, укреплению социального неравенства, чрезмерному обогащению некоторых членов

общества и общению других, а также опыты в области генной инженерии, эксперименты над личностью и распространение наркотиков. Несмотря на то, что ряд этот принципиально не конечен и может быть продолжен, итальянская газета «La Repubblica» в комментарии к интервью епископа Джиротти назвала это «списком семи новых смертных грехов» (см.: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=61105&cf=>).

ЛИТЕРАТУРА

- Белобородов, С. А. (2009), Старообрядческая рукописная книга. Интернет: <<http://www.eunnet.net/oldbelief/main/ch2/index.htm>>
- Виноградов В.В., 1972, Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва.
- Воробьев, В. (2009), Таинство покаяния, [в:] Лекции. Интернет: <http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/sem_tserkovnyh_tainstv/vorobiov_19.shtml>
- Даль, В. И. (1955), Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Москва.
- Дворецкий, И. Х. (1958), Древнегреческо-русский словарь. Москва.
- Дворецкий, И. Х. (1978), Латинско-русский словарь. Москва.
- Дробницкий, О. Г. / Иванов, В. Г. (1989), Этика, [в:] Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. Москва, 1989. С. 775-778.
- Евгеньева, А. П. (ред.) (1984), Словарь русского языка. В 4-х тт. Москва.
- Кремлева, И. А. (2009), Старообрядчество. Интернет: <<http://www.booksite.ru/fulltext/rus/sian/index.htm>>
- Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа 1650 г. Интернет: <<http://www.kopajglubze.boom.ru/kormczaja.htm>>.
- Национальный корпус русского языка. Интернет: < <http://www.ruscorpota.ru/search-main.html>>
- Новоселова, Е. / Лебедева, Н. / Боде, М. (2008), Грешным делом, [в:] „Российская газета” 20 марта 2008 г. Интернет: <<http://www.interfax-religion.ru/judaism/?act=news&div=23440>>.
- Панова, Л. Г. (2000), Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато»), [в:] Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. Москва. С. 167-177.
- Преподобный Макарий Египетский (2009), Духовные беседы. Репринтное издание. 1904 г. Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра

- 1994 г. Интернет: <<http://www.krotov.info/library/m/makarygr/makari00.html>>.
- Таганцев, Н. С. (2003), Уголовное право (Общая часть). Часть 1. По изданию 1902 года. Интернет: <<http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum105/>>.
- Трубачев, О. Н. (ред.) (1980), Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7 (*golvaśь — *gyžati). Москва.
- Суднік, М. Р./Крыўко, М. Н (рэд). (1996), Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск.
- Borys, W. (2006), Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa.
- Dubisz, S. (red.), Uniwersalny słownik języka polskiego. Warszawa.
- Hornby, A. S. (1984), Oxford Student's Dictionary of Current English. Москва.
- św. Tomasz z Akwinu (1992), O wadach i grzechach (I-II, q. 71-89), [w:] Summa teologiczna, t. 12, London. Интернет: <http://www.katedra.uksw.edu.pl/suma/suma_indeks.htm>.
- Сайт «Азбука веры»: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/sem_tserkovnyh_tainstv/pokayanie/5g7_2_3-all.shtml

SUMMARY

Conceptualization of Sin in the Eastern Orthodoxy Discourse

KEYWORDS: Russian Old Believers, literary heritage from the convent in Wojnowo, sacrament of confession, sin as a historical and cultural phenomenon

According to Russian Orthodox Church history, the Old Believers became separated after 1666/1667 from the official Russian Orthodox Church as a protest against church reforms introduced by Patriarch Nikon. Old Believers continue liturgical practices which the Russian Orthodox Church maintained before the implementation of these reforms. The author discusses the contents of the manuscript entitled “Rite of Confession” from the convent in Wojnowo, and the role of confession and penance (epitemia) in the history and culture of Mazurian Old Believers.

Е. А. ПИМЕНОВ
Кемеровский государственный университет

Метафизические составляющие человека (Geist и дух в немецкой и русской картинах мира)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт, культурная vs. языковая картина мира, национальные специфические категории познания

Одним из ведущих направлений когнитивной науки является изучение знаний, используемых в ходе языкового общения. Во второй половине XX века когнитивной наукой стала называться та отрасль знания, которая изучает процессы усвоения, накопления и использования информации человеком. Концептуальные исследования направлены на рассмотрение таких фундаментальных проблем, как структуры представления знаний о мире и способы концептуальной организации знаний в языке. Лингвистика конца XX века ознаменовалась введением в свой концептуальный и метаязыковой аппарат термина *картина мира*. Картина мира — совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности.

Язык играет важную роль в процессе познания. С его помощью человек кодирует и перерабатывает информацию о мире. Мир есть организованная иерархия различных одновременно осуществляющихся способов жизни человека как существа природного, социального, практического, духовного, включенного в отношения со значимой и соотносимой с ним объективной реальностью. Мир человека есть способ организации и развития его жизнедеятельности в определенной культурной форме, в имеющемся культурном пространстве. Картина мира включает в себя элементы окружающей действительности.

сти, оценочно осмысленные национальным языковым сознанием на основе жизненного и творческого опыта. Это целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека. Еще В. фон Гумбольдт отмечал, что

язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры (1984, 48).

Языковая картина мира, продукт «распредмечивания» действительности, суть иерархически ценностно выстроенная вербализованная понятийная система, базирующаяся на человеческих представлениях о мире. Языковая картина мира представляет собой неотъемлемую составную часть общей концептуальной картины мира, которая включает в себя знания социума о предметах объективной действительности, знания и представления народа о внешнем и внутреннем мире. Эти знания формируются в виде системы концептов.

Язык отражает процесс познания, выступая как основное средство выражения мысли. Язык начинает восприниматься как путь, по которому можно проникнуть не только в современную ментальность, но и в воззрения древних людей на мир, на общество и на самих себя. В центре внимания исследователей оказывается проблема взаимодействия человека, языка и культуры. Каждому языку присущ свой способ концептуализации действительности, который имеет специфические национальные и универсальные черты. «Мышление, язык кажутся нам теперь единственным в своем роде коррелятом, картиной мира» (Витгенштейн 1994, 124).

Носители разных языков, по мнению Гумбольдта, видят мир по-разному, через призму своих национальных языков: «Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» (Гумбольдт 1984, 304). Язык, в свою очередь, передаёт определённое

«видение» мира народа и это «видение» имеет ряд своих особенностей.

Сформировавшаяся антропологическая парадигма знаний исходит из допущения того, что человек познает мир через осознание своей практической и теоретической деятельности в нём.

Язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека; это общая черта всех языков. Каждый язык национально специфичен. При этом в языке отражаются не только особенности природных условий и культура, но и своеобразие национального характера его носителей (Вежбицкая 1997, 21).

Основной термин, используемый когнитивной лингвистикой, — концепт. Посредством концептов изучается ментальность народа. В. В. Колесов пишет, что концепт культуры «в границах словесного знака и языка в целом предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» (Колесов 1999, 81). Колесов отмечает, что «в данном случае под концептом следует понимать не *CONCEPTUS* (условно передается термином «понятие»), а *CONCEPTUM* — «зародыш, зернышко» первоосмысла, из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности» (там же). Таким образом, в позиции Колесова прослеживается мысль о том, что концепт — это первооснова, фундамент, который «диктует говорящим на данном языке, определяет их выбор, направляет мысль, создавая потенциальные возможности языка-речи» (там же, 36).

Одним из ведущих направлений когнитивной науки является изучение знаний, используемых в ходе языкового общения. У терминов *значение* и *концепт* важными и дифференцирующими выступают когнитивные и коммуникативные факторы существования языка. Так, когнитивная сторона языкового знака (концепт) относится к субъективному его содержанию, это проявляется в со-

четаемостных свойствах того или иного языка. Отсюда — возникновение окказионализмов. Коммуникативная сторона (значение) определяется использованием знака для передачи некоторого общего знания.

В языковой картине мира содержится большая информация о системе ценностей народа, об особенностях видения и представления отдельным человеком. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин отмечают, что

лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» (Карасик/Слышкин 2001, 77).

Ценностная составляющая структур концептов отображает не только систему ценностей, свойственную конкретной культуре, но и способы вторичной концептуализации, относящейся к сфере внутреннего мира человека. При этом каждая культура идет двумя путями познания: используя общечеловеческие и национально специфические категории познания.

Рассмотрим это явление на примере социальных признаков 'бедность' и 'богатство', отмеченных у концептов *дух* и *Geist*. При помощи признака 'богатство' у концепта *Geist* могут быть описаны ситуации остроумия (*Geistreichelei* «остроты»). В русском языке этот признак у концепта *дух* совмещается с национальным признаком (*Увы! Всё это известно автору, и при всем том он не может взять в герои добродетельного человека, но... может быть, в сей же повести почувятся иные, ещё доселе не бранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдёт муж, одарённый божескими доблестями, или чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самопожертвования.* Гоголь. Мёртвые души). *Богатство духа* в русском означает духовную гармонию, бедность духа

— духовную нищету (ср. в нем.: *in Gesellschaft geistreichelt er gerne* «в обществе он судорожно пытается острить», букв. пытается [показать себя] богатым духовно). Немецкий концепт *Geist* при помощи признака ‘бедность’ реализует значение «болезнь» (*Geistarmut* «душевное заболевание», букв. нищета духа, *geistige Behinderung* «душевное заболевание», букв. духовное). Другими словами, социальные признаки ‘бедность’ и ‘богатство’ способны выразить в духовной сфере деятельности человека как умственные способности и знания, так и психическое его состояние.

Н. Д. Арутюнова определяет концепты как «понятия обыденной философии», которые возникают «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» (Арутюнова 1998, 3). Таким образом, согласно данному подходу концепт является отражением определенных ценностей общества, хранящихся в сознании индивидуумов.

Язык является одной из форм отражения культуры и может быть самой значимой формой, в том числе и в плане той информации, которая может быть получена на основе его анализа, так как в языке фиксируются и воспроизводятся социальные, этические, этнические и идеологические концепты и стереотипы, которые характеризуют менталитет, образ жизни, социальные, этические, культурные ценности, нормы поведения определенного этноса. Существует культурная картина мира, внутри которой функционирует дополнительные компоненты: политические, экономические, художественные; одним из важнейших является религиозный компонент. Все эти компоненты составляют такой феномен, как культурная картина мира. Каждая культурная картина мира наделена специфическими чертами. Большое влияние на культурную картину мира оказывает история народа. Это проявляется при исследовании структур концептов (см.: Пименов/Пименова 2004, 57-62). Так, напри-

мер, немецкий народ в своей истории сталкивался с другими народами, общение с которыми позволило им отделить собственные качества от качеств, присущих иным народам. Такое познание отпечаталось в структуре концепта *Geist*. В структуру данного концепта входят признаки 'немецкий' и 'турецкий'. Признаками 'немецкий' и 'турецкий' определяется особая — духовная — жизнь человека и народа (*die Entwicklung des deutschen Geisteslebens; Istanbul, wo dem Bundespräsidenten nach Gesprächen mit Vertretern des türkischen Geisteslebens [...] die Ehrendoktorwürde [...] verliehen wird. Welt*). Русский народ исторически взаимосвязан с другими народами, что также наложило отпечаток на концептосферу внутреннего мира. В русской языковой картине мира частотным выступает признак 'русский дух' (*русский дух; русским духом пахнет* фольк.). Русский дух — это традиционный уклад жизни народа, традиционный пейзаж (*Там русский дух! Там Русью пахнет!* Пушкин. Руслан и Людмила). Сила и величие духа — в единстве народа (*Какой великий дух в вождях! [...] Свершило храбрых россов рвенье; Великий дух был вместо крыл.* Державин. На взятие Измаила). Для русской культуры важнейшими характеристиками русского духа является православная идея мученичества (*А на стене над ними [иконами] — прекрасный портрет нашего страстотерпца, мученика глубин русского духа, Достоевского...* Бальмонт. Рознь). Концептом дух, определяемым признаком 'русский', передаётся сложное значение «манеры поведения, внутреннего настроя, настроения» (*Но дух и приёмы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от неё дядюшка.* Л. Толстой. Война и мир). Признак 'немецкий' у концепта дух позволяет передавать значение «традиции, обычаи народа» (*Словом, он [Гаврила Афанасьевич Ржевский] был коренной русский барин, по его выражению, не терпел немецкого духу и старался в домашнем быту*

сохранить обычаи любезной ему старины. Пушкин. Арап Петра Великого; — *Да и мне они не по сердцу: ветрогон, слишком набрались немецкого духу.* Пушкин. Арап Петра Великого).

Особую область исследования образуют работы, посвященные процессам познания. По словам Р. И. Павилёниса,

процесс познания человека, заключающийся в самом широком понимании этого слова в мире, является процессом образования смыслов, или концептов, об объектах познания, как процесс построения информации о них. Эта информация относительно актуального или возможного положения вещей в мире [...] и есть то, что мы называем «смыслом», или «концептом». Более строго концепт можно рассматривать как интенциональную функцию, определяющую множество объектов, или предметов; значениями такой функции, очевидно, могут быть как объекты (предметы) действительного мира, так и объекты (предметы) возможных миров (1986, 101-102).

Г. В. Колшанский также писал:

Общение людей есть не что иное, как обмен добытыми результатами теоретического и практического познания мира от самых элементарных единиц информации до универсальных законов, относящихся к природе мироздания (1976, 5).

Язык ни на одном этапе своего развития не выступает в качестве самостоятельной креативной силы и не создает своей собственной картины мира, он лишь фиксирует концептуальный мир, первоначальным источником которого является реальный мир.

При анализе языкового мышления и познания мира следует исходить из следующего понимания мира: а) мир является единым для всех. Хотя люди живут в различных частях мира и для них характерны различные психологические и ментальные миры, данные миры, взятые в целом, являются общими. Однако языки нам преподносят иное: видение мира каждого народа, помимо черт универсальности, обладает этноспецификой; б) мир носит континуумный ха-

ракти. Человек делит мир как физически (с помощью границ и социальных установок), так и с помощью языка.

Познавательные концепты противопоставлены художественным концептам. В художественном концепте заключены понятия, представления, чувства, волевые акты. Как пишет Л. Ю. Буянова,

каждый художественный текст/дискурс можно интерпретировать как личность, завершившую речевой акт, но не перестающую мыслить. Множество интерпретаций, множество воспринимающих, множество ассоциаций, связанных с перцепцией каждого конкретного текста, характеризуются неопределённостью и непредсказуемостью реакции. Художественный концепт является как бы заместителем образа, в силу чего природа художественного освоения мира отличается эмоционально-экспрессивной маркированностью, особым словесным рисунком, в котором красками выступают эксплицируемые вербальными знаками образы и ассоциативно-символьные констелляции (2002, 2).

Карасик и Слышкин в своей работе «Лингвокультурный концепт как единица исследования» рассматривают проблему концептуальных исследований. Они выдвигают несколько важных принципиальных положений, в частности:

1. Лингвокультурный концепт — условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры. 2. Соотношение лингвокультурного концепта с тремя названными сферами может быть сформулировано следующим образом: а) Сознание — область пребывания концепта (концепт лежит в сознании); б) Культура детерминирует концепт (то есть концепт — ментальная проекция элементов культуры); в) Язык и/или речь — сферы, в которых концепт «опредмечивается» (2001, 76).

Исследования по сопоставлению концептуальных сфер показывают, что существуют фрагменты картин мира, которые были особенно полезны при анализе различных культур: они оказываются лексически воплощенными во всех языках мира. Эти фрагменты дают нам возможность гово-

речь о духовном единстве человечества, несмотря на разнообразие мировых культур. Концептуальные универсалии могут быть обнаружены только путём концептуального анализа, основанного на данных многих языков мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н. Д. (1998), Язык и мир человека. Москва.
Буянова, Л. Ю. (2002), Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации, [в:] Культура. № 2 (80).
Режим доступа: <http://www.relga.rsu.ru/n80/cult801.htm>.
Вежбицкая, А. (1997), Язык. Культура. Познание. Москва.
Витгенштейн, Л. (1994), Логико-философский трактат. Философские работы. Часть 1. Москва.
Гумбольдт, В. фон. (1984), Избранные труды по языкознанию. Москва.
Карасик, В. И./Слышкин, Г. Г. (2001), Лингвокультурный концепт как единица исследования, [в:] Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 75-80.
Колесов, В. В. (1999), Жизнь происходит от слова... Санкт-Петербург.
Колшанский, Г. В. (1976), Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте, [в:] Принципы и методы семантических исследований. Москва, 5-31.
Павиленис, Р. И. (1983), Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. Москва.
Пименова, М. В./Пименов, Е. А. (2004), Антропоморфизм психических составляющих человека, [в:] Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. Санкт-Петербург, 57-62.

SUMMARY

Metaphysical aspects of human being (Geist and дух in German and Russian pictures of the world)

KEYWORDS: conceptual metaphor, picture of the world, the system of the concept of inner world.

The paper touches upon the problems of the social conceptual metaphors that give the most typical description of Geist and дух in German and Russian pictures of the world.

М. В. ПИМЕНОВА
Кемеровский государственный университет

О культурных стереотипах (представления о мудреце в русской и английской лингвокультурах)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык и культура, культурные стереотипы, лингвокультура

Чрезвычайно большую роль в деятельности сознания играют стереотипы. Эти стереотипы существуют у каждого носителя языка, однако практически ни в одном словаре не встречается упоминание о них. Точка зрения автора на стереотипные представления русского и английского народов относительно своего внутреннего мира выражена в публикациях: Пименова 1999; 2001; 2003; 2004; 2007.

Стереотипы проявляются в виде культурной составляющей концептуальных структур:

У языка много предназначений и каждое из них предъявляет свои права. Язык формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию — повседневную и «долгосрочную», обслуживает социальные акции, участвует в свершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, хранит историческую и культурную память народов, выражает и сохраняет знания о мире и человеке. [...] Стремясь передать индивидуальное и мимолетное, ощущение и впечатление, язык использует приемы, разрушающие границы концептов: они утрачивают определенность (Арутюнова 1988, 3).

Рассмотрим существующие стереотипы о мудром человеке в русской и английской лингвокультурах.

Интересным является факт общего мнения о появлении мудрости у человека. Мудрость ассоциируется с возрастом, с взрослением (*to get/ to grow wiser; you will get*

wiser as you get older; Leaving the Shaker village with a hearty dislike of the old Shakers, and a hearty pity for the young ones: tempered by the strong probability of their running away as they grow older and wiser, which they not uncommonly do: we returned to Lebanon, and so to Hudson, by the way we had come upon the previous day. Dickens). Однако не каждый человек с возрастом становится мудрым (*Well, we two know these transfigured persons, these college passmen, these well groomed monocular Algys and Bobbies, these cricketers to whom age brings golf instead of wisdom, these plutocratic products of «the nail and sarsparilla business as he got his money by.»* Shaw). Мудрость, согласно бытующему у русского и английского народов мнению, активируется в человеке после двадцати лет, когда появляются *зубы мудрости* (третий большой коренной зуб в зубном ряду каждой челюсти). Именно к этому времени человек успевает обрести некоторый жизненный опыт, он считается не только взрослым, но и готовым к принятию самостоятельных решений (*И пусть на гробе, где певец Исчезнет в рощах Геликона, Напишет беглый ваш резец: «Здесь дремлет Юноша-Мудрец, Питомец Нег и Аполлона».* Пушкин; ср.: *wise guy* «умник; наглец»). Однако уже здесь заметны лингвокультурные различия. Если для русских выражение *мудрый не по годам человек* означает «молодой, но взрослый (не ребенок!)», то для англичан привычно выражение *the child is wise for his age*, которое переводится на русский как «ребенок умен не по годам (но не мудр!)» (ср.: *Зодчество тогдашнего времени было немудрое, детское; затеи его состояли только в некоторых наружных прикрасах.* Лажечников).

Мудрость проявляется в словах и поступках человека (*you were wise not to go; you should have been wiser than to do/ to say that; Is it wise for you to be out in the sunshine with such a headache, Violet?* Shaw). Для англичан мудр тот, кто учится на собственном опыте (*What if the First Revolt is lost? There will be a second, and we will be*

wiser than. London). Человек может стать мудрым после пережитого эмоционального опыта (*Yes, Love when Wisdom fails makes Cythna wise... Shelley*).

Род существительного — репрезентанта концепта — указывает на стереотипное гендерное разграничение: мудрость — свойство мужчин (*мудрец* м.р.). Этот стереотип нарушается; в этом случае мудрость выражается описательными средствами (*мудрая женщина*; ср.: — *Это, брат, девица мудрая, она вроде крыла мамаше служит, она да еще один человек высоко возносят ее над людьми... Горький; Сама, вся расслабившаяся, с отекившим лицом, по-женски мудрым, спокойная, погладила меня по голове, поцеловала в лоб, как дитяню... Астафьев*). В английской лингвокультуре мудрость — свойство, в том числе женщины (*And, when I woke, I wept to find That the same lady, bright and wise, With silver locks and quick brown eyes, The mother of my Lionel... Shelley*).

Слово *мудрец* толкуется в словаре русского языка так: «1. устар. человек, обладающий высшим знанием; мыслитель» (Евгеньева II, 308). Мудрецами называли звездочетов, волхвов, пророков, прорицателей, философов, священников, поэтов, ученых (*При рождении Иисуса Христа в Вифлеем по пути, указанному им звездой, пришли волхвы (мудрецы), чтобы поклониться новорожденному и «принесли ему дары: золото, ладан и смирну»: «Евангелие от Матфея», 2: 11; Но ни Virгилий, ни Расин, Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека, Ни даже Дамских Мод Журнал Так никого не занимал: То был, друзья, Мартын Задека, Глава халдейских мудрецов, Гадатель, толкователь снов. Пушкин; Древнейший греческий мудрец Фалес Милетский утверждал, что даже магнит мыслит. Сергеев-Ценский; Священник пожилой и с кудрями седыми, В миру с соседями, в чести, довольстве жил И первым мудрецом у всех издавна слыл. Пушкин; Но кто под портиком, с поникшею главою, В изорванном плаще, с дорожною клюкою, Сквозь шумную толпу на-*

хмуренный идет? «Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамем!» Пушкин; *the Tree Wise Men; the Wise Men of the East* библ. «волхвы»; *Go to the bee, thou poet: consider her ways and be wise.* Shaw), а также в русской лингвокультуре — странников и калик перехожих, в английской — магов, знахарей, колдунов, повивальных бабок и ворожей (*wise man* «знахарь; колдун; маг»; *wise woman* «знахарка; ворожея; колдунья; повивальная бабка»).

Мудрец — «человек большого ума; мудрый человек» (*Поднес ученого скворца. Известно вам: такая птичка Умней иного мудреца. Скворец, надувшись величаво, Вздыхал о царствии небес И приговаривал картова: «Христос воскрес! Христос воскрес!»* Пушкин). И если в английской лингвокультуре мудрость есть проявление обычно ментальной сферы, то в русской — это сложный комплекс ментальной и перцептивной систем (*Царь был достаточно мудр для того, чтобы почувствовать в о в а т ь за дерзостью слов силу их...* Горький).

В русской лингвокультуре принято отличать истинных мудрецов от мнимых (*Дон Кихот*] не только не глуп, но, напротив, очень умен; мало того: он истинный мудрец. Белинский). Мудрец воспринимает мир не как все, его отличает сложность мировоззрения, трудное для понимания мироощущение (*В этом случае на мудреца, по пословице, нашла какая-то детская простота и только в этом случае; дипломатические заслуги его Иоанну III, достойно оцененные, ручаются за его ловкий, глубокий ум. Лажечников*). Цель жизни мудреца — поиск истины (*Издавна мудрые искали Забытых Истины следов И долго, долго толковали Давнишни толки стариков.* Пушкин). С другой стороны, искать в сложном простое объяснение — задача настоящего мудрого человека (*Лекарство со мною хотя всегда ездило в запасе, но, по пословице: на всякого мудреца довольно простоты — против бреда я себя не предостерег, и оттого голова моя, приехав на почтовый стан, была хуже болвана.* Радищев). В английской лингвокультуре

некоторых мудрецов отличают экстраординарные, необычные качества ума (*She fell ill with terror; but managed the King so well when he came to entrap her into further statements — by saying that she had only spoken on such points to divert his mind and to get some information from his extraordinary wisdom — that he gave her a kiss and called her his sweetheart.* Dickens).

Во втором значении слово *мудрец* трактуется как «шутл. и ирон. о том, кто мудрит» (*Вероятно, мудрецы, которые предпочитают видеть человека в звериной шкуре, скажут, что я украсил его хвостом павлина.* Горький). Ироничное отношение к мудрецам свойственно и английскому народу. Слово *wiseacre* «мудрец» имеет помету *ирон.* и, кроме указанной дефиниции, значит «умник» и «всезнайка». В американском разговорном варианте *wise (man)* означает «умничающий, заносчивый; наглый, нахальный» (*to get wise* «нагличать, нахальничать»).

Фактический материал, собранный из произведений художественной литературы, дает представление о мудреце гораздо более широкое, чем толковые словари.

В русской лингвокультуре существует стереотипное представление о внешности мудреца. Мудрец — человек в возрасте — старец (*Гвидон был единородный Сын на троне старца мудра И ближайша во соседстве.* Радищев). Мудрец обычно седой («*Вот избавитель мой!*» — *говорит он, обращаясь к супруге, к царедворцам и седо-властым мудрецам греческим, притекшим с царевною из Царяграда.* Батюшков); у мудреца есть борода (*Движенья нет, сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить. Сильнее бы не мог он возразить; Хвалили все ответ замысловатый.* Пушкин; ср. рус. поговорку: *Ум не в бороде, а в голове*), иногда борода его сбрита (*Мудрец с обритой бородою, Качая тихо головою, Со вздохом усачу сказал...* Пушкин). У мудреца может отсутствовать либо часть тела, либо один из органов или способов восприятия, либо он мыслит по-

особому, не как все: мудрец — скопец, слепец или безумный человек (*Что и жизнь в такой тревоге! Вот он с просьбой о помощи Обратился к мудрецу, Звездочету и скопцу.* Пушкин; *А он (слепой мудрец!), при гробе стонет он, Сусладой бытия несчастный разлучен, Надежды сладкого не внемлет он привета, Подходит к гробу он, взывает... нет ответа!* Пушкин; *Лициний, поспешишь далеко от забот, Безумных мудрецов, обманчивых красот!* Пушкин).

Слова, описывающие в русском языке внешность мудрецов или их действия, обычно стилистически окрашены. Голова мудреца — маститая (*Напрасно вечное томление сердец, И клонит голову маститую мудрец Пред этой ложью роковою.* Фет), мудрец не просто говорит (*«Не хочу я ничего! Подари ты мне девицу, Шамаханскую царицу».* — *Говорит мудрец в ответ.* Пушкин), он вещает (*Умеренность, вещал мудрец, Сердце высоких отпечаток.* Пушкин), отвечает (*«Царь! — отвечает мудрец, — Разочтемся наконец».* Пушкин), витийствует (*Давно ль — и где же вы, зиждители Свободы? Ну что ж? витийствуйте, ищите прав Природы, Волнуйте, мудрецы, безумную толпу — Вот Кесарь — где же Брут?* Пушкин), речет (*Но кто, о смертный! ты, что мыслить так дерзаешь? «Я христианин», — рек с улыбкою мудрец.* Вышеславцев). У мудреца свой язык, свои слова он произносит особым тоном (*Важнейший из мудрецов, приличным грустно-торжественным языком и величественно-мрачным голосом объявил ему постановление консилиума.* Чернышевский). В английской лингвокультуре мудреца распознают по внешнему виду и по жестам (*to look wise* «принять глубокомысленный вид»; *wise look* «глубокомысленный вид»; *with a wise shake of the head* «глубокомысленно покачав головой»), по разумному и тактичному поведению (*I know they wish us well, and they're both wise and reasonable people, they're tactful*: некоторые примеры взяты

из: British national corpus [Electronic Resources]. Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.

Описание поведения мудрецов так же основывается на стереотипах. Мудрец строгий (*Хоть был бы я царём вселенной, Иль самым строгим мудрецом, — Приятностью, красой сраженный, Твоим был узником, рабом.* Державин), беспечный, непрактичный (не от мира сего), простодушный (*И ты, певец любезный, Поэзией прелестной Сердца привлекий в плен, Ты здесь, лентяй беспечный, Мудрец простосердечный, Ванюша Лафонтен!* Пушкин). Совершенное открытие заставляет забыть мудреца обо всем, в том числе об общепринятых нормах поведения (*И, как мудрец, кем Сиракуз спасался, По улице бежавший бос и гол, Открытием своим он восхищался И громко всем кричал: «нашел! нашел!».* Пушкин). Приписываемое мудрецу безумие выражается в буйном поведении (*Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет, И буйный сей мудрец — посмешище богов!* Тютчев).

Истинная власть принадлежит именно мудрецу, который обладает высшей властью: он — «властитель дум». Не корона и венец являются знаками управления народом (*Прости, украинской мудрец, Наместник Феба и Приана! Твоя соломенная шляпа Покойней, чем иной венец!* Пушкин). Мудрец волнует умы людей, в его силах поднять народ для смены властителей. Однако именно мудрость заставляет его не участвовать в делах правителей: мудрым поведением почитается невмешательство в естественный ход событий (*Что Россия живет в тяжелых условиях — это так же неоспоримо, как и то, что над созданием и укреплением этих условий усердно трудятся правительства высококультурных стран Европы, чему отнюдь не мешает мудрая инертность и немота европейских социалистов, тоже весьма культурных.* Горький).

Жить мудрецам «полагается» не так, как всем людям: они живут в пустыне (ср.: *В своей глуши мудрец пустынный, Ярем он барицины старинной Оброком легким заменил; И раб судьбу благословил.* Пушкин), в бочке, как Диоген. Истинные мудрецы избегают мирской суеты, политики: они трудятся на своей земле, обучают подрастающее поколение (*От бурь укрывшись наконец, Живет, как истинный мудрец, Капусту садит, как Гораций, Разводит уток и гусей И учит азбуке детей.* Пушкин). Их отличает лень и равнодушие к государственным делам (*Вот время: добрые ленивцы, Эпикурейцы-мудрецы, Вы, равнодушные счастливыцы, Вы, школы Левшина птенцы, Вы, деревенские Приамы, И вы, чувствительные дамы, Весна в деревню вас зовет, Пора тепла, цветов, работ, Пора гуляний вдохновенных И соблазнительных ночей.* Пушкин), склонность к пирам и пьянству (*О Галич, верный друг бокала И жирных утренних пиров, Тебя зову, мудрец ленивый, В приют поэзии счастливый, Под отдаленный неги кров.* Пушкин). Мудрец — отстраненный от мира человек, не участвующий в делах общества: он — мечтатель, сторонний наблюдатель (*Увижу кабинет, Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.* Пушкин).

Мнение мудреца расходится с мнением правителей («Закон се божий», — царь вещает; «Обман святой, — мудрец взывает, — Народ давить что изобрел». Радищев), мнением простого человека (*Он принужден был меня позвать, ибо я не хаживал никогда на сии безрассудные поклонения, которые гордость почитает в подчиненных должностию, лесть нужными, а мудрец мерзительными и человечеству поносными.* Радищев). Народ считает, что мудрец видит подлинные, скрытые причины событий, происходящих в мире (*Иль, божества всевышние, всему Причина вы, по мненью мудрецов, И следуют торжественно за вами Великой Зевс с супругой белоглавой И мудрая*

богиня, дева силы, Афинская Паллада, — вам хвала. Пушкин). Однако и мудрец способен ошибаться (*Читательница и простой читатель, не толкующие о художественности, они знают это, а попробуй-ко угадать ты, мудрец.* Чернышевский) и быть не в состоянии тотчас решить ту или иную проблему (*I [...] will not hesitate to affirm, it would have puzzled all the wise men of Paris as much as those of Chaldea, to have given its interpretation.* Sterne). Ценности мудреца расходятся с ценностями обычного человека. Как правило, речь идет о смене моральных ценностей, провозглашенных новой религией (*Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь ни зги; Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое! Чудное, полное нег!.. Дай нам бог вечно любить!* Фет).

В христианстве принято разделять человеческую (светскую, мирскую) и Божественную мудрость (премудрость). Мудрость — один из семи даров Духа Святого; ср.: *The Lilac Fairy is generously slow and controlled and taps her forehead because she is bringing the gift of Wisdom (the traditional gesture for wise).* Русской лингвокультуре в большей степени свойственен именно христианский взгляд на мудрость. Мудрец — дар этому миру (*...Матери скажут: — Да, это вечная правда, мы — сильнее смерти, мы, которые непрерывно дарим миру мудрецов, поэтов и героев, мы, кто сеет в нём всё, чем он славен!* Горький). Общение с мудрецом всегда оценивается позитивно (*Один в каморке тесной Вечерней тишиной Хочу, мудрец любезный, Беседовать с тобой.* Пушкин). Даже правители относятся к мудрецам с почтением, нуждаясь в их совете и поддержке (*Шлет за ним гонца с поклоном. Вот мудрец перед Дадоном Стал и вынул из мешка Золотого петушка.* Пушкин). Мудрецам поют славу или их отвергает общество (*О мудрецы! дивиться вам умея, Для вас одних я ныне трон Морфея Поэзии цветами обовью, Для вас одних блаженство воспую.* Пушкин). Возможно существова-

ние «назначенного» правителем мудреца — неистинного, готового исполнять заказ вышестоящих (*Или, мудрец придворный, С улыбкою притворной Пред лентою цветной Поникнув головой, С вертушкою слепой Знакомиться желаешь? Иль Креза за столом В куплете заказном Трусливо величаешь?..* Пушкин).

В английской лингвокультуре иной взгляд на мудрецов. К категории мудрых людей могут относиться шуты, дураки ([Longaville:] *If by me broke, what fool is not so wise To lose an oath to win a paradise? Shakespeare*), обычные люди, например, родители (*Besides, my child, in this place, what our libertine friend here would call the farce of parental wisdom is dropped. Shaw*). Мудрость ассоциативно связана со странными, эксцентричными поступками, необычным поведением (*'One gets wise to all sorts of queer things.'* Christie).

В Библии короля Якова утверждается, что «The heart is the home of the personal life, and hence a man is designated, according to his heart, wise» (1 Kings 3:12, etc.), т.е., согласно Библии, локусом мудрости выступает сердце: именно оно является путеводителем и законом для всех поступков человека (*If beauty, wisdom, modesty, can settle The heart of Antony, Octavia is A blessed lottery to him. Shakespeare*). В русском сознании мудрость — это качество сердца (*мудрость сердца; мудрое сердце; ср.: Сердце, будь же мудро. Ахматова*). В английском материале встречаются примеры совмещения библейского и обыденного восприятия локализации мудрости (*Put the mass of this world's wisdom into that pure heart and that innocent mind... Collins*).

В английском языке мудрость (wisdom) означает получение знаний, опыта или интуитивное понимание вместе с возможностью применять указанное в полной мере. Это умственные способности, свойство, качество или состояние ума (*Your mind is wise... Sir Philip Sidney's*), которые человек может использовать в научных

изысканиях (*Thus the wise medical investigator assesses an apparent difference for biological implications before rushing to statistics*) и даже в убийстве (*George was probably wise to kill Lennie the way he did, preserving Lennie's dignity*). Локус мудрости — голова (*How many a joy by Allah's will hath fled With flight escaping sight of wisest head!* Burton). Такое восприятие мудрости восходит к идеям Платона и Аристотеля, оно встречается и в русской лингвокультуре (*Решай вот, мудрая головка...* Чехов). По мнению Платона, мудрость — это знание добра и мужество действовать соответственно этому знанию. Аристотель под мудростью понимал знание причин (т.е. почему вещи существуют в определенном виде). В европейской культуре, начиная с античной Греции, мудрость ассоциировалась с добродетелью, целомудрием, силой и мужеством (*Virtue and wisdom, truth and liberty, Fled, to return not, until man shall know That they alone can give the bliss Worthy a soul that claims Its kindred with eternity*. Shelley; *Upon their passive swell the Spirit leaned, And, for the varied bliss that pressed around, Used not the glorious privilege Of virtue and of wisdom*. Shelley).

Со стереотипами, принятыми в обществе, связана оценка. Оценка мудрости в английском языке выражается имущественными метафорами (*I thank you, gracious lords, For all your fair endeavors; and entreat, Out of a new-sad soul, that you vouchsafe In your rich wisdom to excuse or hide The liberal opposition of our spirits, If over-boldly we have borne ourselves In the converse of breath: your gentleness Was guilty of it*. Shakespeare), что не свойственно для русской лингвокультуры (**богатая мудрость*).

Оценка — это выражение основанного на социальных стереотипах субъективного отношения к ценности, представляющего собой исходный параметр конструирования модели мира. Мудрость в сравниваемых языках не определяется общей оценкой по шкале «хорошо-плохо». Это указывает на то, что мудрость — явление

«надмирное», стоящее выше человеческой системы ценностей, не характеризующее отношение между действительным миром и его идеализированной моделью (ср.: *Под кровом вечной тишины, Среди лесов, в глуши далекой Живут седые колдуны; К предметам мудрости высококой Все мысли их устремлены.* Пушкин; *But matter, space, and time, In those aërial mansions cease to act; And all-prevailing wisdom, when it reaps The harvest of its excellence, o'erbounds Those obstacles of which an earthly soul Fears to attempt the conquest.* Shelley). Есть разные степени мудрости (в русском их три: *мудрый, мудрейший, наимудрейший*; в английском — две: *It is a wise man who learns from other men's mistakes, but a wiser man who learns from his own*). Мудрости не свойственны и проявления частной оценки: мудрость не объективируется через признаки ни эмоциональной, ни рациональной, ни эстетической, ни этической оценки.

Стереотипы народа складываются веками. Доминирующими в языковом сознании русского и английского народов выступают народные, бытовые представления. На стереотипы мудрости наложили отпечаток религия и древнегреческие научные теории, волновавшие умы в далеком прошлом. Соответствующие концепты скрывают в своих структурах представления о приоритетах той или иной культуры, видение народа своего внутреннего мира.

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы. К категории мудрых людей относятся те: 1) кто достиг юношеского возраста; 2) кто обладает некоторым опытом; 3) кто наделен умственными способностями; 4) кто совершает правильные поступки. Мудрость считается высшим проявлением ума.

Русские стереотипы мудрого человека отличаются от английских. Мудрый тот, кто 1) обладает недоступным для других знанием; 2) кто имеет особые внешние данные; 3) кто живет иначе, чем другие: у мудрых иные привычки, иной уклад жизни, иные взгляды на мир; иное от-

ношение к общественным событиям; 4) кто вызывает двойственное к себе отношение: почитание и осмеяние.

Особенности английских стереотипов о мудром человеке: 1) мудр тот, кто живет по собственным законам (мудрый ведет себя: а) нахально, нагло, б) эксцентрично; в) разумно и тактично); 2) мудрыми считаются шуты, дураки, родители, ворожеи, маги, знахари.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н. Д. (1988), Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва.
- Пименова, М. В. (1999), Этногерменевтика наивной языковой картины внутреннего мира. Кемерово — Landau.
- Пименова, М. В. (2001), Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия) [диссертация]. Санкт-Петербург.
- Пименова, М. В. (2003), Концептуализация *чувства* в русской языковой картине мира, [в:] Мир человека и мир языка. 2. Кемерово, 58-120.
- Пименова, М. В. (2004), *Душа* и *дух*: особенности концептуализации. Кемерово.
- Пименова, М. В. (2007), Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово.
- Евгеньева, А. П. (ред.) (1981-1984), Словарь русского языка. В 4-х томах. Москва.

SUMMARY

The cultural stereotypes (“мудрец” и “wise man” as an example)

KEY WORDS: cognitive linguistics, concept, conceptual metaphor, national cultural stereotypes.

Not only the human mind, but the human life as well can be described in terms of stereotypes. The article deals with the problem of the different stereotypes features which forms the part of the structures of the concept *мудрость* and *wise man* in Russian and English. The specific role of the stereotypes in nomination of inner world is regarded to be a cognitive mechanism due to which abstract notions are comprehended in more concrete meaning.

Образы неба в произведениях А. С. Пушкина

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт, авторская картина мира, категоризация, символы культуры

Лингвистика на современном этапе своего развития, находясь на позициях антропоцентризма, в качестве важнейшего своего объекта видит человека как уникальную творческую языковую личность. Концептуализация представляет собой процесс познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации, приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в человеческой психике. Воспринимая мир, человек выделяет актуальные для него элементы, членит его на определенные фрагменты. Язык не отделим от культуры, в языке отражается современная культура и фиксируются ее предыдущие состояния. В языке закрепляется национальная картина мира, включающая систему устойчивых образов и сравнений.

Рассмотрение картины мира поэта представляется важным в гносеологическом плане: творчество А. С. Пушкина информативно не только с позиций личности автора, но и в аспекте представления мира, одним из элементов которого является небо. Каждый творец словом пользуется языковым инвентарем, вкладывая свое видение и свое восприятие в ключевые концепты культуры и категории. Такие концепты называют индивидуальными, или индивидуально-авторскими, они выражаются ключевыми словами, свойственными тому или иному писателю или философу. Авторское мировидение отображает ценностные

установки писателя, его ориентацию на определенные стороны внешних и внутренних качеств человека (см.: Пименова 2004; 2008). В этом проявляется его ментальность, потому как ментальность есть не только характеристика всего народа в целом, но и особенность отдельного члена языкового коллектива. Приоритеты в выборе тех или иных признаков концепта позволяют делать выводы о специфике индивидуально-авторской картины мира, которая объективируется в символах, категориях и формах языка. Рассмотрим подробнее способы вербализации концепта «небо» в авторской картине мира Пушкина.

Небо в произведениях Пушкина — это видимое пространство, и люди часто обращают свои взоры на него. Небо у поэта ассоциируется с ангелами (*Там дева юная в печали безмятежной Возводит к небу взор болезненный и нежный, Одна, туманною луной озарена, Как ангел горести является она... Безверие*), цветом глаз любимой (*Я взглянул на небеса И вспомнил ваши взоры, Ваши синие глаза*. Подъезжая под Ижоры...), человеческим счастьем, волей и силой воздушной стихии (*И я б заслушивался волн, И я глядел бы, счастья полн, В пустые небеса; И силен, волен был бы я, Как вихорь, роющий поля, Ломающий леса. Не дай мне бог сойти с ума...*). Небо — объект устремлений одаренных людей (*Стремиться к небу должен гений, Обязан истинный поэт Для вдохновенных песнопений Избрать возвышенный предмет*. Египетские ночи). Небо у автора одухотворяет человека, возвращает ему силы и мужество, напоминает ему о воле, духовных устремлениях, о том возвышенном, что придает смысл его существованию.

Небо удалено от земли, его признак — высота. Этот понятийный признак используется автором для выражения дополнительных смыслов: земля символизирует мрак, тьму, небо есть источник света (*С высокого неба Город белый луна озаряла*. Песни западных сла-

вян; *Утихла брань племен: в пределах отдаленных Не слышен битвы шум и голос труб военных; С небесной высоты, при звуке стройных лир, На землю мрачную нисходит светлый Мир.* На возвращение императора из Парижа в 1815 году). Небо — замкнутое пространство над землей, у которого есть границы. Признак ‘границы неба’ актуализируется лексемой *край* (*Но край небес бледнеет, и в дали Редет тень. Уж латы зазвучали...* Гараль и Гальвина). Небо начинается за краем земли (*На крыльях вымысла носимый, Ум улетал за край земной; И между тем грозы незримой Сбиралась туча надо мной!*.. Руслан и Людмила), оно объемно, внутри него располагаются небесные объекты — солнце, луна, звезды (*Заря потухла в небесах.* Кольна), живые существа — птицы (*Орлы с утесов подымались И в небесах перекликались...* Кавказский пленник).

В произведениях Пушкина встречаются контексты, где небо описывается как пространство, имеющее поверхность. Обычно это поверхность над землей (плоская поверхность), где расположены разные небесные объекты: тучи, облака (*На небе серенькие тучи...* Отрывки из путешествия Онегина; *Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик.* Капитанская дочка), месяц/луна, солнце (*Бывало только месяц ясный Взойдет и станет средь небес, Из подземелия мы в лес Идем на промысел опасный.* Братья разбойники; *На небесах печальная луна Встречается с веселою зарею, Одна горит, другая холодна. И он отвечает: уж солнце высоко На утреннем небе сияло вчера: С утра я глубоко проспал до утра.* Подражание Корану), звезды, тени (*Звезда любви золотая Взошла на небеса ... К Дели; На небесах лежали мрачны тени...* Наполеон на Эльбе). Поверхность неба предстает в образе поля, где гуляют небесные светила — обычно это солнце (*Денница красная выводит Златое утро в небеса.*

Кольна), или в образе пустыни (*И песнь его была ясна, Как мысли девы простодушной, Как сон младенца, как луна В пустынях неба безмятежных, Богиня тайн и вздохов нежных.* Евгений Онегин).

Часто небо описывается поэтом как воздушное пространство между землей и небесными телами и явлениями природы. В произведениях поэта частотно упоминание пространственной вертикальной оппозиции: она описывается не устойчивым выражением *между небом и землей*, поэт использует авторское *между моря и небес* (*В муху князь оборотился, Полетел и опустился Между моря и небес На корабль — и в щель залез.* Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди). Пространство между небом и землей многомерно, многослойно. Облака образуют поверхность на небе, и это пространство между землей и облаками образуют первый слой (*Но тот взвился под облака; На миг исчез — и свысока Шумя летит на князя снова.* Руслан и Людмила), другой слой — это пространство между луной и землей (*Но только что лучи Луна с небес в окно его пустила И юбку вдруг на лавке осветила...* Монах). Еще один слой образуется между землей и утренней зарей — восходящим солнцем (*Как весенней теплою порою Из-под утренней белой зорюшки, Что из лесу, из лесу из дремучего Выходила медведиха Со милыми детушками медвежатами Погулять, посмотреть, себя показать.* Сказка о медведихе).

Погода определяется народом по состоянию неба (*Метель не утихала, небо не прояснялось.* Метель; *В мечтаньях отрок своеволен, Как ветер в небе...* Тазит). Для Пушкина наиболее актуально описание ясного неба (*Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.* Капитанская дочка; *И ясные, как радость, небеса?* Кто видел край, где роскошью природы...). Такие признаки неба, как его неизмеримый объем, простор, широта, свежесть и прохлада, в произведениях Пушкина не упоминаются.

В культурах многих народов небо связывалось со сверхъестественными силами, богами (*В дни, как на небе толпилась Олимпийская семья! О, когда бы ты явилась...*). Эта сфера чрезвычайно насыщена символикой: *небо* выступает символом превосходства, власти, духовного просвещения и вознесения души (*Прервите пир чудовищный, когда Желаете вы встретить в небесах Утраченных возлюбленные души — Ступайте по своим домам! Пир во время чумы*).

Небо — это Бог (понятийный признак исследуемого концепта). Теоморфизм неба выражается в признаках, которые присущи Богу. В основе теоморфных метафор неба находятся признаки творчества и строительства (*Творец небесный!* Сцена из Фауста; *Чудак печальный и опасный, Созданье ада иль небес, Сей ангел, сей надменный бес, Что ж он?* Евгений Онегин). Метафоры созидания и творчества составляют особую область в представлении неба. В метафорах всего живого мир предстает как созданный и непрерывно создаваемый. Состояние природы, приносимое сменой времен года и времени суток, изменениями в погоде, разного рода явлениями природы, ее динамикой, выражается в метафорах как результат целенаправленной деятельности, чьей-то созидательной воли (*Творцу молитесь; он могучий: Он правит ветром; в знойный день На небо насылает тучи; Дает земле древесну сень*. Подражание Корану). Творец предстает как художник, и в ряде случаев явления природы наделяются художественными наклонностями. Он ощущается как созидательная сила. Природа и небо заняты непрерывным созиданием мира, обладают внутренней творческой активностью (*Зачем природа И небеса таким тебя создали?* Из Alfieri).

Теоморфные (божественные) признаки неба связаны с антропоморфными. Бог (небо) создал человека по образу своему и подобию. Небо-бог обладает абсолютным могуществом и абсолютным всевидением и всезнанием

(Намеренья единый видит бог. Борис Годунов). Его всеведение оттого, что оно простирается над всей землей, оно вмещает в себя весь мир. К небу обращаются с просьбами, оно «слышит» обращенные к нему молитвы (*Чьи небо слышало молитвы?* Руслан и Людмила). Перцептивные и соматические признаки неба в произведениях Пушкина малочисленны: небо дышит (*Дышало небо влажным хладом, Нева шумела. Езерский*), спит и пробуждается (*И просыпались небеса.* Руслан и Людмила). В описаниях антропоморфной «внешности» неба для поэта актуальны признаки седины и румянца (*И на краю седых небес Качает обнаженный лес.* Руслан и Людмила; *И тихая денница Румянит небеса...* Фавн и пастушка). Ограниченными являются эмоциональные признаки: для неба характерны радость, возмущение, гнев и покой (*И мир земле, и радость небесам, А мне — позор и заточенье!* Наполеон на Эльбе; *И голос его возмущает волны и небо. ***; Я может быть прогневал небеса.* Борис Годунов; *И ветер, лаская листочки древес, Тебя с успокоенных гонит небес.* Туча). «Эмоции» неба отражаются на его «внешности» и в его действиях: небо улыбается (*Где та была, которой очи, Как небо, улыбались мне? Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?..* Разговор книгопродавца с поэтом), небо содрогается, выражая свой гнев (*И внял я неба содроганье, И горный ангелов полет, И гад морских подводный ход.* Пророк).

Образ Бога-неба у поэта многолик. Но чаще всего Бог предстает в виде неназванного прямо громовержца — Зевса или Перуна (*На лире б возгремел гармонией небесной И воссиял во тьме времен.* Воспоминания в Царском Селе). Гром небесный у Пушкина — метафора наказания (*Небесный гром конечно грянет, И — не найду твоих следов!* Из письма к Вигелю; *Но дважды ангел вострубит; На землю гром небесный грянет: И брат от брата побежит, И сын от матери отпрянет.*

Подражание Корану) или описание природного явления (*И гром гремит по небесам, И молнии во мраке блещут...* Земля и море).

Бог-небо является отцом живущих в раю и на земле (*Спорхнувший с неба сын эдема...* Бахчисарайский фонтан; *Ты червь земли, не сын небес...* Поэт и толпа). Небо — податель благ и даров (*Им прозы, ни стихов не послан дар от неба.* К Жуковскому), ему свойственны праведность и милосердие (*Дай бог, чтоб милостию неба Рассудок на Руси воскрес.* Из письма к В.Л. Пушкину). Небо помогает нуждающемуся, оберегает от опасностей (*Прости!... хранимый тайным небом...* Кюхельбекеру), оно дарует неожиданную милость (*Он повсюду искал ее встречи, и встреча с нею казалась ему каждый раз неожиданной милостию неба.* Арап Петра Великого). Благо от Бога у поэта выражается земледельческой метафорой (*А между тем небесной благодати Таи в душе, царевич, семена.* Борис Годунов).

Небу в произведениях Пушкина свойственны признаки волеизъявления (*То в вышнем суждено совете... То воля неба: я твоя...* Евгений Онегин). Волю небес знают жрецы, волхвы (*Волхвы не боятся могучих владык, А княжеский дар им не нужен: Правдив и свободен их вещий язык И с волей небесною дружен. Грядущие годы таятся во мгле; Но вижу твой жребий на светлом челе.* Песнь о вещем Олеге). Воля небес распространяется на всю землю и человечество. Рождение человека происходит по воле небес (*Он вышней волею небес Рожден в оковах службы царской.* К портрету Чаадаева). По воле небес человек наделяется особой судьбой (*Быть может, волею небес, Я перестану быть поэтом...* Евгений Онегин), особыми качествами (*Что от небес одарена Воображением мятежным, Умом и волею живой, И своенравной головой, И сердцем пламенным и нежным?* Евгений Онегин),

особой внешностью (*Наина, где твоя краса? Скажи, ужели небеса Тебя так страшно изменили?* Руслан и Людмила). Особую судьбу человек получает по той звезде, под которой он рождается (*Уродился юноша Под звездой безвестною, Под звездой падучею. ****). Небо и есть судьба человека (*Так, видно, небом суждено*. Евгений Онегин).

Свою волю небо являет в виде знаков, которые известны людям (*Пророчества и знаменья небесны...* Борис Годунов). Люди читают небо, как книгу, узнавая знакомые знаки, облекая эти знания в приметы (*Старайся наблюдать различные приметы: Пастух и земледел в младенческие леты, Взглянув на небеса, на западную тень, Умеют уж предречь и ветер, и ясный день, И майские дожди, молодых полей отраду, И мразов ранний хлад, опасный винограду*. Приметы; *Жеманный кот, на печке сидя, Мурлыча, лапкой рыльце мыл: То несомненный знак ей был, Что едут гости. Вдруг увидя Младой двурогий лик луны На небе с левой стороны, Она дрожала и бледнела. Когда ж падучая звезда По небу темному летела И рассыпалась, — тогда В смятенье Таня торопилась, Пока звезда еще катилась, Желанье сердца ей шепнуть*. Евгений Онегин). Бог-небо дарует людям знания в виде священной книги (*Небесную книгу До утра читай!* Подражание Корану; *С небесной книги список дан Тебе, пророк!* Подражание Корану).

Небеса участвуют в жизни людей: по воле небес происходят некоторые события (*Дитя расчета и отваги, Идет купец взглянуть на флаги, Проведать, шлют ли небеса Ему знакомы паруса*. Отрывки из путешествия Онегина), у небес есть любимцы и избранники (*Поэт, любимый небесами*. Медный всадник; *А небом избранный певец Молчит, потупя очи долу*. Друзьям; *Нет, если ты небес избранник, Свой дар, божественный посланник, Во благо нам употребляй: Сердца со-*

братьев исправляй. Поэт и толпа). Небо есть высшая божественная сила, направляющая судьбы людей и всего мира к благу (*Вы знаете, как промысел небесный Царевича от рук убийцы спас.* Борис Годунов).

Оплодотворяющее действие солнца и дождя, вечное сияние звезд, луна, влияющая на приливы и отливы, разрушительная стихия шторма — все это стало причиной того, что небо почиталось как источник космической силы (Тресиддер 1999, 235).

Между небом и человеком устанавливаются особые, иерархические отношения. Бог-небо — это царь, правящий миром; люди — его рабы или слуги (*Царю небес, везде и присно сущий, Своих рабов молению внемли...* Борис Годунов; *Воззри с небес на слезы верных слуг...* Борис Годунов). Человеку следует благодарить небо за оказанную милость (*Я не смею пасть к вашим ногам, благодарить небо за непонятную незаслуженную награду.* Дубровский), делиться своими дарами с ним (*Великими дарами Я задарю тебя... И будешь ими ты делиться с небесами.* Анджело), приносить ему щедрую и искупительную жертву (*Щедрота полная угодна небесам.* Подражание Корану; *Но ты, прекрасная, ты бурный век отца Смиренной жизньию пред небом искупила...* Дочери Карагеоргия). Небо судит людей (*Так судят в небесах, но на земле когда?* Анджело), и суд неба не всегда бывает милосердным (*Народ, уныньем пораженный, Стоит на башнях и стенах И в страхе ждет небесной казни.* Руслан и Людмила). У человека могут быть заступники перед небом-богом — те, кому человек помог при жизни (*Но отшельник, чьи останки Он усердно схоронил, За него перед всевышним Заступился в небесах. ****). По Пушкину, жизнь — это или сон, или насмешка неба (*Или во сне Он это видит? иль вся наша И жизнь ничто, как сон пустой, Насмешка неба над землей?* Медный всадник).

Небо есть некое высшее царство, куда отправляются души умерших (*Отчего, скажи, оставил ты Ныне царствие небесное?*» Бова). В небесное царство попадают только те, кто удостоен быть в нем («*Будь покоен, Скоро, скоро удостоен Будешь царствия небес*». Родриг). В этом царстве правит бог («*Господи царь небесный!*» Капитанская дочка).

Воздух, туман, облака наполняют небо, оказываясь воплощением «мировой души»; души людей сопрягаются по своим свойствам с мировой душой. Эпитеты неба используются в описании души (*Так ненависти нет В душе твоей небесной, Дона Анна?* Каменный гость). Согласно народным представлениям, небо — это место пребывания душ-огней — звезд, горящих в вышине. В произведениях поэта это воззрение не нашло своего отображения, но представление о пребывании души на небе после смерти все же встречается (*И когда зараза минет, Посети мой бедный прах; А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах!* Пир во время чумы). *Огонь небесный* — один из признаков вдохновения, любви (*Но вы, живые впечатленья, Первоначальная любовь, Небесный пламень упоенья, Не прилетаете вы вновь.* Кавказский пленник). Если в языковой картине мира душа — искра Божья, частица небесного огня, то в произведениях Пушкина дух — органическая часть небес (*И вскоре пламя, воя, Уносит к небесам бессмертный дух героя.* Из А. Шенье; «*Сти во гробе; Вдруг погасла, жертвой злобе, На земле твоя краса; Дух твой примут небеса*». Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях).

Образные признаки неба различны. Небо может быть переосмыслено в образах крыши мира (ср.: *небесный купол*) или пещеры (*небесный свод; Свод небесный побледнел.* К Наташе).

Свод неба поддерживает Бог (*Земля недвижна — неба своды, Творец, поддержаны тобой, Да не падут на сушь и воды И не подавят нас собой.* Подражание Корану).

С давних времен пещера выступает образом убежища, укрытия, символом рождения и возрождения, начала и средоточия жизни. Темнота пещеры ассоциировалась с неизвестным, непознанным. На обыденном уровне темнота символизирует тайну. Мрак имеет отрицательное значение только в сопоставлении со светом. Тьма предшествует свету, как смерть предшествует возрождению. Темнота ассоциируется со сном, а сон есть временная смерть (*Чернеет тусклый небосклон, И царствует в чертогах сон.* Кольна).

Форма неба-дома совсем не напоминает традиционную русскую избу или терем, это некий шатер, как у кочевников (*Как шитый полог, синий свод Пестреет частыми звездами.* Какая ночь! Мороз трескучий...). Поэт не использует лексему *купол* в значении «небо», тем не менее у него встречается описание неба подобными признаками (*И грозного холма вдали Чернеет круглая вершина Небес на яркой синеве.* Руслан и Людмила). На небеса человек попадает, двигаясь по пути вверх (*С могилы грозной к небесам Она, как сладкий фимиам, Как чистая любви молитва, восходила.* Дочери Карагеоргия).

У Пушкина частотны метафоры неба-дома (*Луна в воздушную обитель Спешит...* Кольна). Однако этот дом своеобразен, для объективации его специфических признаков поэт избирает лексему *сень* в значении «навес, кров» (*Небес оставя светлы сени, С крылатой шапкой на бекрене, Богов посланник молодой Слетает вдруг к нему стрелой.* Тень Фон-Визина). Слово *сень* имеет также значение «покров, полог, укрытие». Для сени-неба актуальными являются категориальные признаки 'свой — чужой' (*Под сенью чуждою небес.* Наполеон).

Образы шатра часто встречаются в русском фольклоре, где шатер — это дом путника, странника. Бог —

творец и обитатель неба — часто спускается на землю, где встречается людям в виде странника, путника.

Наиболее простое представление о форме неба — это представление о небе как шатре, шалаше, палатке, куполе, который образует стены и крышу над полом-землей. По некоторым вавилонским мифам, ветви мирового дерева, спускаясь к морю, которое окружает землю, образует небесный свод (Брагинская 1988, 207).

Одно из значений лексемы *свод* «навес, образованный переплетением деревьев» и лексемы *сень* «укрытие, образуемое кронами деревьев, их ветвями, листвой».

Одной из вещественных метафор может быть 'небо → покрывало'. В образе покрывала неба описываются небесные объекты (тучи, облака) или время суток — день, ночь (*Ночь была темна, небо покрыто тучами — в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть...* Дубровский).

Метафора 'небо → покрывало' функционирует в тройном аспекте: для передачи признаков шатра, полога в пещере и для описания одежды в антропоморфной модели неба. Небо, как полог, осеняет землю, покрывает ее (*Навис покров угрюмой ночи На своде дремлющих небес...* Воспоминания в Царском Селе). Блестящий цветной или прозрачный полог покрывает свод неба (*Прозрачно-легкая завеса Объемлет небо.* Отрывки из путешествия Онегина). Свод небесный облекается в темноту, покрывается мглой. Ночь, мгла предстают в метафорах одежды неба (*Ночи мгла По небу стелется одеждою свинцовой...* Ненастный день потух...). Власть дается от неба-Бога, поэтому любимый цвет властителей — пурпур (*Зари багряной полоса Объемлет ярко небеса.* Полтава).

Авторские картины мира объединяет с языковой картиной мира то, что писатели — носители языка — используют общепринятый языковой фонд, вводя в него свои собственные окказиональные (авторские) метафоры.

С другой стороны, авторам свойственно активное использование не всех возможных для языка метафор, а только их части. Приоритет выбора тех или иных метафор обусловлен как тематикой и жанровой спецификой произведений, так и собственно характером самого автора. Для Пушкина не характерно описание христианского рая небесного, не встречаются образы *врат небес*. Однако поэт активно использует как дохристианские, так и христианские символы неба. Писатели и поэты используют знание народной культуры, привнося в нее свое осмысление и обогащая тем самым национальную культуру в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Брагинская, Н. В. (1988), Небо, [в:] Токарев, С. А. (ред.), Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Том 1. Москва, 206-208.
- Пименова, Е. Е. (2004), Религиозные признаки концепта небо, [в:] Pimenov, E. A./Pimenova, M. V. (ред.), Ethnohermeneutik und Anthropologie. Landau, 210-213.
- Пименова, Е. Е./Пименова, М. В. (2005), Образные признаки в структуре концепта Himmel (на материале немецких художественных произведений), [в:] Мир и язык. VI, 173-180.
- Пименова, Е. Е. (2005), Концептуализация неба в произведениях А. Блока, [в:] Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. Вып. 2. Архангельск, 443-447.
- Пименова, Е. Е. (2006), Теоморфизм как способ концептуализации неба, небес, Himmel и heaven, [в:] Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск, 245-252.
- Пименова, Е. Е. (2008), Концептуализация неба и его объектов в авторской картине мира А. П. Чехова, [в:] Труды по когнитивной лингвистике. Кемерово, 683-700.
- Евгеньева, А. П. (ред.) (1981-1984), Словарь русского языка: в 4-х т. Москва.
- Тресиддер, Ж. (1999), Словарь символов. Москва.

SUMMARY

The description of heaven in A. S. Pushkin's poems

Keywords: the picture of the world in language, conceptual metaphor, cognitive linguistics.

The paper touches upon the problems of the basic archaic conceptual metaphors that give the most typical description of heaven in A. S. Pushkin's poems. By the conceptual metaphor we understand the way of considering one domain in terms of another one. As illustration examples taken from different Pushkin's poems were used.

*К*ритический анализ

А. Т. КРИВОНОСОВ
Нью-Йорк

Спорное в когнитивной лингвистике*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: грамматика, части речи, когнитивная лингвистика, теория языка, парадигмы философии языка

1. «Когнитивная лингвистика» — это лингвистика?

На всех лингвистических «перекрестках» только и разговору, что о «когнитивной лингвистике», хотя никто толком и не знает — что это такое? «Когито, эрго сум» (*Cogito, ergo sum*) — «Я мыслю, следовательно, существую» (Декарт). «Когнитивный» (лат. *cognito* — знание, познание) — познаваемый, соответствующий познанию, т.е. это то, что находится в мозгу, в сознании. О какой «лингвистике в мозгу» может идти речь и как ее оттуда извлечь? «Когнитивная лингвистика» связана со сплошной спекуляцией, с «научным» развлечением: «От великого до смешного — один шаг» (*Du sublime au ridicule il n'y a, qu'un pas*). Е. С. Кубрякова потчует читателя рядом новых вариации на знакомые темы о семантической («когнитивной») классификации частей речи [...] (имеется в виду монография: Кубрякова 1997а. — примечание редакторов). Теория Кубряковой представляет собой рецидив той младенческой эпохи в языкознании, когда чуть ли не единственным основанием для

* С разрешения автора публикуется — с незначительными сокращениями — отрывок из книги: Кривонос, А. Т. (2001), Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. Философские основы теоретической грамматики. Москва — Нью-Йорк, 279-299. В значительной степени данная часть монографии Кривоносова посвящена критическому анализу книги Е. С. Кубряковой (1997). Название статьи предложено редакторами данного сборника.

классификации частей речи было семантическое основание. Книга Кубряковой как в фокусе отражает все недостатки, слабости, непоследовательности, противоречивости и просто надуманности рекламируемой ею старой «семантической» (а теперь уже «когнитивной») лингвистики, коей на самом деле не существует. Поэтому данное обсуждение «когнитивной теории частей речи» — не только и не столько полемика с автором книги, сколько полемика с лингвистическим направлением.

Когнитология связана с речевыми актами, с теорией информации, а она — феномен когнитивный, рождающийся в процессах познания и восприятия мира (Кубрякова 1997а, 248). Следовательно, когнитология (*cognitive science*) — комплексная дисциплина о мыслительной деятельности человека, включающая в себя лингвистику, психологию, философию, теорию познания, вычислительную математику, компьютерную технологию (Звегинцев 1982, 72). По мнению Кубряковой, когнитивная наука — это междисциплинарная наука, которая интегрирует данные довольно большого количества разных наук для уяснения определенных аспектов человеческого знания, прежде всего тех, которые связаны с оперативным мышлением и процессами познания мира (Кубрякова 1992, 4-38). Когнитивная наука объединяет в едином узле все проблемы, связанные с формированием и функционированием структур сознания, используя лингвистику как науку, позволяющую более простой и естественный по сравнению с другими науками доступ к этим структурам — через язык (там же, 5). Действительно, если мы хотим изучить структуру сознания, то это можно сделать только через язык, следовательно, незачем пытаться проникнуть в сознание напрямую, что и делает Кубрякова на протяжении всей книги: части речи изучаются через «структуры сознания», через «структуры памяти», в то время как, напротив, «структуры сознания», «структуры памяти» надо исследовать через язык и через него подойти

к структуре сознания, памяти, мышления. Только правильное понимание сущности взаимоотношения действительности, мышления и сознания ведет к правильному пониманию сущности языка. Идя этим путем, мы не открываем Америку, мы просто делаем то, чем занималась лингвистика в течение веков — исследованием языка в его взаимодействии с мышлением и объективным миром. А представители «когнитивной лингвистики» исследуют эту проблему с ложных позиций, поставив телегу впереди лошади. Вся суть «когнитивной лингвистики» состоит в том, что ее авторы пытаются лишь терминологически переименовать старую как мир проблему на «новый», «более научный и более современный лад», и в этом отечественным лингвистам «помогают», главным образом, американские языковеды, которые никогда серьезно не занимались проблемой соотношения «языка — мышления — сознания — действительности» и вдруг открыли свою, «американскую» Америку, обнаружив, что язык, оказывается, связан с мышлением и сознанием и изобрели для этого направления совершенно недифференцированный, неопределенный и просто не отвечающий сущности взаимоотношения языка и мышления термин *когнитивная лингвистика*. Некоторые российские лингвисты, натренировавшись на комментировании иностранных лингвистических сочинений и притупивши свое собственное, самостоятельное мышление, быстро сделали рекламу этому направлению в России, уже позабыв о том, что у них дома это направление разрабатывалось десятки лет и именно под тем названием, которому оно соответствует *de facto*.

Кубрякова пишет, что анализ процессов познания и отражения действительности всегда занимал центральное место в гносеологии, философии, но

с появлением когнитологии многие старые проблемы стали ставиться и решаться по-новому хотя бы уже потому, что были переформулированы с иных, более широких позиций. Это относится и к лингвистике (там же, 9).

Понимание языка как когнитивного процесса, основанного на использовании знаний в голове человека (можно подумать, что язык до появления «когнитивной лингвистики» так никогда не понимался, будто знания языка «черпались» не из головы, а из другого места. — А. К.) — в его памяти, в его внутреннем лексиконе, ставят проблему организации самой памяти как один из основных факторов формирования новой модели языка (там же, 10-11). Само понятие «памяти» не может стоять в одном ряду с понятиями «сознание», «мышление», потому что «память» есть свойство «сознания» удерживать определенное время идеальные отпечатки внешнего мира в своих структурах; отсюда понятия «кратковременная», «долговременная» память (см. Кривоносов 2001, 170ссл.).

Когнитивная теория, интенсивно разрабатываемая В. З. Демьянковым, стремится учесть близость исследуемого феномена к с о з н а н и ю . Задачи когнитивной науки:

1. построение теории переработки естественного языка человеком при учете особенностей текстов, опора на описание процессов логического вывода на естественном языке — «речевого мышления»;
2. объяснение работы мышления человека, теория вычислимости смысла текста, установление его связности;
3. сведение всего того, что известно о мышлении в различных научных дисциплинах (психологии, лингвистике, антропологии, философии, компьютерологии).

Она должна ответить на вопрос: что такое разум? Как мы осмысливаем наш опыт? Что такое концептуальная система и как она организована? Обладают ли все люди одной и той же концептуальной системой? Если да, то в чем она состоит? Что общее у людей в способах мышления? (Демьянков 1992, 39-40). Когниция — это аспекты познания, связанные с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний (там же, 47).

Итак, когнитология — комплексная дисциплина о мыслительной деятельности человека, включающая в себя массу смежных и очень далеких от языкознания наук. Это междисциплинарная наука, изучающая все мозговые функции человека. А это значит, что когниция есть свойство, структуры, функции мозга, где воедино сплетены все проблемы сознания человека. [...] Мы имеем дело с неким неуловимым монстром, живущем в мозгу, неким туманным облаком, блуждающим огоньком, ни к одной из конкретных наук, и в первую очередь к языкознанию, не привязанным. Сочетание «когнитивная лингвистика» остается лишь пустым звуком, не соотнесенным ни с какой языковой реальностью, напоминающим нам давно прошедшие времена блаженной памяти «марксистского языкознания», в котором на все лады перепевали проблему «взаимоотношения языка и мышления», которая так и осталась марксистской утопией, хотя и более осязаемой и не лишенной здравого смысла, чем сегодняшняя «когнитивная лингвистика». Раньше хоть реальный, звучащий и написанный язык служил эмпирической базой изучения соотношения языка и мышления, без чего, кстати, эта проблема вообще не решается, а сейчас творцы «когнитивной лингвистики» возомнили, что с помощью волшебного ключика «когниция», «когнитивизм» им легко удастся «вскрыть» черепную коробку человека и увидеть в живом мозгу, как функционирует «когнитивная лингвистика». [...]

2. Временный застой в современном языкознании?

А. А. Леонтьев пишет:

[...] Лингвистика сейчас остро нуждается в притоке новых идей, так как она много лет по существу топчется на месте, развиваясь почти исключительно за счет использования информации, накопленной в психолингвистике, логике, прагматике и других гуманитарных областях (1997, 277).

Если раньше в центре внимания лингвистов, как пишет Леонтьев, стоял анализ языковых фактов (фонетических, семантических, морфологических, синтаксических), то теперь осознано, что все эти языковые средства только формальные

маркеры, с помощью которых человек осуществляет процесс общения, прилагая их к системе значений и получая осмысленный и целостный текст (сообщение) (там же, 23).

Кубрякова пишет: перенесение центра тяжести с изучения внешних проявлений языка на изучение внутреннего состояния говорящего, на языковые механизмы мозга, структуры представления в нем знания языка — это приметы научной революции не конечной цели — введение исследования языка в рамки новой науки — когнитологии (1994, 12).

Леонтьев и Кубрякова рассуждают здесь так, как будто они никогда не слышали о структурализме, взявшего на вооружение лозунг «В языке нет ничего, кроме структуры»; как будто они никогда не слышали о «взаимоотношении языка и мышления» — главного лозунга «марксистского языкознания», согласно которому существует «неразрывная связь языка и мышления» и, следовательно, вне мышления язык не существует. Если, с одной стороны, долой какие-то там «формальные маркеры» языка и, с другой стороны, да здравствует «когнитивизм», заменивший «марксизм-ленинизм» в языкознании, то мы получили третий лозунг: долой реально воспринимаемый, живой язык как орудие мышления и коммуникации, ибо таковым это орудие может существовать только в виде «формальных маркеров». Языку оставлена лишь одна функция — выражение «когнитивных значений», понимаемых как «внутреннее состояние говорящего», «языковые механизмы мозга», которые, однако, вне эксплицированных форм языка — нераспознаваемы, как и нераспознаваемы в виде «механизмов мозга».

Структурализм игнорировал семантику, т.е. мыслительные категории, и представил язык так, будто мышления вообще не существует. Но, с другой стороны, структурализм — единственное направление в языкознании, которое безоговорочно понимало, что вне структуры не живет ни одно слово, что структура делает наш язык тем, чем он является — языком. Направить структурализм на путь истины — значит заставить его признать семантику, что и сделали последующие течения в языкознании. Но в то же время они отбросили и главную идею структурализма — структуру языка. Теперь уже современное языкознание перешло только к семантическим, т.е. «когнитивным» исследованиям, но не в реальном, внешне выраженном, написанном и слышимом языке, а в мозгу, назвав их «когнитивной лингвистикой».

Конечно, нельзя отрицать, что структурализм как течение был в значительной степени односторонним течением, так как не признавал семантику. Конечно, взаимодействие языка и мышления «марксистско-ленинское» языкознание понимало схоластически. Но это языкознание исследовало взаимоотношение языка и мышления через живой, звучащий и написанный язык, и кое-чего, в противоположность «когнитивной лингвистике», достигло (см. работы В. З. Панфилова, Г. В. Колшанского, Б. А. Серебренникова, А. С. Мельничука, П. В. Чеснокова, С. А. Васильева, А. П. Комарова). Эти два направления в истории языкознания все же были и оставили свой след: наше дело — дать им оценку. Но «теоретики когнитивизма» отрицают и то, и другое, забыв, что «когнитивная лингвистика» не может существовать сама по себе по двум причинам:

1. без реальных материальных, т.е. языковых форм, вынесенных за пределы мозга, в оречевленном мышлении, на втором уровне материализации мышления [...] «когнициям» не в чем держаться, они остаются в глубинах мозга вещью в себе, гово-

рящим (пишущим) никак не осознаваемые, а слушателю (читателю) вообще не передаваемые;

2. у нас нет ни способов, ни методов, и вряд ли они когда-нибудь появятся, чтобы разглядеть «языковые механизмы мозга», «структуры представления знания языка в мозгу», т.е. структуры реального, живого, естественного языка в мозгу, чем и пытается заниматься «когнитивная лингвистика».

Могут ли философствующие отцы «когнитивизма» Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Т. Гивон и др., а также слепо им поверившая Кубрякова и некоторые другие отечественные лингвисты сказать: мы видели «языковые механизмы мозга», которые не нуждаются в каких-то там излишних «формальных маркерах»; мы видели в мозгу, каким образом в нем «представлены знания языка». Отсюда ясно, что Леонтьев, лингвист и психолог, Кубрякова, работающая во многих жанрах языкознания и в философии языка, не поняли сущности языка, полагая, будто изучать «формальные маркеры», без которых языков не бывает, значит топтаться на месте (Леонтьев), а перенесение центра тяжести с изучения внешних проявлений языка на мифические «языковые механизмы мозга» означает «приметы научной революции» (Кубрякова), т.е. такой «научной революции», в которой исчез сам предмет науки — формы языка. А ведь язык — как инструмент передачи мыслительных категорий, категорий сознания, общих для народов всех наций — не может существовать вне «формальных маркеров», которые не только отличают эксплицированный язык от языка мозга, куда доступа нет и в котором язык записан совершенно иначе, чем в тексте, но и от всех остальных языков мира. Мне представляется, что даже Ф. де Соссюр не оценил до конца важность «формальных маркеров» как неизбежных форм языка, без которых мысль не может быть материализована и выведена вовне (вторая ступень материализации мышления)

[...]. Если, таким образом, «осознать», как пишет Леонтьев, ненужность формальных маркеров языка в пользу «получения осмысленного и целостного сообщения» и считать, как пишет Кубрякова, «приметами научной революции» изучение «внутреннего состояния говорящего», «языковых механизмов мозга», «структуры представления знаний языка в мозгу», то это означает только одно: призыв покинуть почву реального, естественного языка как объекта языкознания и заниматься гаданием на кофейной гуще.

Итак, мысль Леонтьева и Кубряковой вполне определена: лингвисты осознали свои ошибки в том, что занимались мало значащими проблемами, лишь «формальными маркерами», теперь надо перейти к более достойным их внимания проблемам — к значениям, т.е. к «когнитивной лингвистике». А это уже не что иное как призыв выплеснуть вместе с водой и ребенка (морфологические, синтаксические, словообразовательные формы языка!). Если лингвисты, действительно, «осознали», что формы языка суть лишь «формальные маркеры» и, стало быть, нечто второстепенное по сравнению с содержанием, которое фактически есть не языковая категория, а категория нашего сознания, представленного в материальных формах звучащей (написанной) речи, которую в союзе с содержанием и называют языком, то уже не приходится удивляться тому, что сегодняшняя лингвистика растворилась в многочисленных направлениях [...], для которых формы языка не имеют значения и, следовательно, в этих направлениях и в первую очередь в «когнитивной лингвистике» потерян сам язык как объект исследования.

В самом деле, в языке нет ничего, кроме его форм, его «формальных маркеров» («в языке нет ничего, кроме сознания», — и это тоже верно, если под языком традиционно разуметь «форму + значение»), а то, что мы называем значением, семантикой

(а теперь и «когницией») — это чистойшей воды наше мышление, точнее — наше сознание. Но и сами формы языка живут там же, они тоже о с в я щ е н ы мышлением: нет и не может быть ни одной формы (фонологической, фонетической, морфологической, синтаксической, словообразовательной, стилистической, прагматической) в любом языке, которая не была бы порождением человеческого мозга, не была бы им выдумана по произволу, однако по его разумному произволу, диктуемому какой-то целесообразностью, которая, в свою очередь, навязана многими факторами жизнедеятельности людей данной нации (см. работы В. И. Абаева). Но эта форма и есть форма, потому что она материально оформляет и выносит вовне продукт нашего мышления, т.е. мыслительное (семантическое, «когнитивное») содержание, влитое в эти формы, и без них оно, это содержание, и не опознаваемо самим субъектом, и не передаваемо другим людям в процессе коммуникации.

Таким образом, что до семантики, которую теперь величают «когницией», то это всего-навсего [...] наше мышление, наше языковое сознание, которое во все века, то в большей, то в меньшей степени, было предметом исследования в языкознании. Но как к нему подступиться, если оно находится в «черном ящике»? А очень просто: заменить специалистов в этой области — нейрофизиологов и нейропсихологов — и рассуждать чисто беллетристически, не имея никаких реальных, эмпирических фактов под рукой и поиграть при этом соответствующими (а в России, конечно, иностранными) терминами, чтобы читатель подумал, что он имеет дело с наукой.

К когнитивной категории А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский относят понятия фрейма и сценария, т.е. структуры знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации (время, пространство, движение). За значениями слов стоят «тесно связанные с ними

когнитивные структуры», которые можно описать на языках представления структуры, элементами этого языка являются фреймы, сценарии, планы, фоны, фигуры, модель мира, сюжетные свертки, оконные структуры текста, рамки внимания и др. (Баранов/Добровольский 1997, 14). Что это за странные «элементы языка», если их нет в языке и принадлежат они области человеческой психики и, следовательно, другой науке — психологии? Но и самой психологии эти термины непонятны и именно в силу своей неопределенности и расплывчатости. А это уже не научные термины и они, следовательно, не могут служить инструментом познания того, для чего их предназначили. Если когнитивная лингвистика полагает, что значения слов лишь «тесно связаны с когнитивными структурами», и их изучение «неполно» вне этих структур (там же, 14), то это означает, что значения слов не есть категории нашего сознания, что существует мышление человека и рядом с ним шагающие значения слов, которые не есть ни мышление, ни сознание. Что же изучает тогда когнитивная лингвистика?

Некоторые ученые дошли даже до такого абсурдного утверждения:

Наша способность соотносить себя с миром посредством интенциональных состояний, мнений, желаний, предпочтений и т.д. более фундаментальна, чем вербальная способность (Серль 1986, 143).

Дж. Р. Серлю вторит Р. И. Павиленис: «[...] Проблема мнения является пробным камнем для любой формальной семантической теории языка» (1983, 212). Павиленис — один из философских идеологов «когнитивной лингвистики» — ратует за пересмотр традиционных представлений о природе языка: под этим «пересмотром» он подразумевает учет контекстуальных, экстралингвистических факторов использования языка. Вот уж воистину: философ свалился с неба — он даже не подозревает, что лин-

гвистика никогда не проходила мимо этих фактов! Исследования в этом направлении, по мнению Павилениса и В. В. Петрова, уже выявили «бесперспективность объективистского подхода, исключая субъективный фактор». И это произошло потому, что в этой области уже начались «когнитивные разработки» (Павиленис/Петров 1987, 54].

Толкование проблематики анализа языка как прежде всего проблематики понимания языка, неотделимой от проблематики понимания мира, означает рассмотрение философии языка как органической части философии познания (там же, 54-55)

— как будто средством познания мира служит язык человека, а не его мозг. Нас хотят в очередной раз убедить в том, что человек познает мир через свой язык и тем самым обратит нас в сепировско-урфовскую веру «лингвистической относительности». Павиленис настаивает на том, «что контекст мнения имплицитно присутствует всегда, когда нечто утверждается о мире...» (1983, 253). Вот как можно уйти от принципиальных вопросов сущности языка: «Поэтому проблема мнения является пробным камнем для любой формальной семантической теории языка» (там же, 212).

Однако невозможно представить себе, [...] что нечто «мнение», «желание», «предпочтение», в том числе и языковой способ выражения этих субъективных, модальных состояний человека, должны лежать в основе исследования объективной связи мышления, языка и опыта, т.е. в основе исследования сущности языка. Подумать только: «мнения, желания и предпочтения» человека (а эти модальные и волюнтаривные чувственные состояния и проявления организма свойственны также и животным!) — это нечто более фундаментальное, чем его «вербальная способность»! Следовательно, чувственный уровень познания мира — более важен, чем его абстрактное, логическое познание, сделавшее человека человеком! Оказыва-

ется, лишив человека языка, а это значит — лишить его способности абстрактно мыслить, т.е. ликвидировать человека как мыслящее существо, не надо это считать основной, «фундаментальной» утратой в сущности человека, несмотря на то, что человек при этом превращается в стадное животное. Если Серля и Павилениса лишить естественного языка, оставив им лишь их «мнения, желания, предпочтения», то появятся ли у них вообще «мнения, желания, предпочтения», свойственные не животным, а человеку? Поскольку, по теории Павилениса и Петрова, уже выявлена «бесперспективность объективистского подхода, исключающего субъективный фактор» при исследовании языка, следовательно, надо предать забвению исследование реальной системы и структуры языка с точки зрения «объективистского подхода» к нему, т.е. не следует изучать язык объективно, таковым, каков он есть на самом деле, а, напротив, надо изучать его как «субъективистский: фактор» в виде «когнитивных разработок» (Павиленис/Петров 1987, 54). Под флагом такой философии прикрывается «лингвистическая» ученость и проповедуются такие теории, которые или вообще не отражают суть языка, или затрагивают не самые существенные его стороны.

Когда в России с начала 60-х годов XX века, под натиском американской лингвистики, стала размножаться новая терминология, размножаться сама по себе, как амебы, простым делением, не нуждаясь в «оплодотворении» научными теориями, полученными на основе изучения эмпирических данных, то мы и получили сейчас в лингвистике то, что имеем: почти полный откат от традиционных и, следовательно, самых капитальных, основополагающих проблем языкознания. Из математической логики, философии, психологии, психофизиологии, компьютерной технологии в лингвистику хлынул бурный поток новых терминологических понятий, засоривших лингвистику, потому что под заимствованиями

из других наук понимается в лингвистике не всегда то же самое, что и в донорских науках, и не всегда одно и то же различными лингвистами. Из-за нежелания или неумения постичь сущность языка, полагая, что и так уже все ясно, вводят массу новых терминов, заменив давно устоявшиеся в языкознании понятия философским новоязом, ничего не говорящим научному лингвистическому мышлению. Слова А. Ф. Лосева в адрес С. К. Шаумяна как нельзя лучше подходят и к авторам некоторых современных работ по «когнитивной лингвистике»:

Его изложение настолько уснащено иностранными терминами, и настолько старается терминировать каждый малейший шаг мысли и настолько не считается с обычными нормами общей лингвистики, что часто доходит до смешного (1968, 51).

В настоящее время некоторые лингвисты озабочены тем, что кончается XX век, а все еще не создана «новая» парадигма языка. Отмечается, что в настоящее время языкознание подошло к такому этапу своего развития, когда оно испытывает потребность в создании целостной интегральной концепции естественного языка, что языкознание стоит на распутье, и это находит свое отражение в возросшей потребности и значимости методологических и фундаментальных изысканий. При этом важна, как считают некоторые, не модернизация прежних исследовательских парадигм, а иной способ мышления, иное видение мира. Говорят даже о новом или ином характере познания, который вел бы к изменениям в принципах отбора и интерпретации имеющейся информации. Пишут даже о том, что наука о языке в конце XX века нуждается не в «подновлении» парадигмы, а в ее замене новой системой ценностей и целей, что дальнейшее шлифование метода классических дефиниций — дело бесперспективное. Поэтому нужна принципиально иная «дефинитология», чем та, которая досталась нам от старой лингвистики, нужна принципиально иная парадигма языкознания, не-

жели та, которой мы располагаем сегодня. Вот как эту идею выразила, например, В. И. Постовалова:

[...] Лингвистика стоит перед необходимостью осмысления своих предпосылок и перспектив. Идеал цельного знания [...] позволяет поднять на новых основаниях в широкой философской, культурологической, науковедческой, методологической перспективе проблему единства знания в лингвистике и подчеркнуть особый статус лингвистического знания в системе знаний и шире — во всеобщем культурно-историческом процессе (1995, 413сл.).

Эту словесную эквилибристику и безудержную фантастику иначе, как лингвистической маниловщиной назвать нельзя можно ли построить это грандиозное здание на сыпучем песке, именуемом «когнитивной лингвистикой»? Решена ли в современном языкознании проблема сущности языка? Анализ обсуждаемой здесь книги Кубряковой показал, что лучше было бы заниматься не поисками мифических «парадигм языка», не поиском «единства знаний в лингвистике в системе знаний всего мира», а глубоким анализом конкретных языковых фактов с позиций разных наук. Результаты таких глубоких и многочисленных анализов языка сами по себе и создадут объективный взгляд на сущность языка. Это и будет «новой парадигмой языка».

Из истории языкознания известны парадигмы (метафоры), каждая из которых считала себя ключом к пониманию природы языка и его единиц. Биологическая концепция языка делала естественным его уподобление живому и развивающемуся организму, который рождается и умирает. Компаративисты предложили парадигму языковых семей и языкового родства. Для структурального языкознания ключевой стала парадигма уровневой структуры языка и структурно-системной организации его единиц. Для генеративистов главной парадигмой было понимание языка как порождающего устройства. Для «марксистско-ленинского языкознания» главной пара-

дигмой служила «неразрывная связь языка и мышления». Где же нынче эти и другие парадигмы? Они уже стали историей (кроме, пожалуй, структурализма), а сущность языка как была непонятой, так и осталась непонятой. Как бы одна парадигма или метафора не сменяла предшествующую, кичась своей новизной или новым подходом к тем же единицам языка, сколько бы их в истории языкознания не проследовало перед изумленными взорами многих поколений лингвистов, однако сущность языка до сих пор остается тайной за семью печатями. Об этом красноречиво свидетельствует также обсуждаемая книга Кубряковой, в которой сущность языка на основе исследования частей речи не только не раскрыта, но еще больше запутана.

По моему глубочайшему убеждению, нужна не искусственная погоня за очередной «парадигмой» или «метафорой», которая якобы родится из «когнитивной лингвистики», из разысканий в области «лингвистики текста», «речевых актов», «теории дискурса», а необходимо скрупулезное исследование структуры и семантики языка, его функций и самое главное — исследование взаимоотношения языка с теми областями знания, которые его «окружают», с которыми он неразрывно связан, и которые делают его именно тем, чем он является — языком, т.е. исследование взаимодействия языка с действительностью, с мышлением, с сознанием, с речью, с логикой. В современной науке о языке должно, наконец, пробить себе дорогу понимание той единственной истины, что естественный язык не имеет самостоятельного, независимого от действительности, от мышления, от сознания, от речи, от логики существования. Только в этом ряду парных взаимоотношений со смежными областями знания — только не в виде общей беллетристической говорильни, а конкретным показом пальцем: что с чем связано и что от чего зависит — мы сможем обнаружить сущность языка, из которой самым

естественным образом вырастет и сама парадигма языкознания.

К середине прошлого столетия основные теоретические знания в лингвистике были, как считалось, получены и добывать новые результаты старыми методами считалось невозможным. Поэтому в поисках подлинно научного подхода к старым проблемам, стимулированно самим процессом познания объекта, нужны были совершенно новые решения. Однако старые проблемы, ни одна из которых не была окончательно решена ввиду их сложности, и не сулившие лингвистам легкой жизни, заставила многих из них оставить эти проблемы в покое и примкнуть к «новейшим» веяниям в лингвистике, или, по терминологии В. З. Демьянкова, к «доминирующим» теориям, в надежде, что эти «доминирующие» теории прямой дорогой приведут к раскрытию сущности языка и, следовательно, к решению кардинальных проблем языкознания. Многие, и не только начинающие лингвисты, из-за лености ума и довольные легкими, но мнимыми лингвистическими победами, бросились переписывать и комментировать лингвистические труды из Америки, ставшей к середине нашего столетия лингвистической Меккой: бесплодному уму всегда свойственно подражать, не создавая ничего своего. Было заброшено то, что не было ранее доведено до конца: теория слова и предложения, их семантика и структура, методы их исследования, части речи и члены предложения, структуры и системы языков, теория языкового знака, модели языка и речи, соотношения языка и речи, грамматики и логики и многие другие проблемы.

Бурное приобщение многих лингвистов к «доминирующим» лингвистическим теориям произошло не потому, что в указанных выше старых проблемах открывать больше было уже нечего, а, во-первых, потому, что пугала трудность решения старых, кардинальных проблем языкознания, не доведенных до своего логического кон-

ца; во-вторых, потому, что к этому времени некоторые опытные, издавшие лингвистические виды ученые, усилиями которых были поставлены на повестку дня и даже решены многие кардинальные проблемы языкознания, ушли в лучший мир или уже выработали свой научный потенциал, а начинающие лингвисты, недолго терзаясь сомнениями, переняли на свой лад западную лингвистику вместе с ее терминологическими украшениями; в-третьих, потому, что лингвисты были удовлетворены прежними достижениями в языкознании и не нашли в старых проблемах ничего такого, что было бы достойно их внимания. Они не увидели бесконечности объекта, обнаружив свое непонимание законов познания, имеющего бесконечный характер. Но зато в «новейших» лингвистических теориях, в «доминирующих» теориях можно было всю развернуться и описывать все, что ты видишь на поверхности, т.е. одни лишь явления, не докапываясь до их сущности.

В качестве одного из самых поразительных примеров заброшенности старых проблем можно привести вечно живой вопрос о «частях речи» («классах слов»), который до сих пор не только не решен, а его близкое решение даже не предвидится, и который по традиции рассматривается, в основном, лишь как практический вопрос школьной грамматики. Все, что было сделано в области частей речи к середине прошлого столетия, так и осталось не пополненным ничем новым, а тем более существенным. А между тем более глубокое решение этой проблемы зависит от многих, по-прежнему остающихся неясными, проблем теоретической лингвистики и в первую очередь от проблем взаимоотношения «действительность — мышление — сознание — язык — речь — логика», которые, собственно, и диктуют условия для правильного понимания сущности «частей речи». Книга Кубряковой подтверждает неспособность «когнитивной лингвистики» решить главный вопрос теории языка: что же такое язык [...]

и как он связан с нашим мышлением, если каждое из существующих направлений в языкознании по-своему трактует его сущность и, следовательно, методологию, цели и задачи его исследования? А это значит, что вопрос о сущности языка не может быть решен без вмешательства смежных наук, и прежде всего нейрофизиологии и нейропсихологии. Отсюда — все лингвистические бедды, постоянные теоретические спотыкания на ровном месте и блуждания в потемках, что и продемонстрировала обсуждаемая здесь книга Кубряковой. Исследовательница пишет:

Преимущества когнитивной лингвистики и когнитивного подхода к языку мы видим [...] в том, что они открывают широкие перспективы виденья языка во всех его разнообразных и многочисленных связях с человеком, с его интеллекте м и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе (1999, 3).

Оказывается, преимущества когнитивной лингвистики состоят в том, что теперь мы знаем, с чем связан язык: с человеком и его разумом, с познанием мира, со структурами его мышления. А до «когнитивной лингвистики» никто об этом даже не догадывался! Вот как, оказывается, можно беззастенчиво напускать «научный» туман, наводить тень на плетен и выдавать старые как мир истины за новейшее научное направление в языкознании, именуемое «когнитивной лингвистикой».

Кубрякова пишет: в течение более четверти века развитие когнитивной науки демонстрировало, что эта наука «затрагивает самую суть бытия человека — его сознание и интеллект, принципы восприятия им окружающей действительности и ее осмысления, язык» (1997б, 22). Действительно, у «когнитивной науки» цели и задачи благие, но эти цели всегда стояли перед разными отраслями науки, начиная с античности. Вопрос лишь в том, что эти благие цели решаются в «когнитивной лингвистике» негодными методами, что и приводит лишь к «научной» показухе и пустозвонству.

Лингвистика вступила в период застоя, отката от традиционных понятий лингвистики, небрежения к тем проблемам, которые никогда не могут потерять своей значимости, в том числе и проблема частей речи. [...] Многие работы по обсуждаемой здесь проблематике «когнитивной лингвистики» бьют мимо цели и не оправдывают ожиданий читателя. Хотя авторы таких работ и претендуют на ясность и простоту изложения, однако многие лингвистические труды по этой проблематике такими качествами не грешат. Вводится масса новоиспеченных терминов как признак научной респектабельности. Авторы подобных работ не боятся оторваться от научной действительности и остаются во власти весьма свободных интерпретаций, выдавая подобные исследования за последние достижения науки.

Перефразируя слова К. Маркса и Ф. Энгельса:

В то время как в обычной жизни любой shopkeeper отлично умеет различать между тем, за что выдает себя тот или иной человек, и тем, что он представляет собой в действительности (1955, 49)

некоторые идеологи нашего языкознания еще не доросли до этого банального познания. Они верят на слово каждой новой теории языка, особенно заграничной, что бы та ни говорила и ни воображала о себе. П. Б. Паршин справедливо пишет: лингвистика нашего времени не находится накануне трансформации, сравнимой по глубине и действию с той, которую ей довелось пережить на предыдущем «переломе веков». Данные говорят «в пользу скорее негативного ответа на данный вопрос» (Паршин 1996, 38). Удручающее в «когнитивной лингвистике» не то, что, говоря словами Демьянкова,

приняв термин *когниция* в качестве ключевого, направление это обрело себя на обвинение в перепадах в новых терминах того, что давно известно», что «когниция, познание, разум, *intelligentia* были предметом рассуждений с незапамятных времен (1994, 17)

а то, что это лингвистическое направление в его сегодняшнем виде предстает как совершенно неконструктивная говорильня, сплошь и рядом сотканная из общих «когнитивных» фраз, ни к чему конкретно не привязываемых. Сегодняшний спор вокруг «когнитивной лингвистики» напоминает средневековый спор философов-схоластов на тему: «Сколько верблюдов можно продеть сквозь игольное ушко»? Или: «Сколько чертей поместится на острие иглы»?

«Несмотря на все успехи (где они? — А. К.) когнитивных методов в языкознании и мировую известность» («мировая известность», как уже давно известно, иногда делается за деньги, и в среде модных философов это тоже не исключение, если вспомнить шумную рекламу Н. Хомскому — А. К.) его пропонентов — таких как Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Т. Гивон и др. — в России это направление все еще остается довольно экзотическим (Баранов/Добровольский 1997, 19). И это потому, что в России все же больше таких лингвистов, которые менее падки на заграничные лингвистические побрякушки, изобретенные даже не лингвистами, работающими в области взаимоотношений формы и содержания в языке, а философами и логиками, для которых естественный язык лишь объект философских спекуляций. Прежде чем указанным иностранным философам писать о «когнитивной лингвистике» в глобальных масштабах, надо было бы прежде на конкретных языковых фактах показать, как действительно работает «когнитивная лингвистика». Баранов и Добровольский считают, что появление когнитивной лингвистики определялось двумя факторами: «влияние западных концепций» и «разрушением идеологии структурализма» (1997, 11). Отсюда и все беды сегодняшнего языкознания: структурализм в языкознании уничтожить невозможно (ср. замечания, сделанные выше о Леонтьеве, который увидел недостаток прежнего языкознания в том, что оно занималось лишь «фор-

мальными маркерами», т.е. было по сути дела «структуральным» языкознанием), потому что весь язык, все его этажи, снизу доверху, пронизаны структурой (а это главное в теории структурализма!) — в языке все структурно, иначе язык не был бы языком! Ни одно слово, ни одного языка не живет вне его структуры, любое слово наделено всеми признаками структуры своего языка. «Бесструктурных» слов не бывает, как не бывает и языка без слов: язык со всеми своими свойствами отдает себя в распоряжение каждого живущего в нем слова (для каждого языка в разной степени и по разному), а слова абсорбируют в себе все свойства языка. Лингвист, который по-настоящему не «варился» в исследованиях структуры конкретного языка, тот недостаточно понимает ее значимость и, следовательно, может даже считать, что «структурализм преодолен» и настала эпоха «когнитивной лингвистики».

Того, кто хочет понять «структурность» языка и еще раз проверить свой тезис о «преодолении» структурализма, я отсылаю к работам Ю. Д. Апресяна, особенно к его работам «Идеи и методы структурной лингвистики» (1966), «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (1997), а также к работе Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» (1960).

Если в структурной лингвистике — справедливо пишут Баранов и Добровольский — верификация результатов определялась следованием определенным процедурам анализа, то в когнитивной лингвистике — междисциплинарной по своей сути — верификация перенесена в сферу психологии, нейрофизиологии, а также в область компьютерного моделирования. Но этот принцип не проводится последовательно, так как это сложная задача, и это «приводит к большей субъективности результатов когнитивного исследования» (Баранов/Добровольский 1997, 19). Ну, а что же сам автор обсуждаемой книги — Кубрякова? Она не видит простой «перекройки» терминов — *сознание, мышление* на термин *когнитивная лингвистика*? Ви-

дит, но — слово брошено, и оно уже обросло массой противоречий, недоразумений и нелепостей. По мнению Кубряковой, в термине *когнитивная лингвистика* есть

известная неопределенность в понимании того, ... какой глубиной должны обладать указанные знания», а это «ведет и к некоторой неясности и расплывчатости самого термина *когнитивный* или даже понятия когнитивной лингвистики. Не секрет, что использование этих терминов в целом ряде работ и выступлений кажется исключительно данью моде и потому, вероятно, ничего кроме раздражения не вызывает (Кубрякова 1999, 4).

Пусть Кубрякова не сомневается: ее книга не вызывает раздражения. Напротив, у некоторых рецензентов идеи Кубряковой, вопреки ее собственному негативному мнению о «когнитивной лингвистике», вызывают только восторг и восхищение. Например, З. А. Харитончик опубликовала в «Вопросах языкознания» отзыв (некоторые слова из этого отзыва я выделил особо, см. ниже) об обсуждаемой здесь книге Кубряковой, согласно которому книга Кубряковой подсказана кардинальными изменениями в области теоретической лингвистики, прежде всего «достижениями» (sic! — А. К.) двух главных научных парадигм современного языкознания — коммуникативной и когнитивной. Кубряковой намечена «широкая программа» изучения частей речи и продемонстрирована «глубина проникновения» в существо частей речи. Кубрякова «блестяще выполняет» поставленные перед собой задачи. Кубрякова «формулирует стройную и убедительную концепцию частей речи», ей «удалось найти дополнительные аргументы в пользу развиваемой ею концепции частей речи». Кубрякова «разрабатывает методологическую базу для объяснения частей речи»,

создает оригинальную концепцию частей речи, соединив в своем построении разные их аспекты и доказав их взаимо-

связанность и непротиворечивость. Исчерпывающая аргументация ... не позволяет усомниться в истинности развиваемых положений (Харитончик 1999, 127-130).

Подобные панегирики имеют лишь одну ценность: они тешат тщеславие авторов рецензируемых работ. Но с другой стороны, они убаюкивают авторов рецензируемых работ, высвечивают профессиональную некомпетентность самих рецензентов, тормозят развитие языкознания и создают иллюзию его полного благополучия. Интересно было бы узнать, преследует ли центральный российский лингвистический журнал «Вопросы языкознания», публикуя заведомо ложную рецензию, кроме восхваления автора рецензируемой работы, еще какую-нибудь и научную цель?

Бодуэн де Куртенэ в 1901 году написал статью «Языкознание, или лингвистика, XIX века», в которой дал обзор развития языкознания за прошедшие 100 лет, где ставит задачи для языкознания на XX век (семнадцать задач). Он пишет:

Наряду с нормальной наукой, руководствующейся трезвым умом, в течение всего XIX века тянулась, как и прежде, целая вереница людей с неукротимой фантазией, людей, грезящих наяву [...] «Ученые» труды таких «исследователей» относятся прежде всего к психиатрии как объект ее изучения или же — к юмористике (1963, 12-13).

Отсюда ученое пустословие, ученое фразерство, которое вводит в заблуждение людей не только поверхностных, но даже и очень основательно думающих (1963, 75).

Бодуэн де Куртенэ писал с негодованием о «своеобразном „западничестве“, вызванным, конечно, опасением, что [...] придется пошевелить мозгами, а ведь Denken ist schwer und gefährlich».

Эта мысль несколько позже была развита Л. В. Щербой, учеником Бодуэна. Щерба писал еще в 1945 году: «Не могу не сделать здесь лирического отступления и не посетовать на своих соотечественников, которые признают идеи, лишь снабженные заграничной маркой» (1974, 49). В. К. Журавлев пишет о выдающемся американском лингвисте, одном из редакторов многотомного обзора современного состояния лингвистики, Э. Станкевиче: «Нас учил Роман Якобсон, что свет лингвистических идей идет с Востока, из России! [...] Почему же сейчас у вас выхватывают какого-либо второстепенного американского лингвиста и пропагандируют его писания как новейшее достижение лингвистики!» (Журавлев 1991).

«Лучше убаюкивать себя повторением чужих мыслей лишь бы только не тревожить, лишь бы только не тревожить!» (Бодуэн 1963, 363). Вот мнения нашего современника о современном языкознании:

В лингвистике нашей эпохи следует строго различать новое и модное. Новое — это все то, что действительно движет науку вперед, модное — это все то, что механически и бездумно копирует другие науки и другие термины, не считаясь с тем, насколько подобное подражание полезно для самой науки о языке (Будагов 1983, 259).

И далее:

[...] Писать просто и ясно гораздо труднее, чем писать непросто и неясно, скрывая за подобной неясностью отсутствие серьезных знаний и подлинно новых идей (ibidem, 260; см. также: Будагов 1984, 73).

Например И. Е. Аничков пишет о «детской болезни» так называемой «новой» лингвистики, о пренебрежении к традиции, об изоэтрности в изобретении ненужных новых терминов (1997, 401).

В когнитивной науке считается — пишет Кубрякова — что язык не просто «вплетен» в тот или иной тип деятельности (а разве до появления «когнитивной лингвистики» язык человека жил сам по себе, а деятельность человека — сама по себе? — А. К.), но и «образует ее рече-

мыслительную основу (а разве не существует со времен Ф. де Соссюра понятий «язык» и «речь» и что «язык» лежит в основе порождения «речи»? — А. К.), объективируя замысел деятельности, ее установки, разные компоненты деятельности (разве язык без помощи «мышления» объективирует замысел деятельности человека, разве «язык», а не «мышление» обладает отражательной способностью? — А. К.). И далее Кубрякова, преодолев самую себя, т.е. отбросив путающийся под ногами термин *когнитивная лингвистика*, пишет, что языковые выражения, категории, единицы

отражают познание человека, [...] в языке проявляются косвенные данные о мыслительной, интеллектуальной, ментальной деятельности человека, о его сознании и мышлении (1994, 37).

[...] Неужели еще и сегодня, спустя два с половиной тысячелетия после Аристотеля, надо кого-то убеждать, что в языке «отражено человеческое сознание, мышление и познание»? Главное сегодня не в этом, а в том, как эта связь осуществляется, каков ее механизм. Вот где собака зарыта! Расшифровка этого взаимодействия и есть сущность всего теоретического языкознания и, следовательно, философии языка.

В своей последней статье Кубрякова уже вернулась к традиционной общей лингвистике, главной целью которой всегда была связь формы и содержания в языке, и к традиционным задачам формальной логики: правила получения выводных знаний. В когнитивной лингвистике

основное внимание уделяется вопросу о том, как связаны между собою языковые формы [...] со структурами человеческих знаний и опыта, а также о том, как те и другие представлены (репрезентированы) в голове человека (Кубрякова 1999, 4).

Главная задача когнитивной семантики — пишет Кубрякова —

выйти через детальный анализ языковых форм со всей спецификой «упаковки» в них человеческих знаний к пониманию того, как работает человеческий разум. Описание механизмов аналогии, механизмов инференции (получения выводных знаний) и умозаключений [...] обещает [...] пролить свет не только на собственно лингвистические проблемы, но и ответить [...] на вопрос о том, для чего [...] нужна теоретическая лингвистика (1999, 12).

В языкознании нет общевыработанной теории языка. Даже если бы она существовала, каждый волен, тем не менее, строить себе свою собственную теорию. Но что обязательно для всех, — так это доказательность, последовательность, логическая непротиворечивость теории: вся теория должна вытекать из заранее заданных постулатов (выполнение этих условий уже накладывает ограничения на порождение «своих собственных» теорий — теория должна быть и будет только одна). Но когда авторы нагромождают кучу утверждений, противоречащих одно другому, то это уже не теория.

Мое критическое восприятие «когнитивной лингвистики» вообще, и «когнитивной теории частей речи» Кубряковой в частности порождено отсутствием выше указанных критериев всякого научного исследования, отсутствием ее подкрепляющего материала и, как результат, противоречиями и несогласованностями, из которых соткана книга. В ней нет цельной, законченной теории частей речи, а представлен набор отдельных положений (это не грех!), но, к сожалению, противоречащих одно другому. Эту книгу нельзя рассматривать как «приметы научной революции», как «появление новой науки», как какой-то весомый вклад в теорию частей речи, потому что она не только не вносит ничего нового в существующие теории, о чем настаивает сама Кубрякова, но и делает шаг назад по сравнению с тем, что мы имеем сегодня в теории частей речи. Именно шаг назад — к пройденному и давно преодоленному этапу отечественного языкознания: «когнитивная теория частей речи» имеет своих предшествен-

ников в виде «логико-семантических теорий частей речи», еще в 60-70 годы XX века отстаиваемых Ю. М. Скребневым, А. Н. Савченко, О. П. Суником. [...]

Мои критические утверждения — не анализ эмпирического материала, коего в книге нет, а лишь плод логических рассуждений, вытекающих из тех положений и теорий, которые заложены в самой книге.

Нужны ли подобные книги, которые, кроме «новейшей» терминологии, ничего нового в науку не вносят? Да они просто необходимы как новая пища для лингвистических рассуждений, как очередная ступень на длинной лестнице познания истины. Основная ценность этой книги как раз и состоит в том, что она еще раз показала, как важны и нужны глубокие исследования сущности самого языка, а не безоглядное копирование мало что значащих для языкознания многих сочинений иностранных лингвистических философов и увлечение их модными терминами. Книга Кубряковой нужна и полезна, даже если она и не дает ответа на вопрос о сущности частей речи, также тем обстоятельством, что она, во-первых, подтвердила старую истину о невозможности решить глобальные теоретические проблемы языкознания а priori на основе лишь беллетристических рассуждений, без привлечения эмпирического материала, без учета самих фактов языка, во-вторых, подтвердила еще раз невозможность решить проблему частей речи по семантическому («когнитивному») основанию.

Нельзя не заключить, что «когнитивное» направление в лингвистике вообще, и книга Кубряковой в частности, не может претендовать на то, чтобы считаться научным направлением в языкознании: от «когнитивного» направления осталась лишь декларация, не обоснованная никакими эмпирическими фактами. Новый термин ничего не добавляет к тому, что уже давно известно, а именно: весь словарный состав языка, все его части речи — это мыслительные, семантические, значимые, оно-

масиологические, понятийные, логические (чуть не забыл — «когнитивные») категории, это наши мысли, ибо все части речи нашего «внутреннего лексикона» находятся не где-нибудь, а только в мозгу, в мыслях как и д е а л ь н ы е от п е ч а т к и материальных предметов и их свойств, это ячейки, кирпичики нашего языкового сознания. Но сказав, что язык со всеми его частями речи не находится нигде, кроме как в нашем сознании (отсюда: весь язык — «когнитивный!»), мы еще ничего не сказали о сущности частей речи, кроме того, что придумали для них новый термин иностранной марки.

Однако пытаясь априорно создать утопическую «когнитивную» теорию частей речи, Кубрякова не могла не видеть, что реальные факты языка разрушают ее. Первоначально оперируя только абстрактными, «когнитивными» концептами, находящимися в голове человека, Кубрякова затем поняла, что они находят выход на «свободу» и реализуются в грамматических формах в виде живой устной и письменной речи. Кубрякова убедила читателя в том, что всем лингвистам известно давно: части речи — это, действительно, «когнитивные» (ономасиологические, семантические, значимые, мыслительные, понятийные) и грамматические категории одновременно. Но она не убедила читателя в том, что она продемонстрировала обещанный ею новый подход к частям речи (Кубрякова 1997а, 171) по сравнению с тем, что мы видели еще в грамматиках начала прошлого века.

Точка зрения, основанная на «когнитивном» понимании сущности частей речи завела Кубрякову в тупик: части речи не совпадают во всех языках (совпадают фактически не части речи, а фрагменты мира, отраженные в логических понятиях, представленных частями речи), и это несовпадение постулировано только несовпадением грамматических структур разных языков и, следовательно, грамматических характеристик частей речи в разных языках). «Когнитивная теория частей речи» — если ее

рассматривать так, как она представлена, — есть искусственное построение, ничего общего не имеющее с тем объектом, который описывается. «Когнитивная теория частей речи» Кубряковой, в основу которой положена совершенно нереальная концепция, не возводит этажи научного здания, а рисует воздушные замки, даже не заложив прежде фундамента этого здания. Вопрос о сущности частей речи остался и останется открытым до тех пор, пока он не будет решен эмпирическим путем.

Опора на конкретный языковой материал должен быть обязательной предпосылкой всяких теоретических построений. Приходится это подчеркивать, потому что некоторые лингвисты за рубежом, а часто и у нас, наловчились строить теории языка дедуктивно, без всякого материала. Читать произведения таких теоретиков — дело неблагодарное. Когда продерешься через джунгли надуманных абстракций и терминологических манипуляций, приходишь к какой-нибудь банальнейшей истине [...] (Абаев 1986, 39).

Именно к такой истине как раз и приводит книга Кубряковой.

Я совершенно убежден в том, что многие отечественные и зарубежные лингвисты позабавятся еще некоторое время «доминирующими теориями» в языкознании, в том числе и в первую очередь «когнитивной лингвистикой», и в конечном счете останутся в погоне за «когнитивными призраками», поймут, что легкой беллетристической прогулкой сущность естественного языка, в том числе и его главнейших единиц — частей речи, не вскрыть. В конечном счете лингвисты поймут, что истинное языкознание — не в расплывчатой и неопределенной «лингвистике текста», «прагматике текста», не в «курс-анализе», не в туманной и водянистой «когнитивной лингвистике» и вернуться вновь к тому, что сейчас упорно обходится стороной — к забытым проблемам отечественного языкознания, к главнейшим проблемам теории языка и свяжут язык с теми, указанными мною выше, погранич-

ными областями знания (взаимоотношение «действительность — мышление — сознание — язык — логика»), без которых «язык» как таковой, или то, что мы до сих пор называем «языком», вообще не существует.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаева, В. И. (1986), Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук. В: Вопросы языкознания. 2, 27-39.
- Аничков, И. Е. (1997), Труды по языкознанию. Санкт-Петербург.
- Баранов, А. Н./Добровольский, Д. О. (1997), Постулаты когнитивной семантики. В: Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 56/1, 11-21.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963), Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1-2. Москва.
- Будагов, Р. А. (1983), Язык — реальность — язык. Москва.
- Будагов, Р. А. (1984), Писатели о языке и язык писателей. Москва.
- Григорьев, В. П. (1979), Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. Москва.
- Демьянков, В. З. (1992), Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория. В: Язык и структуры представления знаний. Москва, 39-77.
- Демьянков, В. З. (1994), Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. В: Вопросы языкознания. 4, 17-33.
- Журавлев, В. К. (1991), Язык — языкознание — языковеды. Москва.
- Звегинцев, В. А. (1982), Язык и знание. В: Вопросы философии. 1, 71-80.
- Кривоносов, А. Т. (2001), Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. Философские основы теоретической грамматики. Москва — Нью-Йорк.
- Кубрякова, Е. С. (1992), Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем. В: Язык и структуры представления знаний. Москва, 4-38.
- Кубрякова, Е. С. (1994), Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус. В: Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 53/2, 3-15.
- Кубрякова, Е. С. (1997a), Части речи с когнитивной точки зрения. Москва.
- Кубрякова, Е. С. (1997b), Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы). В: Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 56/3, 22-31.
- Кубрякова, Е. С. (1999), Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке).

- В: Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 58/6, без номеров страниц.
- Леонтьев, А. А. (1997), Основы психолингвистики. Москва.
- Лосев, А. Ф. (1968), О возможности сближения лингвистики классической и лингвистики структурной. В: Вопросы языкознания. 1, без номеров страниц.
- Маркс, К./Энгельс, Ф. (1955), Сочинения. Т. 3. Москва.
- Павилёнис, Р. И. (1983), Проблемы смысла. Современный логико-философский анализ языка. Москва.
- Павилёнис, Р. И./Петров, В. В. (1987), Язык как объект логико-методологического анализа: новые тенденции и перспективы. В: Вопросы философии. 7, 54-61.
- Паршин, П. Б. (1996), Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века. В: Вопросы языкознания. 2, 19-42.
- Постовалова, В. И. (1995), Наука о языке в свете идеала цельного знания. В: Язык и наука конца 20 века. Москва, без номеров страниц.
- Харитончик, З. А. (1997), Рецензия на книгу: Е. С. Кубрякова, Части речи с когнитивной точки зрения. Москва 1997; 330 сс. В: Вопросы языкознания. 5, без номеров страниц.
- Щерба, Л. В. (1974), Языковая система и речевая деятельность. Ленинград.

SUMMARY

Disputable questions of the cognitive linguistics

KEYWORDS: grammar, parts of speech, cognitive linguistics, theory of language, paradigm of language philosophy

The author devotes his attention to the critical analysis of modern cognitive linguistics, and in peculiarity the use of the cognitive method in the Russian linguistic investigations of such researchers as E. S. Kubrjakova, A. N. Baranov, D. O. Dobrovolskij, V. Z. Dem'jankov and others. The author takes the position that the taking into account the language forms in linguistic investigations is necessary. The connection to scientific tradition, especially European and Russian linguistics, is of great importance.

И. К. АРХИПОВ
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Природа концепта и методы его изучения*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая семантика, концептология, лингвистическое изучение концептов, лексикография

Современное развитие направления мысли, которое называется «концептологией», с одной стороны, радуется как проявление углубления интереса к самопознанию. С другой стороны, накатывается вал диссертаций, статей и выступлений на тему, которая иногда уже чисто внешне выглядит мелкой. Действительно, ее девальвация проявляется в том, что от западных границ России до восточных на всех уровнях — от студенческого до академического — звучит один и тот же мотив: концепт (имярек) в языке (имярек) в период (имярек) или истории языка.

А результат? Он сводится в общем случае к тому, собственно лингвистическая часть исследования оказывается на поверку анализом лексических и прочих языковых средств, выражающих содержание, выводимое из мозаики соответствующих значений слов, использованных для объяснений. Работы, как правило, завершаются довольно банальными констатациями того, что каждому содержанию соответствует свой набор средств выражения. Незамысловатость цели и простота исполнения приводят к положению в данной области нашей науки, которое директор Института языкознания РАН В. А. Виноградов в своем выступлении на круглом столе по когнитологии в ноябре 2006 г. справедливо охарактеризовал как «щелканье семечек».

* С разрешения автора публикуется раздел монографии: Архипов, И. К. (2008), Язык и языковая личность. Санкт-Петербург, 58-68.

Эта ситуация возникла явно потому, что, с одной стороны, как носители конкретных языков, так и исследователи чувствуют, что в основе значений слов-синонимов, которыми они пользуются в поисках данного концепта, есть что-то неизменное, связанное с формой. С другой стороны, существует уверенность, что «копнуть поглубже», то есть искать прототипы, а не просто значения слов, входящих в соответствующую лексико-семантическую группу, можно с помощью проверенного компонентного и контекстуального анализа. Она, как правило, подкрепляется достаточно распространенным убеждением, что речь зеркально отражает систему языка и что слова — это формы материализованного сознания. Поэтому когда обращаются к новой задаче со старыми средствами, то очевидно мысль о вероятности несоответствия цели и результата исследования даже и не приходит в голову. Действительно, результаты компонентного анализа часто не вызывают сомнений, однако и понимание того, что «это мы уже проходили», тоже.

В 1995 году под моим руководством была защищена кандидатская диссертация Ю. С. Растворовой на тему «Ономазиологическое пространство «жилище»» (на материале истории английского языка) (Растворова 1995). Помню, что в ту пору уже не хотелось изучать «лексико-семантическое поле» или «группу слов», означающих «жилище», а хотелось продвинуть идею (намекнуть на) о существовании некоего мыслимого пространства, которое предстоит номинации. Термин не закрепился, хотя по своей направленности он был «концептуальным» — от содержания к форме (Кубрякова 1981). После защиты диссертации я продолжал размышлять о таинственной природе «ономазиологического пространства», однако в теоретическом плане результаты были вполне отрезвляющие: состоялась попытка исследования еще одного лексико-семантического поля или группы.

Закончив исследование «концептов» методами анализа лексико-семантического поля, авторы часто самокритично констатируют и «нечеткость» их границ и «неопределенность» содержания. При этом они уповают на то, что вот «в будущем...», «когда наша наука поумнеет, вот тогда...» и тому подобное.

Наша наука конечно «умнеет» с каждым новым поколением ученых, но в ходе этого процесса несомненно должно формироваться и более четкие представления о том, где проходят границы нашего познания, а также то, что они обусловлены биологической природой человека. Естественно, речь здесь идет о границах рационального, осмысленного познания. Что же касается интуитивного познания, познания всего тела, то оно прерывается только со смертью организма (Матурана 2009).

Намек очевидно понятен: читателя приглашают к тайнам и таинствам человеческого бытия, выходящим из моды в нашем просвещенном и компьютеризированном мире. Но это может быть один из тех случаев, когда следует напомнить, что в наказание за незнание и/или нежелание знать, кто мы на самом деле, в своих научных изысканиях мы иногда ищем не там.

Данные исследований последних 20 лет указывают на то объективное обстоятельство, что внутренний мир человека, мир мыслей и языка, складывается под влиянием всех сигналов, поступающих в тело, и доступных рецепторам различных систем, а не только вербальных. Как показывает анализ А. А. Залевской проблем, механизмов семиозиса и соответствующей литературы, «[...] всё тело воспринимает, как открытый радар. Рефлексия — только аспект рационального сознания» (А. Менегетти); «психические и соматические паттерны, будучи результатом одних и тех же воздействий, по смыслу идентичны, психосоматические паттерны человека выступают как проявление единой, многоуровневой памяти человека, объединяющей моторную, эмоциональную, образную и словес-

но-логическую память» (Е. Э. Газарова); «в «живом знании» [...] слиты значение и смысл при взаимодействии чувственной и биодинамической ткани сознания, знания и переживаемого отношения к нему» (В. П. Зинченко) (Залевская 2006, 102).

Припомним также нашу уверенность или напротив неуверенность в правоте или несостоятельности высказываний, умозаключений и/или сопутствующих ощущений, что «прав или права, силен/сильна и поэтому могу, или наоборот». Или когда воспитанный человек, не задумываясь, встает, приветствуя уважаемое лицо, он принимает осознанное решение подняться с места? На такие вопросы обычно отвечают, что люди действуют подсознательно. Совершенно верно: ощущение, чувство уверенности или растерянности — это и есть «язык» «воплощенного, или распределенного сознания». Ср.: сознание помещается в теле — является, возможно, частью тела — но действует так, как если бы его телесное размещение было вероятностным условием, не влияющим на его главную функцию: обрабатывать информацию в процессе выработки символически закодированных решений символически сформулированных проблем (Лав 2006: 106ссл.).

Это — проявления мира мыслей, специфика которых заключается в том, что все они или большинство не облечены в формы конкретного языка. Они соответствуют гипотезе о существовании доязыкового мышления, а также повседневным наблюдениям того, что человек «понимает, а объяснить не может», при появлении «необъяснимых предчувствий» и «внезапных озарений», которые иногда требуют много усилий и времени для объяснений.

Все это может стать ближе и понятней, если вспомнить, что развитию индивида (онтогенезу) предшествует внутриутробное развитие. А в нем отражается природа и цель всего познания — прежде всего для себя и с тем,

чтобы адекватно ответить на сигналы («задачи»), поступающие извне. При этом критерием оценки собственных усилий является поведение других (среды). Но поскольку так поступают все поминутно и как само собой разумеющееся, то подобные главные, базовые мысли о «главном» никто ни с кем никогда не обсуждает (в нормальном состоянии). Они становятся результатом «духовного усилия человека в некоей абсолютной точке, в которую, когда в ней находятся, как бы стянуто всё. Она не делегируется (не является объектом сообщения или передачи — И. А.) и вне иерархии» (Сенокосов 1999, 217). Все, что свершается за пределами непосредственного общения, становится тайной. Итак, концепты — это «тайны», которые знают все члены языкового коллектива по отдельности, потому что вырастают и обучаются в нем, и все знают, что остальные тоже знают.

Как отмечает В. З. Демьянков, изначально формы латинского глагола *concipio* передавали представление о процессе и результатах зачатия, принятия семени (причастие II *conceptus* 'зачатый'). Это сугубо интимное явление живого организма, бывшее и остающееся тайной до сих пор, оказалось связанным с тайной возникновения внутри организма базовых знаний о себе и мире. Со временем концепт был осмыслен и как внутреннее, интимное знание, в отличие от понятия, о котором люди договариваются и которое конструируют для того, чтобы иметь «общий язык» при обсуждении проблем. Концепты «существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности. Концепты — то, что, видимо, «зачато», но в действительности чего мы можем убедиться только в результате реконструирующей «майевтической» процедуры» (Демьянков 2001, 35сл.).

Важно отметить, что хотя в результате применения такой процедуры, напоминающей действия повивальной бабки при рождении ребенка, возникают «недвусмыслен-

ные и единственные» концепты, существенную роль в их осмыслении, по мнению Р. Шенка, играют

окружающие концептуальные структуры, (которые) должны помогать преодолению неоднозначности и указывать, какие концептуальные структуры служат значением в данный момент (цит. по: Демьянков 2001, 44).

Из этого, а также с учетом специфики коммуникативных актов следует, что в качестве повивальной бабки выступают окружающие концептуальные структуры не только индивидуального сознания, выступающего в роли автора сообщения, но и такие же структуры, актуализирующиеся в нем, когда оно получает ответные сигналы от партнера/ов по тому же коммуникативному акту. Подобные процессы, проходящие на основе общей способности к познанию и корректируемые существующей в сознании системы концептов, формируют, изменяют концепты в течение жизни субъекта.

Однако все сказанное выше о «доязыковом» характере концептов следует рассматривать с учетом предположений, что все наши знания «упакованы» в языковые формы. Это — весьма многообещающая гипотеза, особенно в свете повседневных наблюдений того, как быстро и оперативно носители языка связывают смыслы с языковыми формами и диссоциируют их в условиях коммуникативного цейтнота в актах коммуникации (Архипов 2004). Следовательно, упомянутые проявления «подсознательного уровня воплощенного сознания» требуют уточнения характера соотношения вербального и невербального мышления.

Странной также кажется напористость массового «наступления» на концепты, если сопоставить сложность их природы и наличие соответствующих научных кадров необходимой квалификации. Действительно, оказывается, для анализа всего 22 «констант русской культуры», отраженных в русском языке, нужно почти 1000 страниц

(Степанов, 2001). Не стремясь к однозначным формулировкам, автор использует неограниченно богатую палитру исторических, этимологических и художественных (литературных, изобразительных) средств. Подобная широта подхода и охвата материала явно определяется намерением подтолкнуть читателя к осознанию «своего концепта», который в практике вынужденно описывается словами — «концепты не привязаны к той или иной материальной форме — они парят над материальными формами» (ibidem, 5).

Сложности реконструкции концептов кроме того усугубляются объективной трудностью их изучения. Если исходить из материалистических позиций, то концепты, мысли и прочие идеальные сущности обретаются исключительно в сознаниях индивидов. Это обстоятельство оказывается объективным препятствием, поскольку человек в состоянии познавать окружающий его мир конкретных предметов, в доступной для него и адекватной для его выживания степени, только благодаря тому, что его сознание существует отдельно от них. Сознание эффективно делает свое дело потому, что оно «рассматривает» предметы с помощью органов чувств со стороны. При попытке сделать то же самое со своим собственным мышлением возникает невыполнимая задача «поместить всюду «самого себя»» (Калиниченко 1999, 157), то есть в двух, трех или больше точках одновременно. Созерцание «самого себя», то есть своих мыслей, со стороны, как известно, удается поэтам и прочим личностям с художественным воображением. Дальнейшее (пере)напряжение мозговой деятельности в этом направлении приводит к шизофрении. Следовательно, не надо быть расистом или излишним скептиком, чтобы понять, что задачи определения содержания концептов может оказаться по плечу достаточно узкому кругу специалистов в областях гуманитарного знания, служащего базой для развитого, достигающего уровня поэтического, творческого интуи-

тивного мышления. Такой исследователь должен развить в себе умение «подглядывать» за работой мышления своего и окружающих, строя догадки о том, что есть еще за значениями слов. В подобных случаях он может быть вынужден выходить за рамки «объективного анализа» - контекстуального, компонентного, трансформационного и др. — и ставить себя под удар подобно Р. Ленекеру, сказавшему однажды: «Я знаю, что это так, но я не могу вам это объяснить» (Langacker 1987, 57).

Напротив, чтобы не делать этого, любители концептов пользуются тем же испытанным оружием. Это дает возможность многим из них продемонстрировать много нового и интересного в области семантики слов. Однако, используя методы, не соответствующие природе концептов, они оказываются далеки от цели описания этих ментальных единиц. Единственное, что им иногда удается — это «подглядеть» что-то в искомым сущностях через «дырочки» и «щелки», которыми и служат всегда значения слов — ведь их роль заключается лишь в создании намеков на то, что имеется в виду.

Подобному «подглядыванию» нередко предшествуют (в главах, описывающих состояние и актуальность поставленной проблемы) нередко неполные и по существу недобросовестные анализы того, что сказано об изучаемом концепте в области философии, истории, религии, права, социологии, социальной и индивидуальной психологии, политологии, культурологии и прочих гуманитарных наук, и это, как правило, не столько вина, сколько беда исследователей. Это еще один результат неправильно выбранной цели. Действительно, зачем нужно изначально ставить лингвиста в условия, в которых он неизбежно превращается в неспециалиста, вынужденного останавливаться на проблемах и их аспектах, часто отрывочных, доступных для понимания неспециалистов и ограничиваться описанием их как прикладных к основному анализу?

Обратимся теперь к словарям, являющимся важным подспорьем. В первую очередь, это энциклопедические словари, которые, как может показаться, если не являются описаниями концептов, то во всяком случае содержат основные понятия о явлениях. Но проблема в данной ситуации заключается в том, что «люди о понятиях договариваются», а концепты вызревают сами и не выходят как таковые за пределы индивидуальных сознаний. Кроме того, в энциклопедических словарях не находит отражение специфика национальных стереотипов и представлений.

Что касается толковых словарей, то их целью неизменно является стремление отразить речь. Их, естественно, не интересуют мыслительные сущности, о которых никто не говорит. Тем не менее, они оказываются полезными в сопоставительных исследованиях, иллюстрируя особенности концептуализации и категоризации конкретными языками явлений действительности. (Ср. рус. *рука* — 1) вся рука и 2) кисть руки и англ. *arm* — вся рука и *hand* — кисть руки. Далее, если в русском языке конкретные неодушевленные предметы *стоят* либо *лежат*, и лишь немногие *сидят*, то в кабардинском большинство их *сидит*).

Конечно, концепт концепту рознь. Ю. С. Степанов остановил свой выбор на концептах духовной жизни, то есть на «предметах» ненаблюдаемых и неосязаемых. Однако если обратиться к концептам материальной культуры, то определить представление (концепт), например, о молотке, окажется проще, так как, несмотря на интерес индивидуального сознания к каким-то особым свойствам предмета, можно будет установить гораздо больше его общих черт у разных людей.

Но есть «промежуточное» явление — язык. Его единицы — слова — двойственны по своей природе. С одной стороны, их материальные формы — предметы, а, с другой, их содержание — мысли, то есть не материальные «предметы». В этой ситуации концепт, «просвечиваю-

щий» во фразе доктора: *Покажи мне язык*, — имеет общую природу с «молотком». Но заголовок раздела *Язык* в медицинском учебнике опирается на примерно тот же концепт, но подправленный необходимым усилием фантазии с тем, чтобы представить «язык вообще», не существующий нигде в природе, кроме как в головах людей. Однако, понятие в данной ситуации может быть неоднозначно, так как его содержанием может быть как указанное «язык вообще», так и «картинка» своего или чьего-либо языка в качестве образца.

И, наконец, во фразе Лингвистика изучает язык для лингвиста за словом стоит его личностный концепт, который изменяется в течение всей его жизни и главным образом активной деятельности в качестве исследователя и/или преподавателя. Что касается обычного носителя языка, то его концепт, надо полагать, изменяется незначительно. Это очевидно можно проверить с помощью замеров в детстве, среднем возрасте и старости. Однако сам носитель не замечает подобных изменений, поскольку «язык» — еще одна из очевидных «тайн», которые «нормальные» люди (нелингвисты) не обсуждают. Но, может быть, это не так. Может быть, можно установить значительные разбросы данных о деталях содержания концепта среди представителей сравниваемых возрастных групп носителей. Ядро же очевидно характеризуется стабильностью.

О «ядре» пишет и Ю. С. Степанов. Оно представляется ему центром, покрытым «социальными и ментальными оболочками», и вся «конструкция» напоминает ему шар (2001, 964). Автор не дает его более развернутого описания или определения. Это замечание не следует воспринимать как упрек. Юрий Сергеевич явно имел какие-то свои цели, и, возможно, спецификацию «шара» читатель должен вывести для себя сам на основе анализа материала всей статьи. И поскольку недоступное ядро концепта продолжает «парить над материальными формами», обратимся к практике лингвистического

анализа, а именно, к материальным формам слов, с которыми ассоциируются в нашем сознании мысли, которые мы хотим выразить, образуя значения.

В качестве метода анализа доступного материала можно, в частности, предложить продолжить исследования содержательных ядер слов, ассоциируемых с образами их материальных форм, лексических прототипов (Архипов 1998; Архипов 2000; Песина 1998; Песина 2005; Беляева 2001; Новиков 2001; Пушкарев 2001; Левчина 2003). Будучи инвариантом семантической структуры многозначного слова, лексический прототип является ядром, цементирующим все лексико-семантические варианты, а также реальной основой актуализации каждого из них в ходе коммуникативного акта.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов, И. К. (1998), Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики. В: *Studia Linguistica*. 6, 5-21.
- Архипов, И. К. (2000), Стрела познания и стрела номинации. В: *Язык. Глагол. Предложение. К 70-летию Г. Г. Сильницкого*. Смоленск, 38-51.
- Архипов, И. К. (2004), Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика. В: *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 4/7, 75-85.
- Беляева, Е. П. (2001), Прототипическая база семантики английских глаголов. Автореферат диссертации. Санкт-Петербург.
- Демьянков, В. З. (2001), Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке. В: *Вопросы филологии*. 4, 35-46.
- Залевская, А. А. (2006), Проблема «тело — разум» в трактовке А. Дамазио. В: *Studia Linguistica Cognitiva*. 1, 82-104.
- Калиниченко, В. В. (1999), Об одной попытке «децентрализовать» Мераба Мамардашвили. В: *Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили*. Москва, 154-176.
- Кубрякова, Е. С. (1981), Части речи в ономаσιологическом освещении. Москва.
- Лав, Н. (2006), Когниция и языковой миф. В: *Studia Linguistica Cognitiva*. 1, 105-134.
- Левчина, И. Б. (2003), Развитие семантической структуры синестезических прилагательных. Автореферат диссертации. Санкт-Петербург.
- Матурана, У. (2009), Биология познания. В: [<http://iph.ras.ru/~imosk/Texts/BiologyofCognition>].

- Новиков, Д. Н. (2001), Разграничение полисемии и омонимии в свете когнитивной лингвистики. Автореферат диссертации. Санкт-Петербург.
- Песина, С. А. (1998), Лексический прототип в семантической структуре слова. Автореферат диссертации. Санкт-Петербург.
- Песина, С. А. (2005), Полисемия в когнитивном аспекте. Санкт-Петербург.
- Пушкарев, Е. А. (2001), Роль семантики словообразовательного суффикса в формировании лексических значений производных слов. Автореферат диссертации. Санкт-Петербург.
- Растворова, Ю. С. (1995), Ономаσιологическое пространство «жилище» (на материале истории английского языка). Автореферат диссертации. Санкт-Петербург.
- Сенокосов, Ю. П. (1999), Насилие и структура радикальности. В: Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. Москва, 208-219.
- Степанов, Ю. С. (2001), Константы: словарь русской культуры. Москва.
- Langacker, R. W. (1987), *Foundations of Cognitive Grammar. Vol 1: Theoretical Prerequisites.* Stanford.

SUMMARY

Nature of the concept and methods his study

KEYWORDS: linguistic semantics, functional linguistics, cognitive linguistics, linguistic conceptology, concept.

The article considers the problem of the linguistic investigation of cultural concepts. The postulates of modern cultural linguistics are discussed critically. The author shows that investigative methodology and heuristics of linguistic conceptology are based on the analysis of semantic components as well as on the category of semantic field. The author proposes the usage of the lexical invariant category in semantic investigations.

А. К. КИКЛЕВИЧ
Uniwersytet Warmiński-Mazurski, Olsztyn
Akademia Podlaska, Siedlce

Концепт! Концепт... Концепт? К критике современной лингвистической концептологии

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая семантика, функциональная семантика, когнитивная лингвистика, культурная лингвистика, лингвистическая концептология, концепт

1. Открытая семантика

Современная лингвистическая семантика, главным образом, ориентирована на описание содержательной стороны языка в контексте категорий человеческой деятельности: речевой, мыслительной, культурной. Именно такой смысл вкладывается в понятие функциональной семантики, которая по своей сути является «открытой», т.е. предполагающей интерпретацию языковых знаков с учетом среды их употребления: интеллектуальной, эмоциональной, социальной и т.д. Это означает, что лингвистическое описание знаков дополняется описанием нелингвистических объектов, а именно — носителей языка, принятой в данном языковом сообществе системы культурных норм, типов и способов концептуализации мира, ситуаций общения и др.

С. Ульман различал два типа семантики: структурную, или аналитическую, которая разлагает слова или другие символы на конечные составляющие, и операционную, или функциональную, задача которой состоит в том, чтобы познать значение «посредством его изучения в действии и в наблюдении над его использованием» (см. Звегинцев 1968, 59; ср. дихотомию субстанции-

нальной и функциональной лингвистических парадигм у А. Н. Рудякова — 2004, 7, а также дихотомию системоцентризма и антропоцентризма у А. А. Камаловой — 1998, 15). В шестидесятые годы XX века В. А. Звегинцев, комментируя предложенную Ульманом дихотомию, писал, что второе направление в семантике разработано слабо.

В языкознании XX века (уже в его первой половине) возникло несколько семантических теорий, которые были направлены на изучение взаимодействия языка со средой. Этому способствовала традиция психологического языкознания в Европе (в том числе и русской психологической школы, ср. утверждение И. И. Срезневского: «Всякий живой язык есть такое народное достояние, которым каждый член народа по закону природы должен воспользоваться, воплощая его в себе, воплощая в нем все силы своего духа» — 1986, 103), заложенная В. фон Гумбольдтом традиция лингвистической антропологии, в XX веке известная в версии неогумбольдтианства, а также популярная в Соединенных Штатах Америки теория функционального прагматизма В. Джемса и, конечно же, восходящая к антропологии Ф. Боаса и Э. Сепира теория языкового детерминизма Б. Уорфа. К наиболее значимым лингвистическим направлениям прошлого столетия, которые создали базу для современной функциональной семантики, следует отнести:

1. интерактивную теорию метафоры А. Ричардса;
2. модальную и интенциональную семантику;
3. синтагматическую семантику;
4. теорию универсальных семантических признаков А. Вежбицкой.

1.1. Теория интерактивной метафоры

Одним из родоначальников открытой семантики можно считать английского филолога первой половины XX века А. Ричардса, создателя интерактивной теории метафоры

(1950/1990), возникшей — как можно полагать — под влиянием структурного функционализма Ф. де Соссюра: общая идея этих направлений состоит в том, что содержание знака определяется его структурными (виртуальными или линейными) отношениями, с точки зрения Соссюра — в системе языка, с точки зрения Ричардса — в структуре высказывания и связного текста. В соответствии со своим программным положением Ричардс считал, что природа метафоры обусловлена процессами в речевой деятельности, базой которых является познавательная система человека:

[...] Когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия. [...] В основе метафоры лежит заимствование и взаимодействие идей (thoughts) и смена контекстов. Метафорична сама мысль (1990, 46-47).

Как видим, Ричардс предложил — почти полвека до того, как об этом написали Дж. Лакофф и М. Джонсон — функциональный и даже в какой-то степени когнитивный подход к изучению метафоры; его дихотомия базовых аргументов метафорической интеракции (возникшая, возможно, в контексте дихотомического мышления структуралистов): «содержание» («tenor») — «носитель/оболочка» («vehicle»), прямо коррелирует с когнитивной теорией метафоры (теории метафорической проекции — «mapping»), распространившейся в США и в Европе в 80-е годы XX века (точнее, когнитивная теория метафоры в значительной степени повторяет теорию Ричардса).

Особенность предложенной Ричардсом трактовки метафоры заключается также в динамическом и синтагматическом подходе. Критикуя традиционную теорию метафоры, которая рассматривала метафорические знаки как номинативные элементы системы языка — такой подход называется монистическим (Moortj 1978, 91), Ричардс трак-

товал метафорическую интеракцию как актуальное явление, реализующееся в речевой деятельности. Его тезис о том, что «слово может одновременно выступать в своем прямом и метафорическом значениях» (ibidem, 60), в 90-е годы XX века получил дальнейшую разработку в рамках функциональной семантики (см. Chlebda 1991; Баранов 1998; Киклевич 1993; Перцов 2000).

1.2. Модальная и интенциональная семантика

Для теории Ричардса характерен функциональный подход к метафоре и вообще — к знаку, в чем нельзя не усмотреть продолжения традиций романтизма, а также прагматического функционализма Джемса, ср. высказывание английского филолога: «Наш мир — это проецируемый мир, пронизанный чертами, заимствованными из нашей собственной жизни» (Ричардс 1990, 56). Проблема метафоры рассматривалась Ричардсом в аспекте психических состояний субъекта. Это направление исследований во второй половине XX века развивалось в рамках модальной и интенциональной семантики. Так, в теории возможных миров семантическая интерпретация языкового выражения зависит не столько от его лексической и грамматической структуры, сколько от пропозициональных установок, прежде всего в форме предикатов высшего порядка *знаю, верю, предполагаю, допускаю, думаю* и т.п. Таким образом, смысл знака (главным образом — высказывания) не вытекает (полностью) из языковой конвенции, не закодирован (полностью) в системе языка, а выводится из способа конфигурации элементов, принадлежащих к асертивной и пресуппозитивной, к диктальной и модальной части высказывания. С выбором пропозициональной установки связана и интерпретация метафорических выражений (Киклевич 1992, 44ссл.), ср.:

- (1) Длинным треугольником летели, // Утопая в небе, журавли
(Н. Заболоцкий).

- (2) Бывают крылья у художников, // Портных и железнодорожников (Г. Шпаликов).
- (3) Сначала пустой был асфальт, потом пошли навстречу ровные порции машин, где-то впереди нарезанные светофором (Вал. Попов).

С одной стороны, в каждом из приведенных высказываний можно усмотреть метафорический перенос: выражения *утопая в небе, крылья, нарезанные светофором* употреблены здесь в небуквальном смысле. Но, с другой стороны, если принять во внимание, что каждое из приведенных высказываний сопровождается пропозициональной установкой, отражающей интенциональное состояние говорящего, метафоричность (небуквальность) исчезает:

- (4) Мне казалось, что летящие журавли утопают в небе.
- (5) Мне кажется, что у художников есть крылья.
- (6) Мне казалось, что светофор нарезал порции машин.

В естественных языках существуют также присловные операторы пропозициональных установок, например, русская частица *как бы*:

- (7) Журавли летели и как бы утопали в небе.
- (8) У художников есть как бы крылья.
- (9) Светофор как бы нарезал порции машин.

В письменном тексте эту функцию выполняет «закавычивание» (термин Б. А. Успенского, см. также: Kiklewicz 2009, 60ссл.), ср.:

- (10) Журавли летели и «утопали» в небе.
- (11) У художников есть «крылья».
- (12) Светофор «нарезал» порции машин.

Таким образом, проблема метафоры в модальной семантике фактически выводится не только за пределы структуры языка, но и за пределы текста — она заменяется проблемой выбора пропозициональной установки, т.е.

«закавычивания» языкового выражения, приписывания его референту статуса «как бы».

Пропозициональная установка представляет собой один из эпистемических факторов семантической интерпретации языковых выражений. Другим таким фактором являются так называемые «миропорождающие» операторы (термин И. М. Богусловского) — обычно в форме синтаксических детерминантов, например, заголовков. Ср. с этой точки зрения стихотворение Николая Заболоцкого «Движение»:

- (13) Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.
А бедный конь р у к а м и машет,
То вытянется, как налим,
То снова в о с е м ь ног сверкают
В его блестящем животе

В данном случае существительное *руками* и числительное *восемь* должны быть интерпретированы в буквальном смысле — на фоне онтологической сцены «движение», которая противопоставлена сцене «покой». Онтологические сцены, о которых здесь идет речь, представлены в сознании человека в виде понятийных категорий, так называемых паттернов: фреймов, скриптов, историй (см. Дилтс 2001). Обычно паттерн накладывается на пропозициональную установку субъекта, например, в отрывке из прозы Бориса Пастернака, где фактуальная информация вводится с помощью пропозициональной установки *мне казалось (я видел)* и онтологического оператора *когда я смотрел из окна вагона*:

- (14) Каждую минуту навстречу к окнам подбегали и проносились мимо березовые рощи с тесно расставленными дачами. Пролетали узкие платформы без навесов с дачниками и дачницами, которые отлетали далеко в сторону в облаке пыли, поднятой поездом, и вертелись как карусели.

Паттерн может выступать в виде обобщения серии текстов, т.е. иметь стилистическое содержание, например: «проза Андрея Платонова». Если в сознании языкового субъекта закодирован соответствующий паттерн, отдельные высказывания обрабатываются с его учетом:

- (15) (а) ВЫСКАЗЫВАНИЕ: Инженер говорил, что попало, пробрасывая сквозь ум свою скопившуюся тоску.
(б) ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ: У Платонова герой говорит / героини говорят, пробрасывая сквозь ум тоску.
- (16) (а) ВЫСКАЗЫВАНИЕ: Запивала чаем потерю своих сил.
(б) ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ: У Платонова героиня запивает / герои запивают чаем потерю сил.

Таким образом, с точки зрения интенциональной семантики метафорические знаки отражают ментальные установки языковых субъектов, а также содержание и объем их когнитивной компетенции. Это в значительной степени расширило онтологию семантических исследований, подготовило базу для возникновения и распространения во второй половине XX века когнитивной семантики. На эту связь между аналитической философией и когнитивизмом указывает и тот факт, что издаваемый в Варшаве В. Косеской-Тошевой научный журнал, посвященный преимущественно проблемам модальной и интенциональной семантики, называется: «Cognitives Studies».

1.3. Синтагматическая семантика

Одна из наиболее перспективных, с моей точки зрения, идей Ричардса состояла в том, что между моно- и полисемией не существует строгой, «стабильной и постоянной» границы. Ссылаясь английские выражения *leg of horse* ‘нога лошади’ и *leg of table* ‘ножка стола’, Ричардс указывал, что, хотя в первом существительное *leg* выступает в основном, а во втором — в переносном значении, их семантическое различие, в принципе, незначительно и заключается в том, что «ножка стола обладает лишь не-

сколькими признаками из числа тех, которыми наделена нога лошади» (1990, 59). Оказывается, что и основное значение слова не представляет собой постоянной величины: референты выражений

- (17) нога лошади
- (18) нога паука
- (19) нога человека

обладают отчасти разными свойствами, а следовательно, рассуждал Ричардс, в каждом из этих буквальных значений присутствует элемент метафоры. Поскольку, как подчеркивает Дж. Серль (Searle 1979, 96), каждая — не только метафорическая — номинация базируется на принципе сходства, то, с одной стороны, каждая номинация метафорична, с другой стороны, каждая метафора представляет собой результат диффузии значения — открытости и внутренней неоднородности (диссипативности) семантических категорий.

В русистике одним из первых синтагматическую изменчивость лексического значения исследовал Д. Н. Шмелев (1973, 161сл.), автор утверждения: «Синтагматические связи, присущие слову, входят в характеристику его семантики» (1964, 188). Поскольку каждое сочетание слов «всегда приводит к созданию нового смыслового единства, нового смысла», между основным и переносным значениями слова имеется промежуточная зона, заполненная так называемыми оттенками значения (некоторые из них фиксируются в толковых словарях). Так, между основным значением глагола *сорвать* ‘снять, отнять, отделить, сдернуть (преимущественно резким движением, рывком)’ и его переносным значением ‘испортить, погубить, сделать осуществление или дальнейшее ведение, течение чего-н. невозможным’ (например, в выражениях *сорвать дело, программу, занятия, заседание*) существует целое множество семантических вариантов, которые в той или иной степени приближаются к одному из на-

званных значений. Данные семантические различия отражаются в синтаксической структуре предложения (которую отчасти можно использовать для диагностирования семантических отношений в лексике):

- (20) Ветром сорвало крышу.
- (21) Ветром сорвало шляпу.
- (22) *Ветром сорвало цветок.
- (23) *Иваном сорвало занятия.
- (24) *Механиком сорвало резьбу.

В связи с нестрогой границей между основным и переносным значением В. Мартин пишет, что основу полисемии составляет нежесткий характер множества слотов и их наполнительной как «flexible classes/families» в структуре фрейма (Martin 1997). Поэтому нет возможности определить — например, при составлении толкового или двуязычного словаря — точного количества переносных значений и оттенков основного значения слова, само противопоставление «основное значение — переносное значение» в какой-то степени теряет научную целесообразность. Так, например, И. К. Архипов, обращает внимание на проблему описания метафорических высказываний как «воспроизведения известных смыслов лексикона (компетенции) или творческого создания смысла в речевом контексте (интерпретации)», признает, что «истинность ни того, ни другого подхода не может быть доказана», а исследователям остается выбирать то решение, которое представляется «более элегантным» (2008, 92).

Стремлением разрешить указанный парадокс диффузии значения объясняется наметившееся в последнее время увеличение интереса к понятию семантического инварианта (или, в другой терминологии, лексического прототипа): Архипов 1997; 2008, 110ссл.; Киклевич 1999, 96ссл.; 2007, 112ссл.; Кошелев 1996; Перцов 1996; 1998a; 1998b; 1999 и др. Синтез функциональной семантики и теории прототипов представляет собой одно

из перспективных направлений семантических исследований.

В радикальных версиях синтагматической семантики принимается подход, в соответствии с которым лексическая сочетаемость выступает как главный фактор классификации слов или их значений в системе языка, граница между парадигматическими и синтагматическими категориями размывается. Пользуясь терминами Р. Якобсона, это можно было бы квалифицировать как перенос отношений между знаками с оси комбинации на ось селекции. Этот подход широко используется учеными московской семантической школы, например, Е. В. Падучевой (1985, 225ссл.; см. критический анализ: Киклевич 2007, 102ссл.). В подобном духе Г. Зельдович проанализировал русские временные квантификаторы (1998), а научная группа под руководством М. В. Всеволодовой — русские, белорусские и украинские предлоги. В последнем случае исследователи обращают внимание на словосочетания с предлогами, например:

(25) Он сидел близко к окну.

Близко к окну рассматривается здесь как цельное (неделимое, нечленимое) словосочетание, выполняющее функцию одного члена предложения:

(26) Он сидел (где?) [близко к окну].

Данное, синтагматическое основание позволяет Всеволодовой и ее коллегам трактовать *близко к* как одну языковую, а именно — предложную единицу. Таким образом, класс предлогов значительно расширяется — его объем в некоторых версиях исследователей группы Всеволодовой составляет около 10 000 единиц. Возражения против данного подхода высказаны мной в работе: Киклевич 2008, 352ссл.

1.4. Теория элементарных семантических признаков

Теория элементарных терминов польской исследовательницы А. Вежбицкой сформировалась на базе традиции рационализма (прежде всего философии В. Оккама и Р. Декарта). С одной стороны, целью использования «семантических примитивов» в толкованиях слов естественного языка было преодоление интуитивизма языковой компетенции, создание универсального семантического метаязыка, сопоставимого с искусственными, в первую очередь — логическими языками (Вежбицкая 1983, 226).

Суть проблемы состоит в том, чтобы выделить возможно меньшую часть естественного языка и, в частности, определить тот минимальный список слов и выражений, который оказался бы достаточным для того, чтобы представить значения всех остальных слов и их взаимосвязь (там же).

С другой стороны, Вежбицкая подчеркивает, что элементарные термины «извлечены из естественного языка», а значит, непосредственно связаны с реальным языковым сознанием, с естественными условиями функционирования. Эта точка зрения выдвигается на передний план в позднейших работах Вежбицкой, где она, например, критикует применение в семантических толкованиях таксономического, а именно — иерархического принципа, в соответствии с которым семантическая дефиниция базируется на экпликации родового признака: *ель* ‘вечнозеленое хвойное дерево семейства сосновых...’

Вежбицкая, например, считает искусственным применение в словарных дефинициях существительного *чашка* родовых дескрипторов типа «сосуд» или «посуда» (ср. толкование из «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой: *чашка* ‘небольшой сосуд для питья круглой формы, обычно с ручкой из фарфора, фаянса и т.п.’), поскольку это не отражает реальной языковой компетенции, в которой абстрактные термины (в терми-

нологии когнитивной семантики — термины надбазового уровня категоризации) не играют такой важной роли, как в языке науки. Поэтому Вежбицкая предлагает «естественную дефиницию» *чашки*, в основе которой лежит родовой дескриптор ‘вещь, сделанная человеком’ (1999, 88). С этим конкретным случаем анализа хотелось бы поспорить: если дескриптор «сосуд», действительно, заимствован из языка науки и, скорее всего, чужд обыденному сознанию носителей языка, то дескриптор «посуда» как раз вполне хорошо и естественно вписывается в контекст повседневной деятельности человека, ведь лексема *посуда* широко используется — например, в русской культурной среде — в качестве торговой вывески, а значит — можно предполагать — она получает свое отражение и в тезаурусе носителей языка. Напротив, тяжело представить себе (в реальном мире) вывеску с текстом: *Вещи, сделанные человеком*.

Теория элементарных терминов и компонентный анализ в целом имеют, кроме того, вполне конкретные культурные или технологические задачи. Одной из первых при-

кладных задач структурной семантики (еще в шестидесятые годы XX века) стало создание лингвистического интерфейса, позволяющего «переводить» языковую информацию, т.е. закодированную в знаках естественного языка, на языки программирования. Это дает основание утверждать, что «закрытая» структурная семантика не была такой уж закрытой, просто характер ее задач существенно отличался от традиционной, психологически ориентированной семантики. Так, например, белорусский лингвист В. В. Мартынов — в русле компонентного анализа — создал оригинальную теорию универсального семантического кода (УСК), в которой для толкования слов используются три (sic!) базовые понятия: субъект, объект и акция (1966; 1977). Напомню, что в первой версии теории Вежбицкой выделено 14 таких понятий (1983, 237). По признанию Мартынова, прикладная цель УСК связана с автоматизированным управлением, информатикой и эвристикой: данная теория, по замыслу ее создателя, призвана преодолеть информационную несовместимость «проблемно-ориентированных языков» и языков программирования разных типов. Одной из важнейших теоретических задач является преодоление языковой неопределеннозначности, например, в случаях, когда одной синтаксической структуре потенциально соответствует несколько толкований. Как пишет Мартынов:

Поскольку не существует алгоритма для разрешения неэксплицированной неоднозначности, различные семантические структуры должны эксплицироваться различными синтаксическими структурами. Чтобы научить машину понимать текст, нужно создать универсальный семантический код с полностью канонизированным семантическим синтаксисом (1977, 16).

Другая прикладная задача компонентного анализа — межкультурный перевод, трудности которого вытекают из специфического, идиоматического характера многих языковых номинаций, обусловленных культурной традицией данного языкового сообщества (Wierzbicka

2002, 24ссл.). Использование универсальных семантических терминов, по мнению Вежбицкой, позволяет элиминировать культурный фон лексических номинаций, а тем самым — передать смысл в наиболее адекватной форме.

2. Лексическое значение vs. концепт

К исследованиям в области открытой семантики лингвистов в значительной степени подтолкнули наблюдения над словарными дефинициями. Их анализ показал, что, во-первых, традиционные семантические описания являются неполными: в частности, они недостаточно представляют информацию о так называемых интегральных признаках. Ссылаясь на И. А. Стернина, А. А. Камалова пишет:

Семантическая структура слова помимо дифференциальных компонентов включает разного рода недифференциальные (интегральные, потенциальные, ассоциативные) компоненты. Они не нужны для построения оппозиций, структурно значимых для данного языка, но являются реальными элементами языковой компетенции, актуализируются в речи, составляют основу семантического варьирования слова и его диахронического развития, обуславливают сочетаемость и ассоциативные связи слова (1998, 29сл.).

В то же духе Л. М. Васильев (со ссылкой на того же Стернина) пишет, что

в речевой смысл языковых значений вовлекаются [...] коммуникативно значимые элементы тех наших знаний о предмете, которые в их содержание как системных единиц не входят (2006, 32).

При этом Васильев приводит пример:

(27) Вот это мужчина!

Если мы ограничимся только лексическим значением существительного *мужчина* ‘взрослый человек мужского

пола', то полный смысл высказывания окажется непонятным — в этом случае от нашего внимания «ускользнет» важная культурная информация: «Настоящий мужчина обладает такими качествами, как сила, ум, благородство, решительность и т.д.». В современной коммуникативной лингвистике это свойство называется инференцией (Киклевич 2007, 237ссл.).

Во-вторых, анализ словарных дефиниций показал, что они чрезмерно научны, не отражают обыденного сознания «рядового» носителя языка. Действительное, приведенное в предыдущем разделе определение существительного *ель* ('вечнозеленое хвойное дерево семейства сосновых...') с этой точки зрения кажется довольно умозрительным: человек, который вполне правильно употребляет данное слово в своей речевой практике, может не иметь представления о том, что ель относится к семейству сосновых и вообще — представления о семействе как о родовом признаке. Поэтому лингвисты направили свои усилия не только на то, чтобы изменить (а именно — расширить) содержание семантических толкований, но и на то, чтобы изменить их форму, а именно — приблизить ее к реальным ментальным категориям. Так, Е. Бартминский предложил различать системное и когнитивное значение слова: первое основано на дифференциальных семантических признаках, закодированных в системе языка, второе — на естественных ментальных категориях обыденного сознания. Бартминский противопоставил научнообразную дефиницию польского существительного *gwiazda* 'звезда' в традиционном словаре и «когнитивную дефиницию», которая, по его мнению, адекватна по отношению к реальной форме переработке информации в сознании человека — неспециалиста (Bartmiński 1999, 113):

- (28) СИСТЕМНАЯ ДЕФИНИЦИЯ: *gwiazda* = 'ciało niebieskie złożone z gazów i plazmy, świecące wskutek reakcji termojądrowych zachodzących w jego wnętrzu; punkt świetlny widoczny na ciemnym niebie'

- (29) КОГНИТИВНАЯ ДЕФИНИЦИЯ: *gwiazda* = ‘jedno z licznych małych światel na niebie, widocznych nocą, które układają się w swoiste zespoły zwane gwiazdozbiorami, i o których mówi się, że świecą, mrugają, migoczą, zapalają się, gasną, spadają... o których wierzy się, że towarzyszą człowiekowi od urodzenia do zgonu, a swoim układem i zachowaniem wróżą ludziom ich losy’

Таким образом, традиционной категории лексического значения были противопоставлены категории открытой семантики: контекстное значение, «добавленное значение» (см. «sens naddany» — у А. Авдеева, см.: Awdiejew 2004, 15), когнитивное значение, фрейм — в когнитивной семантике, концепт — в этнолингвистике. Все эти категории отражают стремление языковедов при описании содержания знаков выйти за пределы структуры языка, отразить те экстралингвистические явления и процессы, которые существенно влияют на функционирование знаков и без учета которых адекватное понимание продуктов языковой деятельности невозможно. При этом следует иметь в виду, что разные категории функциональной, антропологически ориентированной семантики по-разному отражают упомянутые выше ментальные явления и процессы: одни в большей степени направлены на представление содержания знания, другие — на его форму. Например, популярное среди языковедов понятие фрейма, которое было введено в орбиту лингвистических исследований Ч. Филлмором, понимающим фрейм как «конструкцию знания и связанную схематизацию опыта» (1988, 54), в принципе, не отражает специфически человеческих форм категоризации мира, это — общая модель категоризации, которая пригодна для описания любых интеллектуальных (рефлексивных) систем, в том числе и искусственных. Поэтому Ю. Чарняк подчеркивает, что понятие фрейма было введено М. А. Минским для системного моделирования процессов визуального восприятия (1983, 304), т.е. прямо не связанных с естественным языком.

Имеется существенное различие в представлении языкового значения когнитивной и культурной лингвистикой. Когнитивная лингвистика в качестве объекта описания рассматривает индивидуальную языковую компетенцию как реализующуюся в психических процессах способность рефлексивно реагировать на внешние, а также на внутренние раздражители. В этом смысле так называемая когнитивная революция означает значительный, радикальный отход от структурализма: де Соссюр и его последователи рассматривали язык как продукт коллективного (в определенной степени — виртуального, см. Архипов 2008, 39) сознания, приписывая ему главенствующую социальную (другими словами — коммуникативную) функцию, тогда как когнитивисты описывают язык в качестве элемента индивидуальной психической деятельности, как реальную компетенцию, разумеется, абстрактного, виртуального носителя языка.

Что касается культурной лингвистики, то в этом случае мы наблюдаем возврат к традиции структурализма, а может быть — просто ее продолжение: в качестве основной единицы языкового сознания рассматривается концепт (или стереотип), который представляет собой обобщение, а скорее — механическое объединение разнородной, накопленной в системе культурной деятельности сообщества информации, которая касается определенных явлений и объектов внешнего мира или так называемых конструкторов. Роль, которую для структуралистов играл язык (система языка), теперь приписывается другой абстракции — культуре (или ее модели — «языковой картине мира»), а языковые знаки описываются как культурно значимые элементы, т.е. как носители ценностей, выработанных данным культурным сообществом. Соотношение структурной, когнитивной и культурной лингвистики показывает следующая таблица.

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ	ТРАКТОВКА ЯЗЫКОВОГО СУБЪЕКТА
Структурализм	Система языка как принятый в данном сообществе код коммуникативной деятельности	Коллективный языковой субъект: языковое сообщество
Когнитивная лингвистика	Когнитивные процессы обработки языковой информации	Индивидуальный языковой субъект: когнитивная компетенция
Культурная лингвистика	Языковые формы хранения культурной информации	Коллективный языковой субъект: культурное сообщество

В структурной лингвистике собственно языковое значение слова и разного рода культурные «добавки» строго разграничивались, что можно показать в виде рисунка (символ «ЯЗ» означает языковое значение, а символ «КЗ» — когнитивное значение):

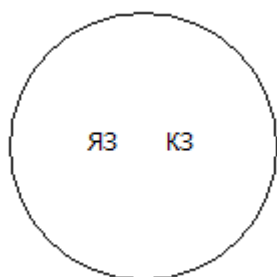

Иначе представляют себе это отношение когнитивисты: в содержании языковых знаков отражена ментальная концептуализация мира, а значит, семантическое описание языка должно предусматривать задачу описания процес-

сов ментальной репрезентации мира (Tabakowska 2000, 60). Семантика рассматривается как психосемантика:

[...] Jednostki języka nie są niczym innym jak wynikiem subiektywnego spojrzenia człowieka na otaczający go świat. Znaczenie zaś jest równoznaczne z konceptualizacją, czyli z doświadczeniem umysłowym, tworzeniem subiektywnej struktury pojęciowej odpowiadającej naszemu widzeniu świata (Tabakowska 1995, 55).

Отношение между значением и понятийной категорией в когнитивной лингвистике выглядит следующим образом:

Интеракцию между языковой и культурной семантикой усматривают также сторонники идиоэтнической теории языка. Так оценивал неогумбольдтианство Л. Вайсгербер известный польский германист А. Маньчик, который писал, что в этом случае «познание начинается и заканчивается в языке» (Mańczyk 1982, 48). Языковая семантика рассматривалась Вайсгербером и другими сторонниками социальной теории языка как своего рода «медиум» между внешним миром и системой языковых форм (см. Weisgerber 1964, 45ссл.; 1971, 149ссл.).

В том же духе Р. Токарский пишет, что когнитивный подход стирает границу между языковыми и энциклопедическими знаниями: все, что человек знает о мире, может найти отражение в языке, в частности, в его словарном запасе:

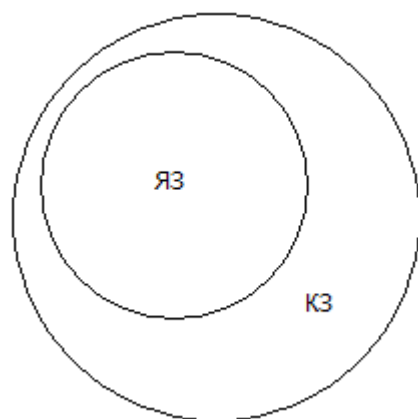
W opisie języka celem analiz ma być odtworzenie językowych sposobów konceptualizacji świata [...] i projektowanie tej wiedzy na znaczenie słowa (Tokarski 1995, 32).

Впрочем, культурная лингвистика, которая, как уже было отмечено, рассматривает язык в виртуальном культурном пространстве, интерпретирует отношение между языковым и когнитивным значением несколько иначе, чем это наблюдается в когнитивизме: здесь принимается точка зрения, что языковая и когнитивная интерпретация мира не тождественны, но языковой знак по своей природе амбивалентен, т.е. он указывает на элементы языкового и когнитивного содержания. Такова точка зрения упомянутого выше Токарского, который считает, что антропоцентрический подход в семантике, т.е. учет языковых и внеязыковых элементов содержания морфем, лексем и предложений,

nie oznacza [...] akceptowania braku jakichkolwiek różnic między owymi dwoma rodzajami świadomości. [...] Wiedza zawarta w języku jest częścią szeroko rozumianej wiedzy o świecie, lecz częścią o nie zawsze wyraźnych granicach (там же, 33).

Культурная лингвистика трактует каждый элемент языковой системы как своего рода апелляцию к системе культуры, считает возможным на базе формы, структуры и семантики языковых знаков реконструировать культурный код, лежащий в основе поведения представителей данного сообщества. При этом, однако, считается, что культурный код шире языкового, прежде всего за счет того, что культура — по сравнению с языком — развивается более быстрыми темпами, о чем одним из первых писал Э. Сепир (1993, 282ссл.).

Отношение между языковым и когнитивным (культурным) содержанием знаков в культурной лингвистике (этнолингвистике) показывает следующий рисунок.

3. Проблема реальности концепта

Понятие концепта как своего рода синтеза языкового и неязыкового содержания слова (а шире — знака), с одной стороны, появилось и распространилось благодаря методологии постструктурализма, но, с другой стороны, оно вытекает из идеи интегративного описания языка, которая была разработана уже в системе структурной лингвистики, например — в известной теории И. А. Мельчука «смысл — текст» или в более поздней функциональной грамматике А. В. Бондарко. При этом важно, что модель Мельчука опиралась на релевантные языковые признаки (семантические, формальные, структурные, дистрибутивные), которые удерживаются в языковой памяти, т.е. отражают его реальную языковую компетенцию человека (неважно, в каких формах — аналоговых или «цифровых», т.е. условных). Этого не скажешь о категории концепта. Хотя известный языковед и семиотик Ю. С. Степанов, родоначальник лингвистической концептологии в России, пишет:

Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее (1997, 40)

однако реальность так понимаемого концепта вызывает сомнения. Это связано с тем, что концепт — в отличие от (системного) лексического значения — представляет собой (во всяком случае в работах большинства русских исследователей) компиляцию разных содержательных признаков, своего рода семантическую «мозаику», составленную из разнообразных элементов духовного и практического опыта носителей языка (см. Камалова 1998, 44). Так, Степанов пишет о сложной структуре концепта, который включает не только элементы понятия, но и «все то, что и делает его фактом культуры» (1997, 41), а именно — внутреннюю форму лексического знака (другими словами — мотивационное значение), «сжатую до основных признаков содержания историю», ассоциативное поле, оценочные интерпретации и др. Можно сомневаться в том, что «рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей», как выражается Степанов (или «дядя Вася, сантехник из соседней квартиры», как выражается Б. Ю. Норман), способен хранить в своей памяти и культивировать в своей деятельности настолько сложную, в некоторых чертах — специфическую информационную систему.

Так, вызывает сомнение отнесение к области содержания концепта — помимо прочих «слоев» — этимологии слова, т.е. закодированной в его форме мотивации, своего рода отсылки к ситуации именованного. Например, Степанов пишет, что культурный «смысл» существительного *петух* включает указание на внутреннюю форму, а именно — семантический признак: «птица, названная по своему особенному пению: *петух* от глагола *петь*» (1997, 42). Можно, однако, сомневаться (вопреки, напри-

мер, точке зрения Л. М. Васильева, см. 2006, 48), входит ли подобная (иногда совершенно неочевидная) этимологическая информация в обыденное сознание «рядового» носителя языка. Например, этимология слова *страх* восходит, по А. Вайану, к индоевропейскому корню **ser-*, на базе которого возник праславянский корень **srā-* ‘плыть’, лежащий в основе таких русских слов, как *страдать*, *струя*, *срать* (см. Степанов 1997, 673). Однако очевидно, что эта информация доступна лишь специалисту, для большинства же носителей языка этимологическая и вообще — историческая информация, преимущественно, не существенна.

В связи с этим напомним известное утверждение Ф. де Соссюра: «Синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он — подлинная и единственная реальность» (1977, 123; разрядка моя. — А. К.). Разумеется, это не исключает окказиональных и, в принципе, экзотических фактов актуализации внутренней формы как средства создания игрового, каламбурного эффекта, например, в художественной литературе, рекламе или публицистике. Но это — именно то исключение, которое подтверждает правило.

Сам Степанов признает существование таких культурных ситуаций (и описывает ситуации), когда этимологический компонент концептуального содержания является неосознаваемым (1977, 44). Тогда правомерен вопрос: можно ли подобную информацию относить к области содержания концепта, который — по определению самого Степанова — является сгустком культуры в сознании человека (ср. также его высказывание из другой книги: «Понятие „определяется“, концепт же „переживается“, 2007, 20»)?

Подобным же образом можно усомниться в психологической реальности ассоциативного «слоя» концептуального содержания, который — в интерпретации Степанова

— относится, скорее, к сфере специфического, экспертного знания, например, о формах ритуальных действий в разных культурах, которые представлены в работе: Степанов/Проскурин 2003, 408. Концепты русской культуры в книге Степанова предстают как концепты в голове академика Юрия Сергеевича Степанова, как их понимает академик Степанов, а не «дядя Вася, сантехник из соседней квартиры», у которого другой взгляд на мир и другая концептуальная система. Неслучайно И. К. Архипов — см. 2008, 63, замечает, что в книге Степанова для отражения 22 «констант русской культуры» понадобилось почти 1000 страниц печатного текста.

Об индивидуальности, специфичности и даже экзотичности так понимаемых концептов свидетельствует следующий пример их книги Степанова (2007, 89сл.): «Один польско-русский концепт — Ярослав Ивашкевич, „За что я ненавижу и люблю Россию”». Приведу фрагмент из текста:

Стихотворение Ярослава Ивашкевича (1894-1980) подлинное, но сам концепт — наша реконструкция (и, кажется, ко времени).

На моей кафедре в Московском Университете, давно уже, работал молодой стажер поляк Ян Вавжиньчик, с которым мы вместе учились своим языкам — он у меня русскому, я у него польскому. [...]

А у меня в одной пьесе (1989 г., конечно, неопубликованной, рукописи не горят, но «рукописи не публикуются и не возвращаются») есть замечательный персонаж — гениальный танцор балета Вацлав Нижинский, и он там читает по-русски польские стихи Я. Ивашкевича. Весь этот эпизод и образовал этот польско-русский концепт. [...]

(Далее приводится текст стихотворения Ивашкевича «Do Rosji» — «России» и его перевод на русский язык. — А. К.)

Мы уже знаем [...] что концепты можно посвящать. Тогда этот польско-русский пример я посвящаю Яну Вавжиньчику, автору и соавтору прекрасных работ, важных для русско-польского культурного общения. [...]

При аддитивном, компилятивном подходе концепты превращаются в культурные окказионализмы, и тогда возникает вопрос о степени их репрезентативности:

что, в самом деле, они представляют: константы культуры или же отдельные феномены («феномен Степанова», «феномен Аверинцева», «феномен Колаковского» и т.д.)? В связи с этим можно вспомнить разграничение А. А. Потебней двух понятий: ближайшего и дальнейшего значения слова. Дальнейшие значения, которые отражают сферу языкового знания, по мнению Потебни, имеют — в отличие от ближайших значений — индивидуальный характер (1958, 199сл.). Приблизительно о том же — в связи с определением смысла знака — писал Л. С. Выготский:

Смысл слова (в отличие от значения. — А. К.) [...] представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл слова, таким образом, оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи, и притом зона наиболее устойчивая, унифицированная и точная. [...] Между смыслом и словом существуют гораздо более независимые отношения, чем между значением и словом (1982, 346-347).

Противоречие в системе лингвистической лингвокультурологии состоит в том, что, с одной стороны, Степанов пишет о психологической реальности («переживаемости») концепта (см. выше), а с другой стороны, признает в качестве концептов «факты культурной жизни», например, такие, как «праздник женщин» — 8 марта, или «праздник мужчин» — 23 февраля (1997, 42). Понятие факта культурной жизни, с моей точки зрения, слишком широко для определения концепта, ведь культура основана на системе социально релевантных, обычно — институциональных действий (например, таких, как представление точки зрения, передача знания, оценка поступков, удовлетворение запроса, урегулирование конфликта и др.), концепт же относится к сфере ментальной (или другого рода) репрезентации мира.

Существует точка зрения о концепте как единице коллективного знания, имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой (Маслова 2005, 35; Шестак 2003, 7). Но и при таком подходе мы сталкиваемся с проблемами описания концептов. Первая проблема заключается в определении критерия конвенциональности. У лингвистов, которые пишут о концептах, нет привычки (подозреваю, что не возникает даже такая мысль) подкреплять свои лингвистические наблюдения материалом социологических исследований — а как иначе, если речь идет о коллективном сознании?! Исключения немногочисленны, см. например, работы М. Фляйшера: Fleischer 1997; 2003a; 2003b; 2004. Таким образом, вопрос о конвенциональности концептов решается «на глазок», на основе интуиции конкретного исследователя. Например, В. А. Маслова, выделяющая десять признаков русского концепта «дружба», пишет и о таком признаке:

Для русского сознания определяющей является мысль о том, что дружба тесно связана с образом жизни людей. Об этом свидетельствует русская пословица *Какову дружбу заведешь, такову и жизнь поведешь* (2006, 178).

Но, во-первых, «русское сознание» с того момента, когда возникла приведенная пословица, сильно изменилось: под влиянием западной культуры русские становятся все более прагматичными, поэтому для утверждения об этических мотивациях поведения современного русского человека нужна опора в виде уже упомянутых социологических исследований. Во-вторых, ссылка на пословицу как источник культурной информации вряд ли уместна: сама пословица относится к культурному и языковому прошлому — она давно вышла из широкого речевого обихода и никак не отражает культурного сознания современного русского человека. На это указывает и тот факт, что в электронном «Национальном

корпусе русского языка» нет (sic!) ни одного примера употребления этой языковой единицы.

В связи с этим заслуживает внимания работа Б. Хансена, который пишет о том, что многие семантические коннотации слов и словосочетаний (например, стереотип цыгана или еврея в пословицах) не актуальны в культурном или прагматическом аспекте. Они лексикализованы, т.е. представляют собой лишь элемент языковой конвенции, речевого навыка, идиоматики того или иного языка (Hansen 2006, 172).

Вторая проблема касается функционального единства концептов. Когда мы начинаем анализировать состав, концепта, как он представляется большинством русских лингвокультурологов, то убеждаемся, что концепт лишен важнейшего свойства семантической и понятийной категории — функционального единства. Концепт оказывается — повторяю — результатом аддитивного обобщения, компиляции, простого сложения информации из разных областей знания и из разных источников. Так понимаемый концепт не только не имеет ничего общего с языковой, но и с культурной компетенцией отдельных языковых личностей. Например, в публикуемой в данном сборнике статье М. В. Пименовой рассматриваются разные аспекты концепта «мудрец» в русской и английской культуре — на материале текстов разных авторов (2010, 101ссл.). При этом, однако, не приводятся никакие доказательства того, что между этими аспектами, которые эксплицированы на материале различных источников, имеется какая-либо интеракция — помимо соотнесенности с одним и тем же языковым знаком — существительным *мудрец* в русском языке и словосочетанием *wise man* в английском языке. Не доказанным остается факт, что все эти аспекты составляют общий, единый концепт «мудрец», что мы не имеем дела с серией концептов, отражающих специфическую категоризацию одного и того же явления разными культурными субъектами, часто относящимися к разным эпохам.

Третья проблема касается прагматической релевантности концептов. Степанов пишет, что концепт по-разному функционирует в «активном» и в «пассивном» слое:

В основном признаке, в актуальном значении, «активном» слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком [...] как средство их взаимопонимания и общения. [...] В дополнительных, «пассивных» признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп (а то и вовсе — для отдельных личностей. — А. К.) (1997, 45).

Это означает, что концепты неоднородны не только по своему содержанию, но и по своему функционированию. Социальная дифференциация культурного сообщества в работах лингвокультурологического направления часто остается «за кадром». В действительности же одни и те же явления и объекты концептуализируются по-разному — достаточно сослаться на программы разных политических партий или общественных движений. А. П. Павлов (2008) пишет о динамическом характере общественного сознания и, в частности, понятия нормы. Он ссылается на пример дореволюционной России и СССР, где коллективное (государственное) начало ставилось выше индивидуального, тогда как в первой декаде XXI века это представление утратило свое значение. Кроме того Павлов различает два типа схем поведения: идеальные, т.е. принятые в некотором сообществе за каноническую норму — «императивы правильного, должного поведения с точки зрения базисных ценностей и норм общества», и релевантные или практические (которые можно было бы также квалифицировать как узусальные или приватные), т.е. такие, которые реально культивируются в практической деятельности индивидов. Исследователь пишет, что в современной России представлены культурные ситуации, в которых «идеальные и практические паттерны не совпадают» (в качестве примера приводятся «неуставные отношения» в армейских подразделениях).

В зависимости от формата (степени сложности) культурного субъекта, можно различать концепты разного порядка: универсальные (общечеловеческие), национальные, региональные, групповые, гендерные, возрастные, профессиональные, конфессиональные, исторические и т.д. (см. также: Bourdieu 1974, 46). Важно, чтобы каждый концепт представлял собой действительный элемент коллективного (или реже — индивидуального) сознания, удовлетворяя требованию фреквентивности: содержание концепта должно быть известным если не всем, то по крайней мере большинству представителей данного культурного сообщества, и требованию интегративности: концепт функционирует как фактор социального (как определил бы В. Н. Волошинов — идеологического) единства.

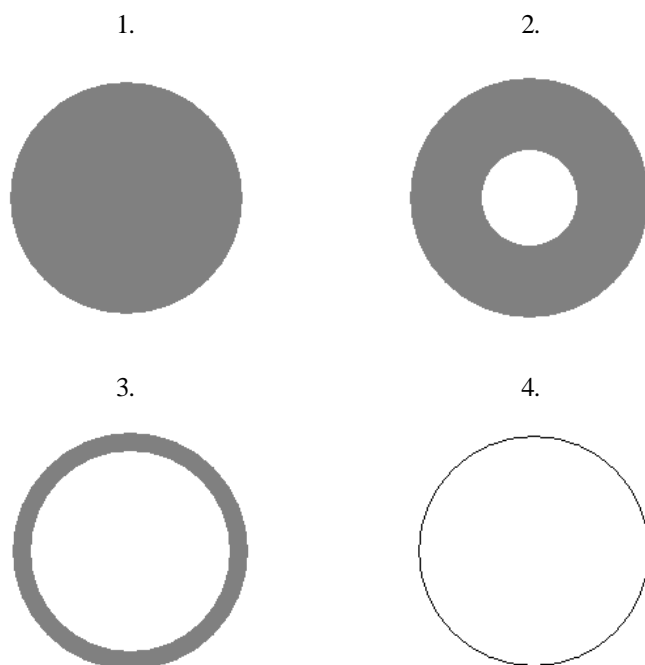
Варьирование содержания концепта (при сохранении его имени как, в сущности, внешнего и даже факультативного признака — ведь Степанов пишет и о концептах «без имени», см. 2007, 192ссл.) должно пониматься как культивирование альтернативных концептов, если строго придерживаться точки зрения, что концепт — это содержание культурной памяти индивида или социальной группы. При таком подходе концепт наполняется прагматическим содержанием, а именно — ставится в зависимость от конкретной культурной ситуации и от конкретной группы исполнителей культурно маркированных действий.

Отношение между содержанием концепта и сферой его действия напоминает отношение между содержанием и объемом понятия: чем шире содержание концепта, тем уже сфера его действия. В принципе на эту закономерность — хоть и не прямо — обращает внимание Степанов (1997, 45). Теоретически можно различать четыре типа культурных ситуаций:

1. концептуальное содержание отсутствует;
2. бедное содержание концепта;

3. богатое содержание концепта;
4. экспансивное содержание концепта.

Данные четыре типа функционирования концептов можно представить графически; при этом серый цвет означает сферу действия, а белый цвет — содержание концепта.

Первая ситуация характеризует действия, программируемые общими биологическими параметрами индивидов, т.е. действия на доконцептуальном уровне, которые имеют универсальный характер — охватывают максимально широкий объем популяции.

Вторая модель представляет функционирование коллективных концептов, которые охватывают супрагруппы индивидов, например, такие, как народы или геокультурные общности (европейцы). О таких случаях Степанов пишет, что

концепт (в своем «активном слое». — А. К.) актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения» (1997, 45).

С помощью третьей модели можно отобразить социально маркированные концепты, которые культивируются отдельными социальными группами, например, политиками, журналистами, крестьянами, лидерами общественных движений, представителями меньшинств и др. К этому же типу следует отнести и индивидуальные концепты.

Максимально широкое содержание концепта отражает четвертая модель, которая означает, что сфера его функционирования является нулевой. Действительно, экспликация, т.е. собрание воедино, всех возможных представлений и сведений о данном объекте или явлении — это научная абстракция. Подобную ситуацию можно представить себе лишь в виртуальном пространстве Интернета, где одна информация — с помощью системы так называемых гиперссылок — вызывает ассоциацию с другой, та — с третьей, четвертой и т.д. Этот процесс принципиально бесконечен, потому что за время, которое человек потратит на обработку всех возможных тематических узлов, появятся новые носители информации и новые тематические узлы.

4. Проблема недостаточного основания

В предыдущем разделе уже обращалось внимание на то, что при описании концептов лингвисты опираются, главным образом, на языковую информацию, почерпнутую из текстов или словарей. Это обосновывается тем, что

язык как основное средство коммуникации между людьми обладает кумулятивно-трансляционной функцией, т.е. он способен хранить и передавать информацию о культуре носителей того или иного языка. Другими словами, язык обладает своеобразной культурной памятью, в том числе национально-культурной (Deboveanu/Cojocaru 2000, 101).

В подобном духе пишет А. Д. Шмелев:

значение большого числа лексических единиц [...] включает в себя лингвоспецифические конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир. В других случаях лексико-семантический анализ позволяет уточнить выводы этнокультурологов, полученные без привлечения лингвистических данных (2002, 12).

По моим наблюдениям, упомянутые здесь «другие случаи» чрезвычайно редки, хотя Степанов ведь посвящает в своей книге отдельный раздел концептам без имени (2007, 192ссл.). Для широкой практики эксплицирования концептов в литературе характерен своего рода вербоцентризм — опора на языковые данные и игнорирование данных иного рода — социологических, психологических, этологических. Это в значительной степени объясняется тем, что большинство современных когнитивных лингвистов и этнолингвистов не имеют специального социологического или психологического образования, навыков проведения экспериментальных исследований или анкетирования. Об этом (на что обратила внимание Э. Табаковская, см. Tabakowska 2000, 67) еще в начале прошлого столетия писал выдающийся польский языковед Я. Розвадовский:

Mimo wyrzucenia logiczno-gramatycznego schematyzmu i stałego zaznaczania psychologicznego charakteru zjawisk językowych, językoznawcy w ogóle gruntownego wykształcenia psychologicznego nie posiadają (1903, 20; разрядка моя. — А. К.).

Вербоцентризм (примат языка) структурной лингвистики носил открытый, методологический характер, он заключался в признании языка как главенствующего фактора успешной коммуникации. В современной лингвокультурологии, а отчасти и в когнитивной лингвистике вербо-

центризм имеет неявный, процедурный характер и заключается в том, что основанием для культурологических обобщений является материал языка: лексические номинации, лексическая сочетаемость, фразеология, частота употребления слов и др. Многие лингвисты этого направления, отрицающие структурализм, бессознательно используют классический метод структурной лингвистики — дистрибутивный анализ, который в данном случае заключается в том, что из характера лексической сочетаемости знаков выводятся элементы содержания реализуемых ими культурных концептов или «когниций» (см. Kiklewicz 2004).

Об отсутствии непосредственной детерминации в отношении между языком и культурой написано множество томов, одной из последних является богатая по содержанию книга А. Гута (Gut 2009). В свете обсуждаемой здесь лингвистической концептологии обращу внимание на два аспекта этой проблемы. Первый аспект касается ограниченного характера культурных аппелляций в содержании языковых выражений. В современных исследованиях, как уже писалось в разделе 2, лексический знак рассматривается как носитель когнитивного или культурного содержания. Так, Е. Бартинский вводит понятие профиля как специфического, обусловленного культурной средой и/или коммуникативными условиями видения объекта или положения вещей (Bartmiński/Niebrzegowska 1998, 217). Например, выделяются четыре профиля немца в системе (а отчасти и в истории) польской культуры: чужака, франта («pludrak»), оккупанта и богатого европейца (Bartmiński 1998, 231). При этом важно то, что Бартминский рассматривает каждый из этих профилей как элемент лексического содержания слова:

[...] Należy stwierdzić, że różne profile nie są różnymi znaczeniami, lecz sposobami organizacji treści semantycznej wewnątrz znaczeń. Są tworzone na zasadzie derywacji wychodzącej od

bazowego zespołu cech semantycznych w obrębie znaczenia — otwartego zespołu cech (Bartmiński/Niebrzegowska 1998, 220; разрядка моя. — А. К.).

Языковой материал, однако, не подтверждает этого положения. По моим наблюдениям, употреблению названий национальностей, например, в публицистических текстах довольно редко сопутствует какая-то либо культурная информация — существительное *немец* означает ‘представитель немецкого народа; житель, гражданин Германии’, и только. Ср.:

- (30) Теперь первый опасный соперник — весьма искусно играющий на траве немец Давид Приношил — может встретиться на пути Сафина лишь в третьем круге («Известия», 25 VI 2001).

Уже Э. Сепир различал в системе языка формальные и концептуальные категории (1993, 193ссл.). Современный немецкий славист Б. Хансен развивает это положение, показывая на конкретном языковом материале, что культурные коннотации не всегда сопровождают употребление языковых знаков, во всяком случае культурная информация не составляет очевидного элемента лексического фона (Hansen 2006, 170ссл.). Ср. приводимые им примеры этнонимов:

- (31) греческий салат, итальянский салат, кофе по-турецки
(32) нем. *holländische Soße* ‘голландский соус’, *Russischbrot* ‘русский хлеб, т.е. кекс в форме букв’, *Russenmaß* ‘в Баварии — один литр пива, смешанного с кока-колой’
(33) хорв. *francuzka salata* ‘французский салат’

Хансен пишет, что только некоторые из подобных выражений отражают национальную специфику, например, страну происхождения: *греческий салат*, *японки*, *французский каблук*. Многие же из них вообще потеряли связь с источником: *Russischbrot*, *английский вальс*, *английская соль*. Немецкий автор считает, что такие случаи являются

результатом лексикализации, т.е. потери первичной мотивации слова или словосочетания (2006, 172).

Второй аспект отношений между языком и культурой — применительно к проблематике концептов — касается достаточности языкового основания при выделении и описании концептов. Действительно, нельзя не согласиться с процитированным выше Шмелевым, что в лексических содержаниях слов и словосочетаний (свободных и устойчивых) закодированы общие представления носителей языка о мире, в том числе — добавлю — и представления о представлениях. Но если концепты — это, действительно, константы культуры, другими словами — общие схемы интерпретации мира и схемы поведения, значит, они должны находить проявление в разных сферах деятельности человека — не только в языке, но и в процессах запоминания, в решении невербальных задач, таких, например, как задача выбора, в визуальном восприятии, в формах социального поведения, в оценках и др. Это свойство концептов (и вообще так называемых «схем интерпретации») можно определить как функциональную амбивалентность. Ср. точку зрения И. К. Архипова:

Данные исследований последних 20 лет указывают на то объективное обстоятельство, что внутренний мир человека, мир мыслей и языка, складывается под влиянием всех сигналов, поступающих в тело и доступных рецепторам различных систем, не только вербальных (2008, 60; разрядка моя. — А. К.).

Требование функциональной амбивалентности познавательных категорий было каноном психолингвистических исследований в 60-80-е годы прошлого столетия. Критикуя спекулятивный подход к решению проблемы языковой относительности, известные американские психолингвисты М. Коул и С. Скрибнер пишут о когнитивной интерпретации грамматических различий в естественных языках:

Как и в случае тех языковых данных, которые относятся к лексическим различиям, мы снова не вполне представляем себе, как следует истолковать эти данные. Уорф и другие авторы убеждают нас в том, что языковые категории оказывают неизбежное влияние на наше мышление, но о мышлении они опять же судят на основе языковых данных. Они не предполагают независимых от языка данных о познавательных процессах. Таким образом, мы должны судить о процессах мышления либо на основе общих характеристик культуры (значения которых можно истолковать по-разному), либо на основе каких-либо других языковых данных, которые предположительно имеют отношение к познавательным процессам. В обоих случаях мы идем по тонкому льду (1977, 68; разрядка моя. — А. К.).

Проверка на функциональную амбивалентность познавательных категорий — по отношению к разным сферам духовной и практической деятельности человека, в психолингвистике осуществлялось с помощью экспериментов. Примером может служить классический эксперимент Дж. Кэррола и Дж. Касагранде (см. Коул/Скрибнер 1977, 68сл.).

В современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии то, что для психолингвистов было только исследовательской гипотезой, толчком к ее экспериментальному подтверждению, считается уже доказанным фактом. Здесь мы имеем дело с манипулятивным силлогизмом типа: «*ab esse ad posse*» («если нечто возможно, то оно существует»). Когда исследователи на материале языковых данных конструируют содержание концептов культуры, нет никакой гарантии, что в результате мы имеем дело с инвариантными — в рамках данного культурного сообщества — категориями, гештальтами поведения, поскольку они выведены из конкретного, а именно — языкового материала, и их инвариантный, в сущности — концептуальный, статус не доказан. В этом контексте заслуживает внимания позиция известной польской исследовательницы К. Писарковой, которая считает, что если стереотипы сознания устанавливаются на материале естественного языка (или языковых тек-

стов), то их необходимо квалифицировать как языковые стереотипы (Pisarkowa 1994, 215).

Е. Бартминский, ведущий в Польше специалист в области этнолингвистики, хотя и не пишет прямо о функциональной амбивалентности познавательных и культурных категорий, то все же обращает внимание на то, что при экспликации языковой картины мира необходимо опираться не только на факты языка, но и на релевантный с точки зрения интерпретации языковых фактов внеязыковой контекст («kontekst przyjęzykowy») (Bartmiński 2001, 33). Эту идею — еще в более категорической форме — высказывал в XIX веке В. Вундт, который решительно противился использованию в исследованиях «психологии народа» художественных текстов:

Психология народов должна обнимать те психические явления, которые представляют собою продукты совместного существования и взаимодействия людей. Она не может, следовательно, захватывать те области, в которых сказывается преобладающее влияние личностей, например, литературу. Исключая подобные области, находим, что объектом психологии народов будут служить язык, мифы (с зачатками религии) и обычаи (с зачатками морали) (1912).

Разумеется, художественных текстов нельзя исключать как объектов концептуальных исследований, однако они в этом отношении интересны прежде всего как сферы реализации так называемой текстовой картины мира (см. Киклевич 2006а; 2006б).

При изучении концептов важно учитывать их прагматическую маркированность: концепты обусловлены социально-культурными параметрами своих носителей, а следовательно изменчивы во времени и в пространстве (см. раздел 3). В социологической литературе описан случай американского исследователя М. Шерифа, который в 30-е годы прошлого столетия планировал путешествие со своей женой, индианкой, по Соединенным Штатам. Когда Шериф, резервируя номер в гостинице по те-

лефону, сообщал, что его жена — индианка, то в большинстве случаев получал отказ («Места заняты» и т.п.). Когда же, несмотря на это, он отправился с женой в путешествие, ни в одной гостинице — при непосредственном контакте с рецепцией — проблем с получением номера не было (см. Brosius/Koschel 2005, 133). Этот пример свидетельствует о том, что стереотипы культурного сознания обусловлены сферами поведения людей, например, такими, как идеальная (декларативная) vs. практическая — по определению А. П. Павлова (2008; см. раздел 3). Это, предположительно, не исключает возможности существования концептов общего значения.

Заключение

Современная культурная лингвистика, или лингвокультурология, представлена в данной статье как версия открытой семантики, а также — в более широком аспекте — интерпретативной лингвистики, которая рассматривает естественный язык с точки зрения социальных, когнитивных, эмотивных, культурных и др. мотивационных контекстов, влияющих на формирование и функционирование системы языка, на понимание текстов. В качестве наиболее значимых теорий этого научного направления были отдельно рассмотрены интерактивная теория метафоры А. Ричардса, модальная и интенциональная семантика, синтагматическая семантика, теория универсальных терминов А. Вежбицкой.

В основе культурной лингвистики лежат два понятия: концепта и стереотипа. Концепт, который представляет собой смежную категорию по отношению к паттернам, фреймам, скриптам, когнитивным доменам, семантическим гештальтам и др., понимается как функционирующее в коллективном сознании сложное представление о выделенном фрагменте физической, социальной, психической или биологической действительности, а также

как представление о представлениях, которое отражает культурно-исторический опыт социальной группы и культивируется большинством ее членов.

Специального внимания заслуживает отношение между концептуальным и номинативным (системным) содержанием знаков. Было отмечено, что в структурной лингвистике эти понятия рассматривались дизъюнктивно, т.е. из лексического значения намеренно устранялись всяческие контекстные «добавки», тогда как когнитивная лингвистика включила элементы «лексического фона» в содержание слова. В современной культурной лингвистике языковое значение рассматривается как часть концепта, в структуре которого находится также внутренняя форма слова, его ассоциативное поле, представления о прототипических референтах и др.

Основное место в статье занял критический анализ лингвистической концептологии. Проблема репрезентативности заключается в том, что при компилятивном подходе к содержанию концептов их границы «размываются», становится неясным статус концептуального субъекта: индивидуальная личность, социальная группа или народ? Концепты (в их полном объеме) предстают, скорее, как научные, теоретические конструкции, которые реально не «переживаются» в культурно маркированных действиях, а уж тем более не составляют реальности психической деятельности индивидов.

Второй проблемой является отсутствие функционального единства концептов. В современных лингвокультурологических исследованиях концепты определяются на основе разнородных данных (в том числе в историческом плане), часто на базе художественных текстов, которые, как известно, в значительной степени отражают черты индивидуального «внутреннего мира» их авторов. Остается недоказанным, представляют ли так понимаемые концепты функциональные категории или же про-

стое нагромождение полученных из разных источников сведений на определенную тему.

Проблема недостаточного основания состоит в том, что в концептуальных исследованиях господствует филологический подход, в соответствии с которым выделение и описание концептов опирается на языковые данные. При этом игнорируется важнейшее требование, предъявляемое ко всем схемам интерпретации, а именно — требование функциональной амбивалентности: концепты должны иметь силу (другими словами — моделирующую, программирующую функцию) по отношению к разнообразным формам проявления культуры. Ограничивая сферу релевантности концептов языковыми источниками, лингвисты напоминают пресловутого натуралиста из книги А. Пуанкаре «Ценность науки» (1990, 213), который считал, что достаточно знает слона, хотя всю жизнь изучал это животное под микроскопом.

Критика современных лингвистических теорий концептуализации не означает, что понятие концепта избыточно. Несмотря на то, что разного рода культурная информация не входит в семантический минимум знака и может быть неактуальной в практическом режиме речи (см. Kiklewicz 2007a, 72ссл.), она присутствует в содержании в виде коннотаций, которые особенно важны в рефлексивном режиме речи, когда фактором понимания сообщения является не только декодирование языкового сообщения, но и интерпретация коммуникативных установок отправителя информации. Концепты могут функционировать в тексте как семантические доминанты (см. Kiklewicz 2007b) — тематические организаторы текста, роль которых особенно очевидна по отношению к выражениям с компрессированной структурой, а также в ситуациях смыслового прогнозирования, которое оптимизирует речевое взаимодействие. Исключительно важную роль (как положительную, так и отрицательную) играют концепты в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов, И. К. (1997), Лексический прототип, лексема и отношение языка и речи, [в:] К юбилею ученого. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Е. С. Кубряковой. Москва, 23-28.
- Архипов, И. К. (2008), Язык и языковая личность. Санкт-Петербург.
- Баранов, А. Н. (1998), Когнитивное моделирование значения: внутренняя форма как объяснительный фактор, [в:] Русистика сегодня. 3-4, 92-100.
- Вежбицкая, А. (1983), Из книги «Семантические примитивы», [в:] Степанов, Ю. С. (ред.), Семиотика. Москва, 225-252.
- Вундт, В. (1912), Проблемы психологии народов. Москва. [Источник: <http://svetorusje.ru/knizhtitza/Vundt-PsixNarodov.htm>].
- Выготский, Л. С. (1982), Собрание сочинений. 2. Проблемы общей психологии. Москва.
- Дилтс, Р. Б. (2001), Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. Санкт-Петербург.
- Звегинцев, В. А. (ред.) (1968), История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Т. 2. Москва.
- Зельдович, Г. (1998), Русские временные квантификаторы. Вена.
- Камалова, А. А. (1998), Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. Архангельск.
- Киклевич, А. К. (1992), Художественный текст и теория возможных миров, [в:] Борухов, Б. Л./Седов, К. Ф. (ред.), Художественный текст: онтология и интерпретация. Саратов, 39-47.
- Киклевич, А. К. (1999), Функциональная лингвистика. Минск.
- Киклевич, А. К. (1993), Язык — личность — диалог (некоторые экстраполяции социоцентрической концепции М. М. Бахтина), [в:] Диалог — Карнавал — Хронотоп. 1-2, 9-20.
- Киклевич, А. К. (2006a), Языковая картина мира vs. текстовая картина мира (на материале польской рекламы бытовой техники), [в:] Пипер, П./Стернин, И. А. (ред.), Коммуникативное поведение. 22. Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, украинцы, поляки, словаки. Воронеж, 146-165.
- Киклевич, А. К. (2006b), Текстовая картина мира (на материале польской рекламы бытовой техники), [в:] Kiklewicz, A./Ważnik, S. (ред.), Паланістыка — Полоністыка — Polonistyka 2006. Мінск, 259-293.
- Киклевич, А. К. (2007), Притяжение языка. Том 1. Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика. Olsztyn.
- Киклевич, А. К. (2008), Притяжение языка. Том 2. Функциональная лингвистика. Olsztyn.

- Коул, М./Скрибнер, С. (1977), Мышление и культура. Психологический очерк. Москва.
- Кошелев, А. Д. (1996), Референциальный подход к анализу языковых значений, [в:] Московский лингвистический альманах. 1, 82-194.
- Мартьянов, В. В. (1966), Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск.
- Мартьянов, В. В. (1977), Универсальный семантический код. Грамматика. Словарь. Тексты. Минск.
- Маслова, В. А. (2005), Когнитивная лингвистика. Минск.
- Павлов, А. П. (2008), Природа коммуникативного порядка, [в:] <http://vitos-mf.narod.ru/libruary/sociology1.htm>
- Падучева, Е. В. (1985), Высказывание и его соотношенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. Москва.
- Перцов, Н. В. (1996), О некоторых проблемах семантики и компьютерной лингвистики. В: Московский лингвистический альманах. 1, 99-66.
- Перцов, Н. В. (1998а), К проблеме инварианта грамматического значения. 1. Глагольное время в русском языке. В: Вопросы языкознания. 1, 3-26.
- Перцов, Н. В. (1998b), К проблеме инварианта грамматического значения. 2. Императив в русском языке, [в:] Вопросы языкознания. 2, 88-101.
- Перцов, Н. В. (1999), Заметки об инварианте, [в:] Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. Москва, 412-421.
- Перцов, Н. В. (2000), О неоднозначности в поэтическом языке, [в:] Вопросы языкознания. 3, 55-82.
- Пименова, М. В. (2010), О культурных стереотипах (представления о мудреце в русской и английской лингвокультурах), [в:] Киклевич, А./Камалова, А. (ред.), Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ. Olsztyn, 101-113.
- Потебня, А. А. (1958), Из записок по русской грамматике. Москва.
- Пуанкаре, А. (1990), О науке. Москва.
- Ричардс, А. А. (1990), Философия риторики, [в:] Арутюнова, Н. Д./Журиная, М. А. (ред.). Теория метафоры. Москва, 44-67.
- Рудяков, А. Н. (2004), Язык, или почему люди говорят. Опыт функционального определения естественного языка. Киев.
- Сепир, Э. (1993), Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва.
- Соссюр, Ф. де (1977), Труды по языкознанию. Москва.
- Срезневский, И. И. (1986), Русское слово. Избранные труды. Москва.
- Степанов, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва.

- Степанов, Ю. С. (2007), Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва.
- Степанов, Ю. С./Проскурин, С. Г. (2003), Концепт «действие» в контексте мировой культуры, [в:] Арутюнова, Н. Д. (ред.), Логический анализ языка. Избранное 1988-1995. Москва, 403-413.
- Филлмор, Ч. (1988), Фреймы и семантика понимания, [в:] Петров, В. В./Герасимов, В. И. (ред.), Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 234. Когнитивные аспекты языка. Москва, 52-92.
- Чарняк, Ю. (1983), Умозаключения и знания, [в:] Звегинцев, В. А. (ред.), Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. Москва, 272-317.
- Шестак, Л. А. (2003), Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. Волгоград.
- Шмелев, А. Д. (2002), Русская языковая картина мира. Материалы к словарю. Москва.
- Шмелев, Д. Н. (1964), Очерки по семасиологии русского языка. Москва.
- Шмелев, Д. Н. (1973), Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Москва.
- Awdziejew, A. (2004), Gramatyka interakcji werbalnej. Kraków.
- Bartmiński, J. (1998), Zmiany stereotypu Niemca w Polsce. Profile i ich historyczno-kulturowe uwarunkowania, [в:] Bartmiński, J./Tokarski, R. (red.). Profilowanie w języku i w tekście. Lublin, 225-236.
- Bartmiński, J. (1999), Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata, [в:] Bartmiński, J. (red.), Językowy obraz świata. Lublin, 103-120.
- Bartmiński, J. (2001), O językowym obrazie świata Polaków końca XX wieku, [в:] Dubisz, S./Gajda, S. (red.), Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju. Warszawa, 27-53.
- Bartmiński, J./Niebrzegowska, S. (1998), Profile a podmiotowa interpretacja świata, [в:] Bartmiński, J./Tokarski, R. (red.), Profilowanie w języku i w tekście. Lublin, 211-224.
- Bourdieu, P. (1974), Zur Soziologie der symbolischen Formen. Frankfurt am Main.
- Brosius, H.-B./Koschel, F. (2005), Methoden der empirischen Kommunikationsforschung. Eine Einführung. Wiesbaden.
- Chlebda W. (1991), Elementy frazeatyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy. Opole.
- Deboveanu, E./Cojocaru, D. (2000), Культурная память фразеологии, [в:] Prace Filologiczne. XLV, 101-112.
- Fleischer, M. (1997), Das System der russischen Kollektivsymbolik (eine empirische Untersuchung). München.
- Fleischer, M. (2003a), Wirklichkeitskonstruktion. Dresden.
- Fleischer, M. (2003b), Polska symbolika kolektywna. Wrocław.
- Fleischer, M. (2004), Europa, Niemcy, USA i Rosja w polskim systemie kultury. Wrocław.

- Gut, A. (2009), O relacji między myślą a językiem. Studium krytyczne stanowisk utożsamiających myśl z językiem. Lublin.
- Hansen, B. (2006), Экономные как немцы. Национальные стереотипы и их отражение в коннотациях этнонимов в русском и других языках, [w:] *Acta Neophilologica*. VIII, 163-173.
- Kiklewicz, A. (2004), Nominacja czy reprezentacja? (O niektórych dyskusyjnych zagadnieniach współczesnej semantyki kognitywnej). W: Aleksejko, M./Kuczyńska, M. (red.), *Słowo. Tekst. Czas*. VII. Nowe środki nominacji językowej w nowej Europie. Szczecin, 389-396.
- Kiklewicz, A. (2007a), *Aspekty teorii względności lingwistycznej*. Olsztyn.
- Kiklewicz, A. (2007b), Dominanta semantyczna jako czynnik rozumienia wypowiedzi i tekstu, [w:] *Język Polski*. LXXXVII/1, 3-15.
- Kiklewicz, A. (2009), Funkcjonalno-komunikacyjne aspekty teorii metafory, [w:] *Poradnik Językowy*. 3, 53-67.
- Mańczyk, A. (1982), Wspólnota językowa i jej obraz świata. Krytyczne uwagi do teorii językowej Leo Weisgerbera. Zielona Góra.
- Martin, W. (1997), A Frame-based Approach to Polysemy, [w:] Cuyckens, H./Zawada, B. (red.), *Polysemy in Cognitive Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia, 100-120.
- Mooij, J. J. A. (1978), Ładunek, nośnik a referencja, [w:] *Przegląd Humanistyczny*. 6, 89-102.
- Pisarkowa, K. (1994), *Z pragmatycznej stylistyki, semantyki i historii języka*. Wybór zagadnień. Kraków.
- Richards, I. A. (1950), *The Philosophy of Rhetoric*. Oxford.
- Rozwadowski, J. (1903), Semazjologia, czyli nauka o rozwoju znaczeń wyrazów. Jej stan obecny, zasady i zadania, [w:] *Eos*, 17-111.
- Searle, J. R. (1979), *Metaphor*, [w:] Ortony, A. (red.), *Metaphor and Thought*. London — New York — Melbourne, 92-123.
- Tabakowska, E. (1995), *Gramatyka i obrazowanie*. Wprowadzenie do językoznawstwa kognitywnego. Kraków.
- Tabakowska, E. (2000), Językoznawstwo kognitywne — nowe czy dawne horyzonty badań nad językiem? [w:] Szpila, G. (red.), *Język a komunikacja 1. Język trzeciego tysiąclecia*. Kraków, 56-68.
- Tokarski, R. (1995), *Semantyka barw we współczesnej polszczyźnie*. Lublin.
- Weisgerber, L. (1964), *Zur Grundlegung der ganzheitlichen Sprachforschung. Aufsätze 1925-1933*. Düsseldorf.
- Weisgerber, L. (1971), *Die geistige Seite der Sprache und ihre Erforschung*. Düsseldorf.
- Wierzbicka, A. (1999), *Język, umysł, kultura*. Warszawa.
- Wierzbicka, A. (2002), *Co mówi Jezus? Objąsanie przypowieści ewangelicznych w słowach prostych i uniwersalnych*. Warszawa.

SUMMARY

Concept! Concept... Concept? A critical analysis of modern linguistic conceptology

KEYWORDS: linguistic semantics, functional linguistics, cognitive linguistics, linguistic conceptology, concept.

The author considers the problem of the linguistic investigation of cultural concepts, particularly with reference to Russian linguistics. Modern cultural linguistics is perceived as a direction in open semantics as well as in interpretative linguistics. The concept and the stereotype are basic notions of cultural linguistics. The author focuses on the treatment of the relationship between the language meaning and the cognitive meaning as presented in different linguistic paradigms: in structural, cognitive and cultural linguistics. The postulates of modern cultural linguistics are treated critically. The author discusses three problems of the concept description: the problem of the representativeness, the problem of functional unity and the problem of the insufficient basis.